

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 • 2017

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров,

доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева,

доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова,

доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаи,

доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

П. Н. Бирюков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

С. И. Давыдов,

доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин,

доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев,

доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин,

доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян,

доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов,
кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова,
доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

Е. В. Марковичева,
доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов,
доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

С. Б. Россинский,
доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко,
доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

М. К. Свиридов,
доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

И. В. Смолькова,
доктор юридических наук, профессор
(Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров,
доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия)

Адрес редакции:

394006 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Подписано в печать 02.11.2017. Формат 70×108/16

Уч.-изд. л. 13,1. Усл. п. л. 13,6. Тираж 300 экз. Заказ 457

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2017

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2017

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 • 2017

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov,

doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva,

doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova,

doctor of legal sciences, professor
(Vorlhograd State University);

M. O. Baev,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash,

doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

P. N. Biriukov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

S. I. Davidov,

doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin,

doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev,

doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin,

doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian,

doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov,
candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova,
doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

E. V. Markovicheva,
doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

N. G. Muratova,
doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin,
doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov,
doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

S. B. Rossinskiy,
doctor of legal sciences, associate professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko,
doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

M. K. Sviridov,
doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

I. V. Smolkova,
doctor of legal sciences, professor
(Baikal State University);

V. V. Trukhachev,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov,
doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy)

Editorial address:

394006 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2017

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

7 ПРАВО, РОЖДЕННОЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ	
	О суде: декрет от 24 ноября 1917 г.	8
	О суде: декрет от 7 марта 1918 г. № 2	10
	О суде: декрет от 20 июля 1918 г. № 3	18
	Советская юстиция	20
	Советская прокуратура	37
	Советский суд	47
551917 ГОД И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ	
	<i>Верещагина А. В.</i> О значении некоторых правовых феноменов в переходный период: по страницам юридических публикаций 1917 года (февраль-октябрь)	55
	<i>Верещагина А. В.</i> Декрет №1 о суде: история подготовки и его содержание	61
	<i>Титков В. И.</i> Революционные трибуналы как органы политической борьбы	71
84ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	
	<i>Александров А. С., Босов А. Е.</i> О «гармонизации российского права» и преодолении «конвенционно-конституционных коллизий» средствами риторики	84
	<i>Баева К. М.</i> Субъекты злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве	94
	<i>Зотов Д. В.</i> Природа доказательственных фикций в уголовно-процессуальном праве	101
	<i>Сабитаева А. К.</i> Об уголовно-процессуальном иммунитете судей	109
114ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО	
	<i>Смолькова И. В.</i> Является ли явка с повинной признанием обвиняемым своей вины?	114
120 СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО	
	<i>Панько Н. К.</i> Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты	120
	<i>Стародубова Г. В., Мурашко А. А.</i> Сокращенное производство в суде апелляционной инстанции	128
	ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	
133 И ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
	<i>Сыщикова Т. М.</i> Некоторые вопросы совершенствования деятельности суда присяжных, связанные с расширением его компетенции	133
	<i>Шабанов П. Н.</i> Проблемы реализации положений профессионального стандарта деятельности адвоката-защитника	138
	<i>Григорян Г. М.</i> Роль и значение иммунитетов должностных лиц, причастных к совершению военных преступлений	142
153 ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ	
	<i>Зотов Д.</i> Пролетарский суд – кузница нового быта	153

CONTENTS

7	LAW, BORN OF THE REVOLUTION
55	1917 AND JUDICIAL AUTHORITY
		Vereschagina A. V. About significance of some legal institutes in the transition period: on pages of juridical publications of 1917 (February–October)55
		Vereschagina A. V. The decree №1 about court: experience of reconsideration of history of creation and the content.....61
		Titkov V. I. Revolutionary tribunals as organs of political struggle.....71
84	GENERAL PROVISIONS OF CRIMINAL PROCESS
		Alexander A. S., Bosov A. E. About the «harmonization of Russian law» and the overcoming «the Convention-constitutional conflicts» by rhetoric means84
		Baeva K. M. Subjects of abuse of rights in criminal process94
		Zotov D. V. The nature of the evidentiary fictions in criminal procedural law101
		Sabitayeva A. K. On the issue of criminal procedural immunity of judges109
114	PRETRAIL
		Smolkova I. V. Whether the confession recognition of guilt by the accused?114
120	TRAIL
		Panko N. K. The termination of criminal case or criminal prosecution in connection with the appointment of the measures of criminal-legal character in the form of court penalty: conditions of use and disputes.....120
		Starodubova G. V., Murashko A. A. Reduced production in the appeal proceedings128
133	JUDICIAL BRANCH
		Syschikova T. M. Some questions of improvement of trial by jury related to the extension of its competence133
		Shabanov P. N. Problems of implementation of provisions of the professional standard of activity of the lawyer defender138
		Grigoryan G. M. Role and importance of immunities of officials involved in the military crimes.....142
153	ARTS AND JUSTICE
		Zotov D. Proletarian court – forge a new being153

СОВЕТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ РСФСР

ДЕКРЕТЪ

отъ 24 ноября 1917 года

О СУДЕ

Советъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1) Упразднить донныне существующія общія судебныя установленія, какъ-то: окружныя суды, судебныя палаты и правительствующій сенатъ со всеми департаментами, военныя и морскіе суды всехъ наименованій, а также коммерческіе суды, заменяя все эти установленія судами, образуемыми на основаніи демократическихъ выборовъ.

О порядке дальнѣйшаго направленія и движенія неоконченныхъ дель будетъ изданъ особый декретъ.

Теченіе всехъ сроковъ приостанавливается, считая съ 25 октября с.г. впредь до особаго декрета.

2) Приостановить действіе существующаго донныне института мировыхъ судей, — заменяя мировыхъ судей, избираемыхъ донныне непрямыми выборами, местными судами въ лице постояннаго местного судьи и двухъ очередныхъ заседателей, приглашаемыхъ на каждую сессію по особымъ спискамъ очередныхъ судей. Местныя судьи избираются впредь на основаніи прямыхъ демократическихъ выборовъ, а до назначенія таковыхъ выборовъ временно — районными и волостными, а где таковыхъ нѣтъ, уездными, городскими и губернскими Советами Раб., Солд. и Кр. Депутатовъ.

Этими же Советами составляются списки очередныхъ заседателей и определяется очередь ихъ явки на сессію.

Прежніе мировые судьи не лишаются права, при изъявленіи ими на то согласія, быть избранными въ местныя судьи какъ временно Советами, такъ и окончательно на демократическихъ выборахъ.

Местныя суды решаютъ все гражданскія дела ценою до 3.000 р. и уголовныя дела, если обвиняемому угрожаетъ наказаніе не свыше 2 летъ лишенія свободы и если гражданскій искъ не превышаетъ 3.000 р. Приговоры и решенія местныхъ судовъ окончательны и обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ не подлежатъ. По деламъ, по коимъ присуждено денежное взысканіе свыше 100 р. или лишеніе свободы свыше 7 дней, допускается просьба о кассациі. Кассационной инстанціей является уездный, а въ столицахъ — столичный съездъ местныхъ судей.

Для разрешенія уголовныхъ дель на фронтахъ местныя суды темъ же порядкомъ избираются полковыми советами, а где ихъ нѣтъ — полковыми комитетами.

О судопроизводствѣ по прочимъ судебнымъ деламъ будетъ изданъ особый декретъ.

3) Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры.

Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовнымъ деламъ возлагается на местныхъ судей единолично, приче́мъ постановленія ихъ о личномъ задержаніи и о преданіи суду должны быть подтверждены постановленіемъ всего местного суда.

Въ роли же обвинителей и защитниковъ, допускаемыхъ и въ стадіи предварительнаго следствія, а по гражданскимъ деламъ — поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоого пола, пользующіеся гражданскими правами.

4) Для принятія и дальнѣйшаго направленія дель и производствъ, какъ судебныхъ установленій, такъ и чиновъ предварительнаго следствія и прокурорскаго надзора, а равно и советовъ присяжныхъ поверенныхъ, соответствующіе местные Советы Р., С. и Кр. Депутатовъ избирають особыхъ комиссаровъ, которые принимаютъ въ свое веденіе архивы и имущества этихъ учреждений.

Все́мъ низшимъ и канцелярскимъ чинамъ упраздняемыхъ учреждений предписывается оставаться на своихъ местахъ и подъ общимъ руководствомъ комиссаровъ исполнять все необходимыя работы по направленію незаконченныхъ дель, а равно и давать, въ назначенные дни, заинтересованнымъ лицамъ справки о положеніи ихъ дель.

5) Местные суды решаютъ дела именемъ Россійской Республики и руководятся въ своихъ решеніяхъ и приговорахъ законами свергнутыхъ правительствъ лишь постольку, поскольку таковыя не отменены революціей и не противоречатъ революціонной совести и революціонному правосознанію.

Примечаніе. Отмененными признаются все законы, противоречащія декретамъ Ц.И.К. Советовъ Р., С. и Кр. Деп. и Рабочаго и Крестьянскаго Правительства, а также программамъ — минимумъ Р. С. — Д. Р. Партіи и Партіи С. Р.

6) По все́мъ спорнымъ гражданскимъ, а также и частно-уголовнымъ деламъ стороны могутъ обращаться къ третейскому суду. Порядокъ третейскаго суда будетъ определенъ особымъ декретомъ.

7) Право помилованія и возстановленія въ правахъ лицъ, осужденныхъ по уголовнымъ деламъ, впредь принадлежитъ судебной власти.

8) Для борьбы противъ контръ-революціонныхъ силъ въ видахъ принятія меръ огражденія отъ нихъ революціи и ея завоеваній, а равно для решенія дель о борьбе съ мародерствомъ и хищничествомъ, саботажемъ и прочими злоупотребленіями торговцевъ, промышленниковъ, чиновниковъ и пр. лицъ, учреждаются рабочіе и крестьянскіе Революціонные Трибуналы, въ составе одного председателя и шести очередныхъ заседателей, избираемыхъ Губернскими или Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатовъ.

Для производства же по этимъ деламъ предварительнаго следствія при техъ же Советахъ образуются особыя следственные комиссіи.

Все следственные комиссіи, донныне существовавшія, отменяются съ передачей ихъ делъ и производствъ во вновь организуемыя при Советахъ следственные комиссіи.

Предс. Сов. Нар. Ком.
В. УЛЬЯНОВЪ (ЛЕНИНЪ)

Комиссары:
А. ШЛИХТЕРЪ
Л. ТРОЦКІЙ
А. ШЛЯПНИКОВЪ
І. ДЖУГАШВИЛИ (СТАЛИНЪ)
Н. АВИЛОВЪ (Н. ГЛЕБОВЪ)
П. СТУЧКА

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ДЕКРЕТ

от 7 марта 1918 г. № 2

О СУДЕ

В развитие и дополнение декрета о суде от 24 ноября 1917 года Всероссийский Центральный Исполнительный комитет С. Р., С., Кр. и Казачьих Депутатов постановляет:

Часть первая. ОКРУЖНЫЕ НАРОДНЫЕ СУДЫ

Ст. 1. Для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда, образуются окружные народные суды, члены которых избираются по округам местными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Округа соответствуют прежним округам, но от соглашения Советов зависит изменить территорию данного округа, увеличив или сократив таковую.

Ст. 2. Общее собрание членов окружного народного суда устанавливает количество гражданских и уголовных отделений в составе председательствующего и не менее двух постоянных членов в каждом. Число членов суда может быть увеличено или уменьшено местными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов по собственному почину или по представлению о том судебных мест.

Члены суда избирают из своей среды председателя суда и председателей отделений, отзывают их и избирают на их места других. Избранные же члены суда, не исключая председателей, отзываются избравшими их Советами.

Ст. 3. Все подготовительные к суду распоряжения принимаются коллегиально в составе не менее трех постоянных членов окружного народного суда. Решение дел по существу в гражданских отделениях происходит в составе трех постоянных членов окружного народного суда и 4-х народных заседателей. По уголовным же делам решение их по существу происходит в составе двенадцати очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда.

Общие списки народных заседателей составляются губернскими и городскими Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казацких Депутатов, на основании списков кандидатов, представляемых местными районными и волостными Советами.

Очередные списки каждой сессии составляются путем жеребьевки Исполнительными комитетами Советов.

Примечание. Размер суточного вознаграждения заседателей определяется губернскими и городскими Советами с обязательностью постепенного перехода к бесплатному несению гражданами государственной повинности по отправлению правосудия.

Часть вторая. КАССАЦИЯ РЕШЕНИЙ

Ст. 4. Обжалование в апелляционном порядке отменяется, и допускается только кассация решений.

Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов как по гражданским, так и уголовным делам постоянные члены окружных народных судов на общем собрании данной области избирают из своей среды надлежащее количество членов областного народного суда, которые в свою очередь из своей среды выбирают председателя областного народного суда и председателей отделений.

Примечание. Члены областного суда могут быть отозваны как избравшими их в члены суда советами, так и избравшим их в члены областного суда собранием.

Ст. 5. При обжаловании в кассационном порядке суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но и в том случае, если признает, что обжалованное решение явно несправедливо.

После отмены решения дело передается на новое рассмотрение в новом составе присутствия. Кассационному суду также принадлежит право помилования и смягчения наказаний.

Примечание. Отзывы на заочное решение допускаются как со стороны истца или обвинителя, так и со стороны ответчика или обвиняемого, но в том лишь случае, если суд признает неявку стороны, подающей отзыв, извинительной.

Часть третья. ВЕРХОВНЫЙ СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Ст. 6. В целях достижения единообразия кассационной практики, учреждается в столице верховный судебный контроль. В состав его входят представители областных народных судов по избранию этих судов на срок не свыше 1 года с правом отзыва и переизбрания как со стороны окружных судов, так и Советов Раб., Солд., Кр. и Казачьих Депутатов.

Верховный судебный контроль, в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносит объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству.

В случаях же обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием, верховный судебный контроль делает законодательным органам представления о необходимости издания нового соответствующего закона.

Отменять решения верховного судебного контроля может только законодательный орган советской власти.

Часть четвертая. О СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПОДСУДНОСТИ

Ст. 7. В судах всех инстанций допускается судоговорение на всех местных языках. Установление правил о том, на каком языке или языках происходят судоговорение и судопроизводство, предоставляется судам совместно с Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Ст. 8. Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В этом последнем случае в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов.

Ст. 9. Все дела охранительного гражданского судопроизводства, как-то: утверждение в правах наследства, утверждение к исполнению духовных завещаний, усыновление и т.д., а равно дела брачные, о рождении и вообще дела, оценке не подлежащие, подсудны местному суду. Дела о конкурсе на сумму свыше 3000 рублей передаются в ведение окружных народных судов.

Ст. 10. Вопросы о подсудности как по гражданским, так и по уголовным делам решаются окончательно без права обжалования судом, к которому поступило дело, при чем суд, признав дело себе неподсудным, немедленно препровождает дело со всем производством в подлежащий по его решению суд, который обязан решить дело.

Ст. 11. Надписи о понудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о понудительном исполнении, делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими, при чем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере.

Ст. 12. Все формальные отводы по гражданским делам о смешении и дроблении исков, а также все ограничения тяжущихся в отношении формальной стороны производства, как-то: изменение основания иска, встречных требований, расширение дела новыми требованиями, привлечение новых ответчиков (как со стороны истца, так и ответчика) и т.п. отменяются.

Ст. 13. При разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, судом, по собственному его усмотрению, могут быть приглашены сведущие лица в состав судебного присутствия с правом совещательного голоса. Сторонам предоставляется право по соглашению включать в состав присутствия сведущих лиц и со своей стороны в равном с каждой стороны количестве. Если же только одна сторона укажет своего кандидата в эксперты, другая же сторона в назначенный ей срок кандидата не укажет, то от суда зависит или принять в состав суда указанного кандидата и назначить от себя 2-го эксперта, или же, отвергнув заявление стороны, назначить от себя обоих сведущих лиц.

Ст. 14. В отношении доказательств суд не стеснен никакими формальными соображениями и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства. Свидетели дают показания с предварением ответственности за ложное показание. Принесение присяги отменяется.

Тайна купеческих и прочих книг отменяется, и от суда зависит требовать предъявления таковых книг, по правилам, установленным для прочих письменных доказательств.

Ст. 15. Дела казенных и общественных учреждений разбираются на одинаковых с делами частных лиц началах. Судебные иски между разными казенными учреждениями не допускаются.

Ст. 16. Если в уголовном деле предъявлен гражданский иск, то таковой немедленно, после решения вопроса о наказании, передается

Право, рожденное Революцией

в подлежащий гражданский суд, где он во всех отношениях рассматривается по правилам гражданского судопроизводства. Но от уголовного суда зависит принятие неотлагательных мер обеспечения иска.

Ст. 17. Суды и тюремное заключение для несовершеннолетних обоого пола до 17 лет отменяются. Дела о несовершеннолетних, уличенных в деяниях общественно — опасных, рассматриваются в «комиссиях о несовершеннолетних» в составе представителей ведомств юстиции, народного просвещения и общественного призрения.

Часть пятая. О СУДЕБНОЙ ПОШЛИНЕ И СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖКАХ

Ст. 18. По гражданским искам ценой свыше 100 рублей, в гражданских, уголовных, а равно третейских судах, взимается судебная пошлина, определяемая, впредь до особого декрета, в размере 2% по делам от 100 руб. до 3000 руб., 3% по делам от 3000 руб. до 100000 руб. и в размере 4% свыше 100000 руб., при чем от суда зависит, признавая недостаточность у стороны средств к уплате пошлины, отсрочить взнос таковой, однако, не долее момента объявления решения. От суда же зависит отсрочить таким же порядком взнос всех прочих судебных издержек.

Ст. 19. Присуждая гражданский иск, суд присуждает в пользу выигравшей дело стороны понесенные ею на ведение дела издержки, при чем вместо нынешнего вознаграждения за ведение дела с проигравшей дело стороны может быть присуждено не свыше 10% присужденной или отвергнутой суммы иска, из каковой суммы суд часть, по своему усмотрению, присуждает в пользу выигравшей дело стороны, а остальную часть обращает в доход казны.

Ст. 20. Взимание кассационного залога отменяется, вместо такового взимается судебная пошлина, как за первую инстанцию, которая не подлежит возврату, при чем в отношении расчета кассационных издержек соблюдается действовавший до сих пор порядок.

Часть шестая. О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Ст. 21. Предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, производится следственными комиссиями из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов — Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. В целях расследования дела, следственная комиссия может обратиться за содействием как к красной гвардии или народной милиции, так и ко всем частным и должностным лицам, а равно и к государственным и общественным учреждениям.

Участие защиты в стадии предварительного следствия может быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требуют интересы раскрытия истины, при чем решения по этим вопросам подлежат обжалованию в окружный народный суд.

На определения следственных комиссий приносятся жалобы в окружный народный суд.

Ст. 22. По уголовным делам обвинительный акт заменяется постановлением следственной комиссии о предании суду.

Если же таковое окружным народным судом будет признано недостаточно обоснованным, то от него зависит возвратить дело в следственную комиссию для доследования или поручить таковое одному из членов суда.

Часть седьмая. ОБ ОБВИНЕНИИ И ЗАЩИТЕ

Ст. 23. Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты.

Ст. 24. При Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов создается коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты.

Ст. 25. В эти коллегии вступают лица, избираемые и отзываемые Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Только эти лица имеют право выступать в судах за плату.

Ст. 26. Из коллегий правозаступников суд может пригласить для каждого дела общественного обвинителя.

Ст. 27. Если обвиняемый почему-либо не воспользовался своим правом приглашения защитника, суд, по его просьбе, назначает ему защитника из коллегии правозаступников.

Ст. 28. Кроме указанных обвинителей и защитников, могут принимать участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц.

Часть восьмая. О НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЯХ И СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Ст. 29. Народные заседатели участвуют в судебном следствии и вправе отводить во все время процесса назначенного для данного заседания председателя.

Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, при чем они имеют право уменьшить

Право, рожденное Революцией

положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания.

Ст. 30. Заключительное слово председательствующего отменяется. Он дает только заключение о мерах наказания, предусмотренных законом.

В совещании народных заседателей председатель участвует с правом совещательного голоса.

Часть девятая. О ЖАЛОБАХ, ПОМИЛОВАНИИ И ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРАВ

Ст. 31. Жалобы не допускаются на оправдательные приговоры, на смягчение наказания и на полное освобождение обвиняемого от всякого наказания.

Ст. 32. Всем лицам, осужденным по приговорам народного суда, предоставляется право просить местный народный суд по месту жительства просителя об условном или досрочном освобождении, а также о помиловании или о восстановлении в правах. Если местный суд придет к заключению, что ходатайство это не лишено серьезных оснований, он передает дело на рассмотрение суда по первоначальной подсудности.

Ст. 33. По всем решениям и приговорам, вынесенным после 25 октября 1917 года судами прежнего устройства, сторонам предоставляется право требовать пересмотра дела по первоначальной подсудности.

Ст. 34. Срок обжалования по всем делам в кассационном и в частном порядке устанавливается одинаковый — месячный. Подача жалоб останавливает исполнение лишь по постановлению о том первой или кассационной инстанции.

Часть десятая. ОБ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ И ПРИГОВОРОВ

Ст. 35. Исполнение решений и приговоров, впредь до особого декрета о выборных органах исполнения, производится в действовавшем до сих пор порядке, с заменю членов милиции красною гвардией, где таковая существует.

Часть одиннадцатая. О ДЕЙСТВУЮЩИХ ЗАКОНАХ

Ст. 36. По гражданским и уголовным делам суд руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими донныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального

Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока, и вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование.

Та же справедливость должна применяться в суде уголовном.

Часть двенадцатая. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ст. 37. Первоначальное определение границ областных народных судов, определение числа членов их, а также числа членов верховного судебного контроля и созыв первых сессий их принадлежит Народному Комиссариату Юстиции.

В дальнейшем порядок действия этих судов устанавливается ими самими.

Ст. 38. Решения и приговоры в судах выносятся от имени Российской Федеративной Советской Республики.

Ст. 39. Деятели упраздненных судов имеют право быть избранными в новые судебные и следственные установления Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Председатель
Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
Советов Рабочих, Солдатских,
Крестьянских и Казачьих Депутатов
Я. СВЕРДЛОВ

Председатель
Совета Народных Комиссаров
В. УЛЬЯНОВ

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров
В. БОНЧ-БРУЕВИЧ

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

ДЕКРЕТ

от 20 июля 1918 г. № 3

О СУДЕ

В развитие и дополнение декретов о суде – № 1 (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит., № 4, ст. 50), № 2 (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Кр. Правит., № 26, ст. 420 (347)) и декрета о Революционных Трибуналах (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит., № 35, ст. 471), – Совет Народных Комиссаров постановляет:

Ст. 1. На Местные Народные Суды возложить рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых отнести к ведению Окружных Народных Судов.

Ст. 2. Дела о взяточничестве и спекуляции изъять из ведения Революционных Трибуналов и передать их в Окружные Народные Суды всюду, где таковые учреждены.

Ст. 3. Предоставить Местным Народным Судам налагать наказание до 5 лет лишения свободы, руководствуясь декретами Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистической совестью.

Ст. 4. На Местные Народные Суды возложить рассмотрение всех гражданских дел ценою до 10000 рублей.

Ст. 5. По делам, по коим присуждено взыскание свыше 500 рублей или лишение свободы свыше 7 дней, допустить кассационные жалобы в Советы Местных Народных Судей.

Ст. 6. По более сложным уголовным делам, подсудным Местному Народному Суду, допустить предварительное следствие, производство которого возложить на Следственные Комиссии, учрежденные по декрету «О суде № 2». Предварительное следствие в этих случаях возбуждается, как по постановлению Местного Народного Суда, так и самой Следственной Комиссией, причем вопрос о направлении дела решается окончательно Местным Народным Судом.

Ст. 7. Решение гражданских дел по существу в Окружных Народных Судах возложить на Судебную Коллегию, в составе председательствующего или члена гражданского отделения и 4-х очередных заседателей.

Ст. 8. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения Окружных Народных Судов, как по гражданским, так и по уголовным делам, и взамен Судебного Контроля временно учредить Кассационный Суд в г. Москве из двух Отделений — Гражданского и Уголовного в составе: Председателя и его Товарища, утверждаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов по представлению Народного Комиссариата Юстиции, и 8-ми членов, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов из кандидатов, представленных Окружными Народными Судами и Советами Местных Народных Судей к 1 августа 1918 года.

Примечание. Председатель, его Товарищ и Члены Кассационного Суда отзываются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

Ст. 9. По всем делам, по коим течение всех сроков было приостановлено с 25 октября 1917 года, впредь до особого декрета течение всех сроков возобновить с 1 августа 1918 года.

Ст. 10. На приговоренных судами и революционными трибуналами к лишению свободы возлагать сверх судебных издержек также издержки по содержанию их под стражей.

Ст. 11. Лишение свободы на срок до 3-х месяцев ввиду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания их под стражей.

Председатель
Совета Народных Комиссаров
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров
В. БОНЧ-БРУЕВИЧ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ

Народный комиссариат юстиции СССР. Министерство юстиции СССР

Народный комиссариат юстиции СССР (Наркомюст СССР, НКЮ СССР) был учрежден 20 июля 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР¹ как государственный орган, осуществлявший общее руководство судебными и нотариальными учреждениями в государстве.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938) – народный комиссар юстиции СССР с 20 июля 1936 г. по 15 января 1938 г.

Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета с 1903 г.; участвовал в студенческих собраниях и уличных демонстрациях. С декабря 1904 г. – член партии большевиков. После Октябрьской революции 1917 г. – Верховный главнокомандующий российской армии. Был кандидатом в члены ЦИК СССР 1–4-го созывов. С 1927 г. по 1934 г. – член ЦКК ВКП(б). Считается одним из организаторов массовых репрессий. С марта 1918 г. входил в состав коллегии наркомата юстиции РСФСР. С мая того же года занимал должность председателя Революционного (Верховного) трибунала. С декабря 1922 по 1929 г. – заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник

прокурора РСФСР. Автор курса лекций «Беседы о праве и государстве»², где проводил параллель между принуждением, которое осуществляется со стороны государства, и эксплуатацией, в связи с чем советское право, как и буржуазное, является эксплуататорским, а задачей социалистического строительства является свертывание правовой формы Советского государства. С 1929 по 1931 г. занимал пост прокурора РСФСР. С 5 мая 1931 г. по 1936 г. – народный комиссар юстиции РСФСР, а с 20 июля 1936 г. по 15 января 1938 г. – народный комиссар юстиции СССР. Был арестован 31 января 1938 г. по обвинению в связях с антисоветской организацией правых, в создании в органах юстиции вредительской организации и осуществлении подрывной деятельности. Расстрелян 29 июля 1938 г. по приговору

¹ Об образовании Народного комиссариата юстиции Союза ССР : постановление ЦИК СССР № 68, СНК СССР № 1299 от 20 июля 1936 г. // Собр. законодательства СССР. 1936. № 40. Ст. 338.

² Беседы о праве и государстве : лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924.

Военной коллегии Верховного Суда СССР в рамках дела о «контрреволюционной фашистско-террористической организации альпинистов и туристов». В 1956 г. приговор был отменен с полной реабилитацией Н. В. Крыленко.

РЫЧКОВ Николай Михайлович (1897–1959) – народный комиссар юстиции СССР с 19 января 1938 г. по 15 марта 1946 г., министр юстиции СССР с 15 марта 1946 г. по 29 января 1948 г.

В органах ВЧК на Урале с 1918 г. С 1921 по 1922 г. занимал должность председателя военного трибунала 5-й армии в г. Иркутске. С 1922 по 1927 г. – прокурор Сибирского военного округа, а затем по 1931 г. – заместитель прокурора РККА. В 1931–1937 гг. – член военной коллегии Верховного Суда СССР, диввоенюрисст. В 1937–1938 гг. – прокурор РСФСР, с 1938 г. по январь 1948 г. занимал пост народного комиссара, а затем министра юстиции СССР. В этот период неоднократно издавал приказы, регламентирующие процедуру рассмотрения дел о контрреволюционных преступлениях и акцентировал внимание судов на их обязанности строго соблюдать процессуальные нормы при рассмотрении любых дел. Принимал активное участие в массовых кампаниях по делам о трудовых преступлениях (Указ ПВС СССР от 26.06.1940), по делам о мелком хулиганстве и мелких хищениях на предприятиях (Указ ПВС СССР от 10.08.1940), по делам о трудовых преступлениях, совершенных на военных предприятиях (Указ ПВС СССР от 26.12.1941) и др. В 1947–1948 гг. возглавлял Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. Был снят со своего поста с признанием его работы неудовлетворительной, после чего находился в резерве Главного управления кадров Министерства вооруженных сил СССР. Далее в 1948–1951 гг. являлся заместителем военного прокурора сухопутных войск, а с 1951 по 1955 г. – заместителем Главного военного прокурора. В мае 1955 г. ушел в отставку.

.....

В 1946 г. Наркомюст СССР был преобразован в Министерство юстиции СССР³, которое существовало с перерывом. В 1956 г. Минюст СССР был упразднен⁴ с внесением соответствующих изменений в Конститу-

³ О преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик – в Советы министров союзных и автономных республик : закон СССР от 15 марта 1946 г. // Ведомости ВС СССР. 1946. № 10.

⁴ Об упразднении Министерства юстиции СССР : указ Президиума ВС СССР от 31 мая 1956 г. // Там же. 1956. № 12. Ст. 250.

цию СССР⁵. С 1 сентября 1970 г. Министерство юстиции СССР вновь возобновило свою деятельность⁶.

ГОРШЕНИН Константин Петрович (1907–1978) – министр юстиции СССР с 29 января 1948 г. по 31 мая 1956 г.

С 1929 по 1932 г. обучался на юридическом факультете Казанского университета, а затем Московского института советского права. В 1932–1935 гг. обучался в аспирантуре Московского института советского права, после чего до 1937 г. занимал должность заместителя директора Казанского института советского права по учебной части. С 1937 по 1940 г. – начальник управления учебных заведений и член коллегии наркомата юстиции СССР, затем до 1943 г. – народный комиссар юстиции РСФСР. В 1943–1948 гг. занимал должность прокурора (Генерального прокурора) СССР. Занимая пост Генерального прокурора СССР и министра юстиции СССР, участвовал в репрессиях. В 1943–1947 гг. входил

в состав секретной комиссии политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, в компетенцию которой входило утверждение приговоров к смертной казни в СССР. С 1948 по 1956 г. – министр юстиции СССР. С 1948 г. возглавлял Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза; принимал участие в организации процессов над немецкими и японскими военными преступниками. С 1956 г. был директором Всесоюзного института юридических наук, затем с 1963 г. до ухода на пенсию в 1967 г. – заведующим сектором законодательства о труде и социальном обеспечении Всесоюзного НИИ советского законодательства юридической комиссии при Совмине СССР.

ТЕРЕБИЛОВ Владимир Иванович (1916–2004) – министр юстиции СССР с 1 сентября 1970 г. по 12 апреля 1984 г.

Выпускник Ленинградского юридического института имени Н. В. Крыленко, по окончании которого с 1939 по 1943 г. работал следователем, а затем прокурором Парголово-го района Ленинградской области, прокурором Приморского района г. Ленинграда, начальником следственного отдела городской прокуратуры г. Ленинграда. В первые месяцы Великой Отечественной войны являлся комиссаром рабочего отряда. С 1949 по 1957 г.

⁵ О внесении изменений и дополнений в статьи 22, 29-б, 77 и 78 Конституции (Основного закона) СССР : закон СССР от 14 июля 1956 // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 314.

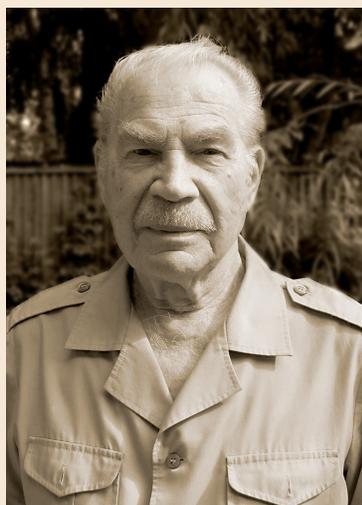
⁶ Об утверждении Положения о Министерстве юстиции СССР : постановление Совета министров СССР от 21 марта 1972 г. № 194 // СП СССР. 1972. № 6. Ст. 32.

работал в Институте криминалистики в г. Москве. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Расследование хищений в учреждениях банка». С 1957 г. – старший помощник Генерального прокурора СССР, заместитель начальника следственного управления Прокуратуры СССР, начальник отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры СССР, член коллегии Прокуратуры СССР. С 1962 по 1970 г. – заместитель Председателя Верховного Суда СССР. С 1970 г. после возобновления деятельности Министерства юстиции СССР занимал должность министра юстиции СССР по 1984 г. Под непосредственным руководством В. И. Теребилова были разработаны такие нормативные правовые акты, имеющие принципиально важное значение, как Закон СССР «Об адвокатуре»⁷, а также началась работа над изданием Собрания действующего законодательства СССР (50 томов) и Свода законов СССР (11 томов). Был депутатом Верховного Совета СССР 8-го и 9-го созывов. Член ЦРК КПСС в 1971–1976 гг., член ЦК КПСС с 1986 г. С 1984 г. до ухода на пенсию в 1989 г. работал в Верховном Суде СССР, занимая должность председателя. После ухода на пенсию, работал доцентом юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

КРАВЦОВ Борис Васильевич (р. 1922) – министр юстиции СССР с 12 апреля 1984 г. по 7 июня 1989 г.

С 1941 г. служил в Красной армии. В 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Член КПСС с 1943 г. После увольнения из армии в связи с ранением в 1945 г. обучался в Московской юридической школе, а затем во Всесоюзном юридическом заочном институте. С 1947 г., еще в период учебы, начал работать в органах суда – судьей в линейном суде Московско-Окского бассейна. С 1950 г. занимал должность старшего инспектора-ревизора в аппарате Министерства юстиции СССР. С 1956 г. работал в аппарате ЦК КПСС инструктором отдела административных органов, избирался секретарем парткома Министерства юстиции СССР. С 1960 г. – первый заместитель прокурора РСФСР, с 1971 г. – прокурор РСФСР. Одновременно был депутатом Верховного Совета РСФСР 8–10-го

⁷ Об адвокатуре в СССР : закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1165-X // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 846.

Право, рожденное Революцией

созывов. С 1984 по 1989 г. занимал пост министра юстиции СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС с 1986 г. Депутат Верховного Совета СССР с 1985 г. В 1990 г. вошел в правление Клуба героев Советского Союза, героев России и полных кавалеров ордена Славы. С 1993 г. – советник по вопросам законности в Гильдии российских адвокатов и вице-президент Российской ассоциации героев. Является автором/соавтором более 100 публикаций, в числе которых монография «Советская прокуратура»⁸, сборник нормативных актов «Правовая работа в народном хозяйстве»⁹.

ЯКОВЛЕВ Вениамин Федорович (р. 1932) – министр юстиции СССР с 1 августа 1989 г. по 11 декабря 1990 г.

В 1953 г. окончил Свердловский юридический институт, после чего работал преподавателем, а затем директором Якутской юридической школы. В 1956–1960 гг. работал старшим помощником прокурора Якутской АССР. Член КПСС в 1956–1991 гг. С 1960 по 1987 г. находился на научной и руководящей работе в Свердловском юридическом институте, где занимал должности старшего преподавателя, доцента, декана факультета, заведующего кафедрой, проректора по учебной работе. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений». В 1987–1989 гг. – директор ВНИИ советского законодательства в Москве; в 1989–1990 гг. – министр юстиции СССР. В 1991 г. – Председатель

Высшего Арбитражного Суда СССР. В 1991–1992 гг. – Государственный советник по правовой политике при Президенте СССР. С января 1992 г. – Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ. С февраля 2005 г. – советник Президента Российской Федерации. В 2003 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. Является сопредседателем Ассоциации юристов России с момента ее учреждения в 2005 г. Заведующий кафедрами в МГИМО МИД РФ и РАНХИГС при Президенте РФ. Научный руководитель Центра частного права имени С. С. Алексеева. Автор значительного числа научных работ по проблемам теории права, гражданского права, правосудия, в том числе «Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений»¹⁰, «Новое в договорном праве»¹¹, «Правовое государство: вопросы формирования»¹² и др.

⁸ См.: Советская прокуратура / В. И. Аринин [и др.] ; отв. ред. А. М. Рекунков. М., 1982.

⁹ См.: *Кравцов Б. В.* Правовая работа в народном хозяйстве : сб. нормативных актов. М., 1986.

¹⁰ См.: *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 1972.

¹¹ См.: *Его же.* Новое в договорном праве. М., 1994.

¹² См.: *Его же.* Правовое государство : вопросы формирования. М., 2012.

ЛУЩИКОВ Сергей Геннадьевич (р. 1951) – министр юстиции СССР с 11 декабря 1990 г. по 28 августа 1991 г. (и.о. до 26 ноября 1991 г.).

В 1972 г. окончил Свердловский юридический институт. В 1972–1986 гг. работал в органах прокуратуры помощником прокурора Прилузского района Коми АССР, помощником прокурора г. Печоры, прокурором отдела Прокуратуры Коми АССР, старшим помощником прокурора Прокуратуры Коми АССР. С 1986 по 1990 г. был заместителем министра юстиции Коми АССР. В 1988–1989 гг. – депутат Верховного Совета СССР от Коми АССР. В 1990–1991 гг. – министр юстиции СССР, а затем по 1992 г. – первый заместитель министра юстиции России. Был директором-распорядителем по правовым вопросам ЗАО «ТЭНМА». В 2007 г. баллотировался в Государственную Думу по спискам партии «Гражданская сила». Был членом Центризбиркома с совещательным голосом от этой партии.

Народный комиссариат юстиции РСФСР. Министерство юстиции РСФСР

Народный комиссариат юстиции РСФСР (Наркомат юстиции, Наркомюст, НКЮ) был учрежден в октябре 1917 г. Декретом¹³ II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как орган исполнительной власти в составе советского правительства России (Совета народных комиссаров), в ведении которого находилась организация и функционирование системы правосудия.

ОППОКОВ Георгий Ипполитович (1888–1938) – народный комиссар юстиции в первом Совете народных комиссаров РСФСР с 25 октября 1917 г. по 16 ноября 1917 г.

В 1906–1910 гг. обучался на юридическом факультете Петербургского университета. Член РСДРП с 1903 г. С 1909 г. – член ПК и его Исполнительной комиссии, секретарь ПК РСДРП. 24–25 октября 1917 г. находился

¹³ Декрет об учреждении Совета народных комиссаров : принят II Всероссийским съездом Советов 27 октября 1917 г.

в Смольном, участвовал в руководстве восстанием. Был кандидатом в члены ЦК РКП(б), ЦК ВКП(б), членом ЦК РСДРП(б), ЦК ВКП(б). В октябре-ноябре 1917 г. занимал должность народного комиссара юстиции в первом Совете народных комиссаров РСФСР. С 1918 по 1921 г. – член Президиума и заместитель председателя ВСНХ. В его обязанности входило руководство топливным снабжением. До 1929 г. – член Сиббюро ЦК РКП(б), член Сибревкома, председатель Сибпромбюро ВСНХ; член Уралбюро ЦК РКП(б), председатель Уралэкономсовета, председатель Нефтесиндиката, член Президиума ВСНХ СССР, член МК РКП(б) и Моссовета, председатель правления «Донуголь». В 1929–1931 гг. – член Президиума ВСНХ СССР. С 1931 по 1933 г. за-

нимал пост заместителя председателя Госплана СССР. Затем по 1937 г. был членом бюро Комиссии советского контроля при СНК СССР. Арестован в июне 1937 г., расстрелян 30 декабря 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Реабилитирован в 1956 г. посмертно.

СТУЧКА Петр Иванович (Петерис Янович) (1865–1932) – народный комиссар юстиции с 16 ноября по 12 декабря 1917 г., с 18 марта по 22 августа 1918 г.

В 1888 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1888–1897 гг. работал помощником присяжного поверенного. Член КПСС с 1895 г. В 1897 г. был арестован вместе со всей редакцией газеты. После 7-месячного ареста был сослан на 5 лет в Вятскую губернию. Один из организаторов КП Латвии. Участник революции 1905–1907 гг. С 1915 г. обеспечивал связь руководства СДЛК с ЦК и ПК РСДРП. Один из руководителей латышского района Петроградской организации большевиков. Участник Октябрьской революции 1917 г. С 24 октября находился в Смольном, поддерживал связь с латышскими стрелками. В ноябре-декабре 1917 г. – нарком юстиции РСФСР. В марте 1918 г. – комиссар юстиции Петроград-

ской трудовой коммуны. С 18 марта по 22 августа 1918 г. – нарком юстиции РСФСР. Под руководством Стучки закладывались основы советского правосудия. Он был одним из авторов декрета о суде № 1¹⁴, суть которого своди-

¹⁴ О суде : декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

лась к двум положениям: разогнать старый суд и отменить старые законы¹⁵. Декретом учреждались два вида судов: народные суды, которые являлись общегражданскими, и революционные трибуналы, к компетенции которых относились наиболее важные дела, в первую очередь о контрреволюционных преступлениях. Декретом упразднялись институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры. Институт мировых судей «приостанавливался», но сами мировые судьи получали право превращаться в «местных», избираемых местными Советами. Фактически по подсудности и внутреннему устройству вся вновь созданная местная юстиция копировала старую мировую. «Местному народному суду подсудны все преступления и проступки, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мир[овыми] судьями», – говорила «Временная инструкция по организации и действию местных народных судов», утвержденная президиумом Моссовета и изданная московским столичным Советом местных народных судей летом 1918 г.¹⁶ В марте-августе 1918 г. – член коллегии, затем заместитель наркома иностранных дел. В 1918–1920 гг. – председатель советского правительства Латвии. С 1919 г. – заместитель наркома юстиции, с 1923 г. – председатель Верховного Суда РСФСР. В начале 1920-х гг. – один из активных участников кодификационных работ (в частности, принимал участие в разработке Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.); был главным редактором 1-й советской «Энциклопедии государства и права» (1925–1927 гг.). Член ЦК РКП(б) в 1919–1920 гг. Член ВЦИК. Один из создателей и директор (с 1931 г.) Института советского права.

ШТЕЙНБЕРГ Исаак Захарович (1888–1957) – народный комиссар юстиции РСФСР с 12 декабря 1917 г. по 18 марта 1918 г.

Обучался в Московском и Гейдельбергском университетах, доктор философии. Работал помощником присяжного поверенного. С 1906 г. – эсер, ссылка в Сибирь заменена в 1908 г. высылкой за границу, в 1915 г. был выслан в Уфу. Во время Первой мировой войны вел антивоенную и революционную работу, многократно арестовывался. В 1917 г. работал адвокатом в Уфе, руководил клубом левых эсеров Уфимской губернии. Член исполкома Всероссийского Совета КД, участник Демократического совещания, член Предпарламента. Делегат III и IV съезда ПСР. Один из основателей Партии левых эсеров, избран в ЦК. Участник заседания Учредительного собрания 5 января. С 12 декабря 1917 г. по

¹⁵ См.: *Стучка П. И.* Революционная роль советского права. Изд. 3-е. М., 1934. С. 91, 116.

¹⁶ «Руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»: документы Центрального государственного архива Московской области о деятельности Московского революционного трибунала. 1917–1922 гг. // Альманах «Россия. XX век». URL: www.alexanderyakovlev.org

Право, рожденное Революцией

18 марта 1918 г. был наркомом юстиции в СНК РСФСР. Параллельно заведовал отделом личного состава и управлением тюрем, являлся редактором отделения уголовного судопроизводства. Выход из состава СНК был протестом против заключения Брестского мира. 19 марта в составе Южной делегации ЦК ПЛСР(и) выехал в Курск для организации партизанских отрядов. Оттуда отправился на юг страны. Был избран в Президиум Всеукраинского ЦК ПЛСР(и) от российских левых эсеров. Весной 1918 г. принимал активное участие в работе II съезда ПЛСР(и). 10 февраля 1919 г. был арестован ВЧК. Провел в заключении 4,5 месяца. В 1923 г. в связи с выездом за границу решением ВЦИК был лишен советского гражданства.

КУРСКИЙ Дмитрий Иванович (1874–1932) – народный комиссар юстиции РСФСР с 22 августа 1918 г. по 16 января 1928 г.

Обучался на юридическом факультете Московского университета. В 1904 г. вступил в ряды РСДРП. В 1905 г. был членом Бутырского райкома РСДРП(б). В том же году принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании в Москве. С 1906 г. – член Московского областного бюро РСДРП(б). В 1909 г. был арестован, но вскоре освобожден. В 1914 г. призван в армию, принимал участие в Первой мировой войне. Во время службы в армии продолжал революционную деятельность. Участник Октябрьской революции 1917 г. – был членом Военно-революционного комитета в Одессе. С 1918 г. – нарком юстиции РСФСР, первый советский прокурор. Одновременно в 1918–1920 гг. был комиссаром Всероглаштаба и Полевого штаба Реввоенсовета республики. Председатель ЦРК ВКП(б) в 1924–1927 гг. Член ЦКК ВКП(б) в 1927–1930 гг. Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. В конце 1920-х гг. возглавлял Институт советского права; принимал участие в разработке первых советских законов, в том числе кодифицированных. С 1928 г. являлся полпредом в Италии. До 1994 г. его имя носил Саратовский юридический институт.

ЯНСОН Николай Михайлович (1882–1938) – народный комиссар юстиции РСФСР с 16 января 1928 г. по 6 марта 1931 г.

Обучался в церковно-приходской и Кронштадтской портовой школе. С 1911 г. работал рабочим-металлургом. Член КПСС с 1905 г. Участник борьбы за советскую власть в Эстонии; был членом Ревельского комите-

та РСДРП(б), затем председателем Ревельского совета рабочих депутатов. В 1918–1923 гг. – директор завода, председатель Самарского губернского профсовета, председатель Московского райотдела и секретарь ЦК союза металлистов. С 1925 г. – заместитель наркома РКИ СССР. В 1928–1930 гг. – нарком юстиции РСФСР. Одновременно с 1930 г. – заместитель председателя СНК РСФСР. С 1931 г. – нарком водного транспорта СССР. С 1934 г. – заместитель начальника Управления Севморпути при СНК СССР. Член Президиума ЦКК партии в 1923–1934 гг., член ЦРК с 1934 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 г. арестован по обвинению в участии в антисоветской эстонской шпионско-диверсионной организации, которое признал в ходе следствия. В 1938 г. расстрелян по приговору ВКВС.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938) – народный комиссар юстиции РСФСР с 5 мая 1931 г. по 20 июля 1936 г.

БУЛАТ Иван Лазаревич (1896–1938) – народный комиссар юстиции РСФСР с 20 июля 1936 г. по 31 августа 1937 г.

Принимал активное участие в деятельности революционного движения, в Февральской революции и Гражданской войне. Член КПСС с 1912 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине. В 1918–1921 гг. проходил службу в РККА, после чего перешел на партийную работу. С 1925 г. – заместитель председателя СНК УССР. С 1926 г. – член ЦК КПСС, секретарь Тульского губкома, Московского горкома, заместитель наркомпути СССР. В 1932–1937 гг. занимал должность председателя Верховного Суда РСФСР и одновременно заместителя народного комиссара юстиции РСФСР. В июле 1936 г. – августе 1937 г. – народный комиссар юстиции РСФСР. Ориентировал суды на усиление репрессий. Как соратник Крыленко поддерживал идею об упрощенном судопроизводстве. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1930–1934 гг. Член ЦИК СССР. Арестован в декабре 1937 г., расстрелян в июне 1938 г. В 1955 г. реабилитирован.

АНТОНОВ-ОВСЕНКО Владимир Александрович (1883–1938) – народный комиссар юстиции РСФСР с 15 сентября 1937 г. по 11 октября 1937 г.

В революционном движении с 1901 г. Член КПСС с 1917 г. Во время Октябрьской революции исполнял функции секретаря Петроградского РВК, руководил штурмом Зимнего дворца. В 1917–1919 гг. был одним из организаторов Красной армии, командовал советскими войсками Юга России. В августе-сентябре 1919 г. был уполномоченным ВЦИК по продразверстке в

Витебской губернии, с ноября 1919 г. – уполномоченным ВЦИК в Тамбовской губернии, затем – председателем Тамбовского губкома и губисполкома. С апреля 1920 г. – зампред Главкомтруда, член коллегии Наркомтруда, с ноября 1920 г. по январь 1921 г. – член коллегии Наркомвнудел и зампред Малого совнаркома, с середины января по начало февраля 1921 г. – уполномоченный ВЦИК в Пермской губернии. В середине февраля 1921 г. Антонов-Овсенко был назначен председателем Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. В 1922–1924 гг. – начальник Политуправления РВС СССР. С 1924 г. – полпред в Чехословакии, Литве, Польше. С 1924 г. – прокурор РСФСР. С 1936 г. – генеральный консул в Барселоне. В сентябре-октябре 1937 г. занимал должность наркома юстиции РСФСР. Входил в состав ЦИК СССР. В конце 1937 г. был отозван из Испании, после чего арестован НКВД в ходе кампании большого террора в СССР. В феврале 1938 г. расстрелян по приговору ВКВС СССР за принадлежность к троцкистской террористической и шпионской организации. В 1956 г. реабилитирован.

ДМИТРИЕВ Яков Петрович (1892–1975) – народный комиссар юстиции РСФСР с 17 октября 1937 г. по 25 января 1940 г.

Получив 3 класса образования, работал маляром, кровельщиком, ремонтным рабочим, кладовщиком в Поволжье и на Дальнем Востоке. С октября 1913 г. по декабрь 1917 г. проходил службу в армии. С января 1918 г. избирался председателем Алатырского уездного бюро крестьянской секции крестьянского съезда, членом Симбирского губернского исполкома Съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С февраля 1918 г. по июль 1919 г. – губернский комиссар социального обеспечения. Принимал участие в подавлении белогвардейских отрядов. С июля 1919 г. по май 1920 г. – в РККА; до апреля 1921 г. входил в состав реввоентрибунала запасной армии и Приволжского военного округа, был председателем 4-го отдела реввоентрибунала ПриВО, председателем 5-го отдела реввоентрибунала ПриВО. Далее до ноября 1922 г. – член коллегии 1-й Туркестанской стрелковой дивизии, председатель Самаркандского горсовета. В 1922–1928 гг. – заместитель председателя реввоентрибунала 3-го стрелкового корпуса, председатель реввоентрибунала 3-го стрелкового корпуса (г. Тамбов), член реввоентрибуналов 2-го и 10-го стрелковых

корпусов, заместитель председателя 2-го стрелкового корпуса (г. Москва). В 1924–1931 гг. обучался на рабфаке, в 1-м МГУ, в Московском институте советского права на международном отделении. Параллельно с 1928 г. входил в состав военной коллегии Верховного Суда СССР. Принимал активное участие в массовых репрессиях в СССР. В сентябре–октябре 1937 г. занимал должность председателя Верховного Суда РСФСР. Был наркомом юстиции РСФСР до 1940 г., входил в состав коллегии Народного комиссариата Юстиции СССР. Пребывая в должности наркома юстиции РСФСР, ратовал за ужесточение репрессий. В 1940–1941 гг. руководил Всесоюзной заочной правовой академией. В период Великой Отечественной войны до января 1946 г. был председателем военных трибуналов Центрального, Карельского, 2-го Украинского, 3-го Белорусского фронтов, военного трибунала 5-й гвардейской танковой армии, военного трибунала Приволжского военного округа. В январе 1946 г. ушел на пенсию.

ГОРШЕНИН Константин Петрович (1907–1978) – народный комиссар юстиции РСФСР с 27 января 1940 г. по 12 ноября 1943 г.

БАСАВИН Иван Александрович (18–19**)** – народный комиссар юстиции РСФСР с 5 января 1944 г. по 15 марта 1946 г., министр юстиции РСФСР с 15 марта 1946 г. по 5 октября 1949 г.

В 1939–1940 гг. занимал должность председателя Ленинградского областного суда. Затем по январь 1944 г. – 1-й заместитель наркома юстиции СССР. На данном посту осуществлял контроль за судебными органами; руководил оперативной группой наркомата юстиции СССР в Чкалове. Был в числе организаторов массовых репрессий. Нарком юстиции РСФСР с января 1944 г. по март 1946 г. После реформирования Наркомюста РСФСР занимал должность министра юстиции РСФСР с марта 1946 г. Его политика как наркома, а затем министра юстиции РСФСР полностью согласовывалась с позициями Н. М. Рычкова, являвшегося в тот период наркомом, министром юстиции СССР. Его работа подвергалась критике, в Министерстве юстиции РСФСР проводился ряд ревизий и проверок. В октябре 1949 г. был снят с поста министра юстиции РСФСР.

В 1946 г. Наркомюст РСФСР был преобразован в Министерство юстиции РСФСР¹⁷. 13 апреля 1963 г. Министерство юстиции РСФСР было упразднено. Его функции были переданы Юридической комиссии при Совете министров РСФСР. Деятельность Министерства юстиции РСФСР была возобновлена в 1970 г.¹⁸

¹⁷ О преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик – в Советы министров союзных и автономных республик : закон СССР от 15 марта 1946 г. // Ведомости ВС СССР. 1946. № 10.

¹⁸ О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 30 июля 1970 г. № 634.

БЕЛЯЕВ Федор Архипович (1904–1966) – министр юстиции РСФСР с 5 октября 1949 г. по 11 июня 1953 г.

Член Верховного Суда СССР, депутат ВС РСФСР 3-го созыва, министр юстиции РСФСР.

РУБИЧЕВ Анатолий Тимофеевич (1903–1973) – министр юстиции РСФСР с 11 июня 1953 г. по 27 марта 1957 г.

С 1921 по 1924 г. проходил службу в Красной армии. С 1925 по 1927 г. продолжил обучение в школе II ступени. С 1928 г. работал народным судьей, председателем трудовой сессии, членом Рязанского областного суда. После ликвидации административно-территориальных округов был избран народным судьей Рязанского района. С 1934 г. одновре-

менно с работой обучался в заочном институте советского права. В ноябре 1937 г. на основании постановления Правительства о разделении Московской области был назначен председателем Рязанского областного суда. В это же время был избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого

созыва. С января 1939 г. занимал должность Председателя Верховного Суда РСФСР. За успешную работу в органах советской юстиции по укреплению революционной законности и охране интересов государства в условиях Отечественной войны был награжден орденом Ленина, а также медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 4 мая 1945 г. был освобожден от занимаемой должности в связи с утверждением первым заместителем наркома юстиции СССР. С марта 1946 г. – заместитель министра юстиции СССР, а с марта 1948 г. – в распоряжении Министерства юстиции СССР. В 1948–1953 гг. вновь вернулся на судебскую работу, возглавлял в течение последующих шести лет Московский городской суд. С июня 1953 г. –

министр юстиции РСФСР до марта 1957 г., когда вновь был избран Председателем Верховного Суда РСФСР. В 1962 г. ушел на пенсию.

БОЛДЫРЕВ Владимир Афанасьевич (1900–1976) – министр юстиции РСФСР с 11 мая 1957 г. по 13 апреля 1963 г.

С 1914 г. работал на Юго-Восточной железной дороге. В 1918–1923 гг. проходил службу в РККА, принимал участие в боях на Южном, Царицын-

ском и Юго-Восточном фронтах. В 1920 г. назначен на должность инспектора кавалерии при переводе в штаб войск Донской области. Обучался в первой Ленинградской школе НКВД, которую окончил в 1925 г. В том же году был назначен помощником начальника по уголовно-следственной части, а затем начальником отделения милиции г. Москвы. С 1930 г. – начальник спецотдела треста «Союзтара» ВСНХ СССР. С 1932 г. занимал должности прокурора Коммунистического района Московской области, затем прокурора Щелковского, Подольского районов. В 1938 г. назначен заместителем прокурора Московской области по спецделам, а с 1942 г. – прокурором Московской области. В 1944–1957 гг. занимал пост заместителя прокурора РСФСР. С 1957 г. до ухода на пенсию в 1963 г. был министром юстиции РСФСР.

БЛИНОВ Владимир Михайлович (1918–1990) – министр юстиции РСФСР с 24 сентября 1970 г. по 15 февраля 1984 г.

Обучался в школе-семилетке, после окончания которой в 1933 г. поступил в Ивановский энергетический техникум. В 1937 г. ЦК ВЛКСМ направил его на учебу в Ленинград, в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, которое он окончил весной 1941 г. С начала Великой Отечественной войны находился на фронте, командуя подразделением в частях Краснознаменного Балтийского флота и ротой морской пехоты на Северо-Западном фронте. В 1945 г. был направлен на комсомольскую работу в Молдавию. С 1949 г., вернувшись в Иваново, руководил отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинского райкома партии города, затем Ивановского обкома. В 1953–1958 гг. обучался во Всесоюзном

юридическом заочном институте. С 1959 г. – заведующий сектором отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР, заместитель заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР, 1-й заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС по РСФСР. В 1963–1970 гг. – прокурор РСФСР. С сентября 1970 г. при возобновлении деятельности Министерства юстиции РСФСР занимал пост министра юстиции РСФСР до ухода на пенсию в феврале 1984 г.

СУХАРЕВ Александр Яковлевич (р. 1923) – министр юстиции РСФСР с 15 марта 1984 г. по 25 февраля 1988 г.

В 1939–1941 гг. работал слесарем на авиационном заводе № 18 г. Воронежа, с февраля по 5 июня 1941 г. – на военном заводе № 16, одновременно учился в вечерней школе. В июле 1941 г. был направлен в Воронежское военное училище связи, которое окончил в декабре в Самарканде, куда было эвакуировано училище. В декабре 1942 г. вступил в коммунистическую партию. После чего по сентябрь 1944 г. в составе 237-го стрелкового полка 69-й дивизии был командиром взвода связи, командиром роты связи, начальником связи полка, и. о. начальника штаба полка последние три месяца перед ранением. С сентября 1945 г. работал в Воронеже начальником отдела военного окружного управления связи. После демобилизации в июле 1946 г. занимался воспитательной ра-

ботой среди молодежи. С февраля 1947 г. по декабрь 1959 г. – на комсомольской работе: секретарь Железнодорожного райкома ВЛКСМ, заведующий отделом Воронежского обкома ВЛКСМ (1946–1950 гг.), инструктор, заведующий международным отделом ЦК ВЛКСМ (1950–1959 гг.). В сентябре 1950 г. переведен в Москву в ЦК ВЛКСМ. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт. С апреля 1958 г. – заведующий международным отделом ЦК ВЛКСМ. С декабря 1959 г. по сентябрь 1970 г. – на партийной работе в аппарате ЦК КПСС, дослужился до заведующего сектором органов прокуратуры, суда и юстиции отдела административных органов ЦК КПСС: заведующий сектором, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС (1960–1970 гг.). С сентября 1970 г. – работал в органах юстиции. В 1970 г. назначен первым замминистра и членом коллегии воссозданного Министерства юстиции СССР. С марта 1984 г. по февраль 1988 г. – министр юстиции РСФСР. В 1984 г. избран депутатом Верховного Совета РСФСР. В 1988–1990 гг. – Генеральный прокурор СССР. С 1991 г. работал заместителем директора НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре СССР. Доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных трудов и публикаций, посвященных различным аспектам права, в том числе книг «Наш народный суд», «Формирование правовой культуры общества». Под его редакцией опубликованы основополагающие труды: «Юридический энциклопедический словарь», «Большой энциклопедический юридический словарь» и «Российская юридическая энциклопедия». Награжден орденами Отечественной войны I, II степеней, Красной Звезды, Красного Знамени, Октябрьской Революции, «Знак Почета», присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Он удостоен государственных наград Йемена, Болгарии, Вьетнама, Монголии, Чехословакии. Возглавляет общественный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Оте-

чественной войны 1941–1945 гг.». Указом губернатора Воронежской области 29 августа 2013 г. присвоено почетное звание «Почетный гражданин Воронежской области».

АБОЛЕНЦЕВ Владимир Александрович (1927–2012) – министр юстиции РСФСР с 5 апреля 1988 г. по 15 июня 1990 г.

С 1941 г. до призыва на службу в Советскую армию в 1944 г. работал слесарем Тульского оружейного завода. После демобилизации в 1947 г. направлен в органы прокуратуры. С 1948 г. – помощник прокурора, затем прокурор района; председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся в одном из районов Тульской области. Обучался во Всесоюзном заочном юридическом институте, который окончил в 1957 г. До 1969 г. работал заместителем прокурора, прокурором Тульской области. В 1969–1980 гг. – начальник отдела Генеральной прокуратуры СССР. В 1980 г. назначен заместителем Генерального прокурора СССР. С 1983 по 1988 г. – заместитель заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС. В 1988–1990 гг. занимал должность министра юстиции РСФСР.

ФЕДОРОВ Николай Васильевич (р. 1958) – министр юстиции РСФСР с 14 июля 1990 г. по 25 декабря 1991 г.

В 1980 г. окончил юридический факультет Казанского государственного университета, в 1985 г. – аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. Доктор экономических и кандидат юридических наук. С 1980 по 1982 г. и с 1985 по 1989 г. – преподаватель в Чувашском государственном университете. В 1989 г. избран народным депутатом СССР. В 1990–1993 гг. – министр юстиции РСФСР, затем министр юстиции РФ. В 1993–1994 гг. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва. В 1994 г. избран президентом Чувашской Республики. В 1997 г. переизбран на эту должность на второй срок, в 2001 г. – на третий, в 2005 г. – на четвертый срок. С 1995 по 2001 г. – заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам, заместитель председателя Комитета Совета Федерации

СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА

Прокуратура Верховного Суда СССР. Прокуратура СССР. Генеральная прокуратура СССР

В 1923 г. была учреждена Прокуратура Верховного Суда СССР¹⁹, просуществовавшая десять лет – в декабре 1933 г. была упразднена. Вместо нее была образована Прокуратура СССР²⁰, которой с 1946 г. присвоено наименование Генеральная прокуратура СССР²¹.

КРАСИКОВ Петр Ананьевич (1870–1939) – прокурор Верховного Суда СССР с 21 марта 1924 г. по 1933 г.

В 1891 г. по окончании Красноярской гимназии обучался в Петербургском университете. В то же время начал активно интересоваться политической жизнью. Член РСДРП с 1892 г. В 1903 г. на II съезде РСДРП вошел в состав бюро съезда. С 1905 г. заведовал агитационным отделом Петербургского комитета партии. Участник трех российских революций. Во время Февральской революции 1917 г. Красиков принимал участие в организации Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С 1917 г. – член следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, председатель кассационного трибунала. С 1918 г. – заместитель наркома юстиции. С 1924 г. – прокурор Верховного Суда СССР. С 1933 г. – заместитель председателя Верховного Суда СССР. Член ВЦИК,

ЦИК СССР. Принимал участие в разработке Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 и 1936 гг.

АКУЛОВ Иван Алексеевич (1888–1937) – Прокурор СССР с 21 июня 1933 г. по март 1935 г.

Обучался в Петербургской торгово-промышленной школе, которую окончил в 1905 г. Член РСДРП с 1907 г. В 1913 г. был избран членом Испол-

¹⁹ Положение о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

²⁰ Положение о прокуратуре Союза ССР : постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 декабря 1933 г. // Собр. законодательства СССР. 1934. № 1. Ст. 26.

²¹ О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР : закон СССР от 19 марта 1946 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Манделъштам. М., 1956. С. 113–114.

Право, рожденное Революцией

нительной комиссии Петербургского комитета РСДРП. Участник Октябрьской революции. В 1917–1918 гг. являлся секретарем Екатеринбургского

комитета РКП(б). В 1918–1922 гг. – секретарь, председатель губернских, областных партийных комитетов (Урал, Вятка, Оренбург, Киргизия, Крым). С 1923 по 1925 г. – член Центральной контрольной комиссии РКП(б), член Центральной контрольной комиссии КП(б) Украины. С 1927 по 1929 г. – председатель Всеукраинского совета профсоюзов, член Организационного бюро ЦК КП(б) Украины. В 1929 г. назначен на должность 2-го секретаря ВЦСПС. В 1930–1934 гг. – член Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1930–1931 гг. – заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР; одновременно в 1930–1932 гг. – член Организационного бюро ЦК ВКП(б). С 1931 г. – первый заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР. В 1932–1933 гг. – член ЦК, Политбюро,

Оргбюро и секретарь ЦК КП(б)У по Донбассу. В июне 1933 г. возглавил Прокуратуру СССР. С 1935 г. был утвержден секретарем ЦИК СССР, полномочия исполнял до июля 1937 г. В том же году был расстрелян по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре. Реабилитирован в 1954 г.

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – Прокурор СССР с 3 марта 1935 г. по 31 мая 1939 г.

Окончил классическую гимназию в Баку и юридический факультет Киевского университета. Участник революционного движения с 1902 г. С 1920 г. – член РКП(б). В 1920–1921 гг. преподаватель Московского университета и декан экономического факультета Института народного хозяйства имени Плеханова. В 1923–1925 гг. – прокурор уголовно-следственной коллегии Верховного Суда СССР. В 1925–1928 гг. – ректор Московского университета. В 1928–1930 гг. возглавлял Главное управление профессионального образования. В 1928–1931 гг. – член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. Заведовал учебно-методическим сектором Наркомпроса и замещал председателя Государственного ученого совета. С 1931 г. – прокурор РСФСР, заместитель наркома юстиции РСФСР. С 1933 г. – заместитель прокурора, а с 1935 по 1939 г. –

прокурор СССР. В 1939–1944 гг. – заместитель председателя Совнаркома. В 1940–1953 гг. – на руководящих постах в МИД СССР, с 1949 г. – министр иностранных дел. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г. В 1937–1950 гг. – депутат Верховного Совета СССР. После смерти Сталина – представитель СССР в ООН. Награжден шестью орденами Ленина.

ПАНКРАТЬЕВ Михаил Иванович (1901–1974) – Прокурор СССР с 31 мая 1939 г. по 7 августа 1940 г.

В 1917–1921 гг. работал грузчиком Московской Виндаво-Рыбинской железной дороги, затем – делопроизводитель Бежецкого уездного продовольственного комитета, заведующий учетом и орготделом Бежецкого укома РКП(б). С 1921 г. – инструктор и начальник организационной части политотдела 27-й дивизии, комиссар 81-го стрелкового полка, а с сентября 1923 г. – комиссар штаба 8-й стрелковой дивизии. С января по ноябрь 1925 г. – комиссар 22-го полка 8-й дивизии. С ноября 1925 г. по ноябрь 1926 г. – комиссар полка бронепоездов. С декабря 1925 г. по ноябрь 1929 г. – комиссар 110-го стрелкового полка. В 1929 г. начал работать в прокуратуре: помощником военного прокурора Азербайджанской дивизии, помощником военного прокурора корпуса, военным прокурором управления бригады железнодорожных войск. С 1933 г. – прокурор отдела, помощник главного военного прокурора, начальник отдела в Главной военной прокуратуре РККА. В мае 1938 г. назначен на должность Прокурора РСФСР, а в мае 1939 г. – Прокурор СССР. В 1940–1942 гг. – заместитель начальника управления военных трибуналов наркомата юстиции СССР. По октябрь 1950 г. возглавлял военный трибунал Брянского фронта, военный трибунал 2-го Прибалтийского фронта, военный трибунал Прибалтийского военного округа.

БОЧКОВ Виктор Михайлович (1900–1981) – Прокурор СССР с 7 августа 1940 г. по 13 ноября 1943 г.

С 1919 г. на службе в РККА: в отдельном эскадроне конной разведки Особой кавалерийской бригады 15-й армии, в составе отдельного кавалерийского эскадрона 6-й стрелковой дивизии. Был направлен командованием Западного фронта на 43-и Полоцкие командные курсы Западного военного округа, после окончания которых в 1922 г. получил звание краскома. В феврале 1923 г. направлен на охрану государственной границы. С 1932 по 1935 г. командовал дивизионом 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ. В 1935–1938 гг. обучался в Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В 1938–1940 гг. – начальник Главного тюремного управления НКВД, начальник 4-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД. В августе 1940 г. назначен на должность Прокурора СССР. В начале Великой Отечественной войны был назначен

Право, рожденное Революцией

членом Военного совета Северо-Западного фронта и непосредственно возглавил Особый отдел фронта. В 1940–1941 гг. входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, в компетенцию которой

входило утверждение смертных приговоров. Был инициатором введения классных чинов и форменной одежды сотрудников прокуратуры. В 1943 г. вернулся на службу в наркомат внутренних дел, где занимал должности начальника Управления конвойных войск НКВД (МВД) СССР, заместителя начальника ГУЛаг МВД СССР. В 1955–1957 гг. – начальник отдела конвойной охраны, с 1957 г. до ухода в отставку в 1959 г. – зам. начальника ГУИТК МВД СССР, начальник отдела охраны. В 1961–1969 гг. – начальник сектора Всесоюзного проектно-технологического института «Стройдормаш» Московского СНХ, заместитель начальника отдела Проектно-конструкторского технологического института машиностроения Московского СНХ.

ГОРШЕНИН Константин Петрович (1907–1978) – Прокурор СССР с 13 ноября 1943 г. по 19 марта 1946 г., Генеральный прокурор СССР с 19 марта 1946 г. по 4 февраля 1948 г.

САФОНОВ Григорий Николаевич (1904–1972) – Генеральный прокурор СССР с 4 февраля 1948 г. по 30 июня 1953 г.

В 1922–1925 гг. обучался на юридическом факультете Ленинградского государственного университета. По окончании работал помощником юрисконсульта машиностроительного треста в г. Ленинграде. С конца 1926 г. служил в 48-м стрелковом полку. В 1928 г. поступил на должность юрисконсульта ремонтно-механического завода и экспортной базы наркомата путей сообщения в Ленинграде. С 1929 г. – заведующий юридическим бюро Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина в г. Ленинграде. В это же время преподавал в Институте советского права, а затем в Ленинградском университете. С 1935 г. – на службе в органах прокуратуры в должностях прокурора Окуловского района Ленинградской области, прокурора Кировского района г. Ленинграда, начальника отдела

дела в Прокуратуре СССР, заместителя, Первого заместителя прокурора, Генерального прокурора СССР. С февраля 1948 г. до отстранения от должности в июне 1953 г. – Генеральный прокурор СССР. В 1955 г. назначен на

должность заместителя Московского окружного транспортного прокурора. С мая 1957 г. заместитель начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры РСФСР, затем прокурор. Депутат Верховного Совета РСФСР.

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) – Генеральный прокурор СССР с 1 июля 1953 г. по 23 января 1981 г.

Член ВКП(б)–КПСС с 1926 г. На следственной работе в Черниговской окружной прокуратуре с 1929 г. в должности следователя, старшего следователя. В 1937–1938 гг. занимал должность прокурора Донецкой области, входил в состав особой тройки, созданной по приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447, принимал активное участие в сталинских репрессиях. С 1938 г. – прокурор Сталинской области. В это же время избирался делегатом XVIII съезда ВКП(б) с правом совещательного голоса. В 1941–1942 гг. – начальник отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами РКМ. С 1942 г. был заместителем прокурора, а затем прокурором УССР. Выступал в качестве главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе в 1945–1946 гг.,

входил в состав суда на «процессе шестнадцати» (1945 г.). С 1943 г. – Генеральный прокурор СССР. Одновременно был депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС, членом ЦК КПСС. В 1972 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда за выдающиеся достижения в деле укрепления правопорядка, социалистической законности.

РЕКУНКОВ Александр Михайлович (1920–1996) – Генеральный прокурор СССР с 26 мая 1988 г. по 15 октября 1990 г.

Обучался в Тбилисском горно-артиллерийском училище имени 26 Бакинских комиссаров. С октября 1941 г. был инструктором Верхнедонского военного комиссариата. В 1944 г. во время Великой Отечественной войны воевал в 336-м гвардейском стрелковом полку 120-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 3-й армии 2-го Белорусского фронта. Командовал взводом, ротой, батальоном. В конце 1945 г. был направлен на работу в прокуратуру Верхнедонского района Ростовской области в должности помощника прокурора. Одновременно поступил в Ростовскую юридическую школу в г. Таганроге, обучался во Всесоюзном юридическом заочном институте. С 1946 г. – помощник про-

Право, рожденное Революцией

курора Целинского района Ростовской области, прокурор Константиновского района Ростовской области, прокурор Азовского района Ростовской области, первый заместитель прокурора, прокурор Брянской области, прокурор Воронежской области. В 1971–1976 гг. – первый заместитель Прокурора РСФСР. В 1976–1981 гг. – первый заместитель Генерального прокурора СССР, с 1981 г. – Генеральный прокурор СССР. В 1981–1989 гг. – член ЦК КПСС. В 1988 г. ушел на пенсию по возрасту, однако продолжил работать в прокуратуре, занимая должность прокурора отдела в Прокуратуре Союза ССР, затем стал советником Генерального прокурора РФ.

СУХАРЕВ Александр Яковлевич (р. 1923) – Генеральный прокурор СССР с 26 мая 1988 г. по 15 октября 1990 года.

ТРУБИН Николай Семенович (р. 1931) – Генеральный прокурор СССР с 27 декабря 1990 г. по 29 августа 1991 г.

Обучался в Свердловском юридическом институте, который окончил в 1953 г. До 1960 г. работал помощником прокурора Печорского исправительно-трудового лагеря Коми АССР, прокурор Усть-Цилемского района Коми АССР. В 1960–1972 гг. – следователь прокуратуры, прокурор Новотитаровского района Краснодарского края, старший помощник прокурора Краснодарского края по кадрам, начальник следственного отдела прокуратуры Краснодарского края. С 1972 по 1978 г. работал в Прокуратуре СССР в должности прокурора отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД Прокуратуры СССР, заместителя начальника отдела, помощника Генерального прокурора СССР. В 1976–1978 гг. – советник Генерального прокурора Республики Куба. В 1978–

1990 гг. – заместитель, затем первый заместитель Прокурора РСФСР, а с мая 1990 г. – Прокурор РСФСР. С декабря 1990 г. по август 1991 г. – Генеральный прокурор СССР. 29 августа Верховным Советом СССР был отправлен в отставку, однако ему было поручено исполнение обязанностей Генерального прокурора СССР до решения Съезда народных депутатов СССР. Обязанности исполнял по январь 1992 г. В 1992–2005 гг. занимал должность начальника управления правовой работы корпорации «Росагропромстрой». С 2005 г. – советник генерального директора по правовым вопросам ОСАО «Ингосстрах». Входит в состав научно-консультативного совета Генеральной прокуратуры РФ.

Государственная прокуратура Республики. Прокуратура РСФСР

В составе Народного комиссариата юстиции РСФСР в 1922 г. была учреждена Государственная прокуратура на основании постановления ВЦИК²². С 1931 г. Прокуратура РСФСР функционировала как самостоятельный орган республиканского значения.

КУРСКИЙ Дмитрий Иванович (1874–1932) – Прокурор Республики с 22 мая 1922 г. по 16 января 1928 г.

ЯНСОН Николай Михайлович (1882–1938) – Прокурор РСФСР с 16 января 1928 г. по май 1929 г.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938) – Прокурор РСФСР с мая 1929 г. по 5 мая 1931 г.

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – Прокурор РСФСР с 11 мая 1931 г. по 22 июня 1933 г.

АНТОНОВ-ОВСЕНКО Владимир Александрович (1883–1938) – Прокурор РСФСР с 25 мая 1934 г. по 25 сентября 1936 г.

РЫЧКОВ Николай Михайлович (1897–1959) – Прокурор РСФСР с августа 1937 г. по январь 1938 г.

ГОЛЯКОВ Иван Терентьевич (1888–1961) – Прокурор РСФСР с 31 января 1938 г. по 14 апреля 1938 г.

С 1910 г. проходил службу в армии, принимал участие в Первой мировой войне. С 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию. Служба в армии проходила преимущественно по политической и судебной части. Работал в Военной коллегии Верховного Суда СССР. В 1921–1925 гг. – член коллегии военного трибунала Северо-Кавказского военного округа. С 1925 по 1938 г. был заместителем председателя реввоен трибунала Белорусского военного округа, затем вновь входил в состав Военной коллегии Верховного Суда СССР. В январе–апреле 1938 г. занимал должность Прокурора РСФСР. С августа 1938 г. – Председатель Верховного Суда СССР. В том же году был избран депутатом

²² Положение о прокурорском надзоре : постановление ВЦИК от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

Право, рожденное Революцией

Верховного Совета РСФСР, а с 1946 г. – депутат Верховного Совета СССР. В 1948 г. снят с должности Председателя Верховного Суда СССР за недостатки в работе – за «факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного Суда СССР и работниками его аппарата». В 1932–1959 гг. – заместитель директора по научной части, а затем директор Всесоюзного института юридических наук. Автор более 70 научных работ.

ПАНКРАТЬЕВ Михаил Иванович (1901–1974) – Прокурор РСФСР с 20 мая 1938 г. по 31 мая 1939 г.

ВОЛИН Анатолий Антонович (1903–2007) – Прокурор РСФСР с 25 июля 1939 г. по 25 августа 1948 г.

В 1920–1921 гг. работал на рыбозаводе в г. Темрюк. С 1921 г. назначен начальником секретной части штаба одной из частей РККА. Принимал участие в Гражданской войне. Член РКП(б) с октября 1925 г. В 1923–1926 гг. обучался на рабфаке в г. Краснодаре, затем в 1926–1930 гг. – на юридическом факультете Ленинградского университета. Окончил аспирантуру Коммунистической академии в г. Ленинграде. В 1931–1932 гг. заведовал кафедрой в Ленинградском университете. С 1932 г. – заведующий сектором культуры и народного образования в Автономной Карельской ССР. Возглавлял кафедру в Петрозаводском университете. В 1933–1935 гг. – прокурор г. Петрозаводска. С 1935 г. – помощник прокурора, прокурор Сокольнического района г. Ленинграда. В 1937 г. назначен на должность заместителя прокурора РСФСР, а с 1939 года занимал пост Прокурора РСФСР. С 1948 по 1957 г. – Председатель Верховного Суда СССР. В это время принимал участие в «чистках органов юстиции», в рассмотрении преступлений, совершенных судьями. С 1957 г. до ухода на пенсию в 1969 г. – заместитель Главного арбитра Госарбитража при Совете министров СССР.

ность заместителя прокурора РСФСР, а с 1939 года занимал пост Прокурора РСФСР. С 1948 по 1957 г. – Председатель Верховного Суда СССР. В это

БАРАНОВ Павел Владимирович (1905–1988) – Прокурор РСФСР с 31 декабря 1948 г. по 13 апреля 1954 г.

Обучался в 1920 г. в фабрично-заводском училище в г. Ленинграде. Тогда же вступил в комсомол. С 1927 г. занимал должности заведующего отделом Северо-Западного бюро ЦК ВЛКСМ, Ленинградского обкома комсомола. В январе 1931 г. был направлен

на работу в органы прокуратуры в должности прокурора Дновского района Ленинградской области, а через некоторое время стал помощником областного прокурора. В 1934 г. был назначен прокурором Кировского района. В 1937 г. занял должность прокурора Свердловской области. 23 июня 1941 г., в самом начале Великой Отечественной войны, был направлен в действующую армию. В этот период проходил службу в должностях прокуратуры армии и фронта, закончил войну военным прокурором Северной группы войск. С 1948 г. – заместитель Прокурора РСФСР по общим вопросам, а затем Прокурор РСФСР. В марте 1954 г. был утвержден в должности первого заместителя Генерального прокурора СССР. С 1957 г. до выхода в отставку в апреле 1961 г. – первый заместитель председателя юридической комиссии при Совмине СССР.

КРУГЛОВ Алексей Андреевич (1907–1974) – Прокурор РСФСР с 13 апреля 1954 г. по 19 августа 1963 г.

В 1924–1929 гг. работал грузчиком на железной дороге в Серпухове, рабочим на заготовке дров в леспромхозе. В 1927 г. вступил в комсомол. С 1930 г. начал работать в рядах рабоче-крестьянской милиции младшим милиционером, затем участковым уполномоченным милиции. С 1931 г. – начальник Угодского районного отделения исправительно-трудовых работ. С 1932 по 1939 г. работал народным следователем Угодско-Заводского, Воловского, Михневского, Детчинского и Красногорского районов. Обучался на Московских областных юридических курсах Наркомюста РСФСР. С 1939 г. – прокурор уголовно-судебного отдела, затем следственного отдела прокуратуры Московской области. В период Великой Отечественной войны был бойцом добровольной пожарной охраны, принимал участие в защите столичных объектов от налетов фашистской авиации, принимал участие в строительстве оборонительных рубежей Московского обвода. С августа 1942 г. – начальник судебно-следственного отдела прокуратуры Московской области. В декабре 1944 г. назначен заместителем прокурора Московской области по общим вопросам, курировал группу по делам несовершеннолетних и гражданско-судебный отдел. С 1947 г. занимал должность заместителя начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР. В августе 1949 г. назначен прокурором Московской области. Окончил в 1952 г. Всесоюзный юридический заочный институт. В 1954–1963 гг. занимал должность Прокурора РСФСР. С 1963 по 1970 г. возглавлял Юридическую комиссию при Совете министров РСФСР, выполнявшую функции упраздненного Министерства юстиции РСФСР.

Право, рожденное Революцией

БЛИНОВ Владимир Михайлович (1918–1990) – Прокурор РСФСР с 29 ноября 1963 г. по сентябрь 1970 г.

КРАВЦОВ Борис Васильевич (р. 1922) – Прокурор РСФСР с 21 января 1971 г. по 12 апреля 1984 г.

ЕМЕЛЬЯНОВ Сергей Андреевич (1936–1995) – Прокурор РСФСР с 26 июня 1984 г. по 28 мая 1990 г.

В 1954 г. поступил на юридический факультет МГУ. С 1959 г. стажировался в Вяземской межрайонной прокуратуре, занимался в основном следствием. В сентябре 1960 г. принят на работу в органы прокуратуры г. Москвы, назначен следователем, затем старшим следователем прокуратуры Октябрьского района. В августе 1963 г. переведен на работу в аппарат прокуратуры г. Москвы, где стал прокурором отдела по надзору за следствием в органах охраны общественного порядка (внутренних дел). В сентябре 1964 г. занял должность прокурора отдела кадров. В июле 1965 г. назначен прокурором г. Зеленограда. С июня 1968 г. – начальник отдела общего надзора прокуратуры г. Москвы. С июля

1971 г. – заместитель прокурора г. Москвы. В сентябре 1973 г. назначен на вновь образованную должность заместителя прокурора г. Москвы – начальника отдела кадров. В мае 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1978–1980 гг. занимал должность 1-го заместителя прокурора г. Москвы. В сентябре 1980 г. перешел на работу в ЦК КПСС, где стал инструктором Отдела административных органов. В 1983 г. назначен прокурором г. Москвы, а 26 июня 1984 г. стал Прокурором РСФСР. Входил в состав коллегии Прокуратуры СССР. С мая 1990 г. стал работать научным сотрудником Института повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР. Автор ряда публикаций в научных юридических и иных журналах и газетах, выпустил несколько монографий.

ТРУБИН Николай Семенович (р. 1931) – Прокурор РСФСР с 28 мая 1990 г. по 11 декабря 1990 г.

СОВЕТСКИЙ СУД

Верховный Суд СССР

Создание Верховного Суда СССР было обусловлено включением в ст. 12 Договора об образовании СССР положения об учреждении при ЦИК СССР органа с функциями верховного судебного контроля. Положением ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. был определен статус, компетенция, порядок организации и деятельности Верховного Суда СССР.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938) – Председатель Верховного Суда СССР с 28 ноября 1923 г. по 2 февраля 1924 г.

ВИНОКУРОВ Александр Николаевич (1869–1944) – Председатель Верховного Суда СССР с 15 марта 1924 г. по 17 августа 1938 г.

В 1888 г. по окончании Екатеринославской гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета. С 1890 г. – участник революционного движения. В 1893 г. был одним из основателей московской социал-демократической организации. Был арестован, в 1897–1902 гг. находился в ссылке. С 1905 г. был на партийной работе в Екатеринославле, затем в Санкт-Петербурге. В 1917 г. – депутат Петроградской государственной думы, с октября того же года – председатель первой большевистской Петроградской государственной думы. Одновременно входил в состав Наркомата труда РСФСР. В 1918–1921 гг. занимал должность народного комиссара социального обеспечения РСФСР. С 1921 по 1923 г. работал в составе Комиссии помощи голодающим, затем Комиссии по борьбе с последствиями голода. В 1924–

1938 гг. был Председателем Верховного Суда СССР. В 1938 г. назначен начальником отдела санитарного просвещения Наркомата здравоохранения СССР.

ГОЛЯКОВ Иван Терентьевич (1888–1961) – Председатель Верховного Суда СССР с 17 августа 1938 г. по 24 августа 1948 г.

ВОЛИН Анатолий Антонович (1903–2007) – Председатель Верховного Суда СССР с 31 августа 1948 г. по 12 февраля 1957 г.

ГОРКИН Александр Федорович (1897–1988) – Председатель Верховного Суда СССР с 12 февраля 1957 г. по 20 сентября 1972 г.

С 1916 г. состоял в РСДРП. В 1917 г. окончил Тверскую гимназию. В 1917–1919 гг. был секретарем Тверского городского совета депутатов, председателем губернского исполкома, затем заведующим Пензенским губернным деревенским отделом и внешкольным подотделом. В 1920–1921 гг. занимался политической работой в Красной армии. В 1921–1933 гг. был сотрудником Тверского губернского комитета РКП(б), Киргизского областного комитета РКП(б), Оренбургского губернского комитета РКП(б), Сельхозсоюза, Птицеводсоюза, Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б), аппарата ЦК ВКП(б). В 1931–1932 гг. обучался на аграрном факультете Института красной профессуры в г. Москве. В 1933–1934 гг. был вторым секретарем Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б) в г. Самаре. В 1934–1937 гг. – первый секретарь Оренбургского областного комитета ВКП(б). С 9 июля 1937 г. по январь 1938 г. был секретарем ЦИК СССР. В 1938–1953 гг. и в 1956–1957 гг. – секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1–8-го созывов (1937–1974). С 1957 г. до выхода на пенсию в 1972 г. занимал должность Председателя Верховного Суда СССР. Одновременно в 1959–1961 гг. был председателем Центральной ревизионной комиссии КПСС. Участвовал в кампании по реабилитации жертв культа личности.

СМИРНОВ Лев Николаевич (1911–1986) – Председатель Верховного Суда СССР с 20 сентября 1972 г. по 12 апреля 1984 г.

ТЕРЕБИЛОВ Владимир Иванович (1916–2004) – Председатель Верховного Суда СССР с 12 апреля 1984 г. по 5 июня 1989 г.

СМОЛЕНЦЕВ Евгений Алексеевич (1923–2017) – Председатель Верховного Суда СССР с 7 июня 1989 г. по 24 декабря 1991 г.

Революционные трибуналы и народные суды. Верховный Суд РСФСР

В первые годы советской власти Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. устанавливались два вида судов – народные суды и революционные трибуналы. Рабочие и крестьянские революционные трибуналы учреждались для борьбы против контрреволюционных сил²³. Их состав избирался губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В мае 1918 г. был образован Революционный трибунал при Всероссийском центральном исполнительном комитете (ВЦИК), позднее переименованный в Верховный революционный трибунал при ВЦИК. Постановлением ВЦИК от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» все центральные трибуналы были объединены в Верховный трибунал при ВЦИК РСФСР. С ноября 1922 г. по положению о судеустройстве РСФСР, утвержденным ВЦИК, было ликвидировано раздвоение советской юстиции на народные суды и революционные трибуналы. Система трибуналов, за исключением военных, упразднялась. Была установлена единая система судебных учреждений, в которую входили народные суды, губернские суды и Верховный Суд РСФСР, который стал правопреемником Верховного трибунала при ВЦИК.

СТУЧКА Петр Иванович (Петерис Янович) (1865–1932) – Председатель Верховного Суда РСФСР с января 1923 г. по 25 января 1932 г.

БУЛАТ Иван Лазаревич (1896–1938) – Председатель Верховного Суда РСФСР с января 1932 г. по сентябрь 1937 г.

ДМИТРИЕВ Яков Петрович (1892–1975) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 17 сентября по 17 октября 1937 г.

СОЛОДИЛОВ Андрей Петрович (1900–1948) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 27 октября 1937 г. по сентябрь 1938 г.

После окончания в 1915 г. начального училища работал в хозяйстве отца до вступления добровольцем в РККА в январе 1919 г. Занимал должность военного следователя в Реввоентрибунале группы войск Киевского направления, в Реввоентрибунале 12-й армии. С мая 1920 г. работал в Губчека. С 1922 г. – вновь в РККА в должности заместителя председателя трибунала, затем военного прокурора дивизии. С конца 1926 г. работал прокурором в Наркомюсте РСФСР. В 1928–1929 гг. обучался на высших юри-

²³ О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

Право, рожденное Революцией

дических курсах, по окончании которых был назначен военным прокурором Хабаровского военного округа. С 1931 г. обучался в аспирантуре научно-исследовательского института монополии внешней торговли. С 1935 г. – член Гражданско-судебной коллегии Верховного Суда СССР. С октября 1937 г. по сентябрь 1938 г. занимал пост Председателя Верховного Суда РСФСР, затем по 26 мая 1948 г. был заместителем Председателя Верховного Суда СССР. Был сторонником проведения судопроизводства в ускоренном порядке, на что ориентировал судебные органы.

РОЖНОВ Игнатий Афанасьевич – Председатель Верховного Суда РСФСР с октября 1938 г. до февраля 1939 г.

РУБИЧЕВ Анатолий Тимофеевич (1903–1973) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 28 января 1939 г. по 4 мая 1945 г., с 15 марта 1957 г. по июль 1962 г.

НЕСТЕРОВ Александр Михайлович (1905 - ?) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 4 мая 1945 г. по 16 июня 1949 г.

В 1930–1932 гг. был председателем Алымской сельскохозяйственной коммуны в Уральской области. С 1935 по 1937 г. обучался в Свердловском Институте советского строительства, затем решением ВЦИК от 5 мая 1937 г. с 1 сентября 1937 г. переведен на III курс Ленинградского института госправа и госуправления имени М. И. Калинина, который окончил в 1939 г. с присвоением квалификации юриста-государственника. С 1940 г. работал в должности председателя Алтайского краевого суда. С 4 мая 1945 г. по 16 июня 1949 г. занимал пост Председателя Верховного Суда РСФСР.

БИТЮКОВ Степан Павлович (1905–1966) – Председатель Верховного Суда РСФСР с августа 1949 г. по 15 марта 1957 г.

В 1922 г. поступил на работу в милицию в качестве делопроизводителя, затем был принят на должность секретаря в народном суде. В 1926–1927 гг. был народным судьей в Режевском районе Свердловского округа. В 1927–1929 гг. проходил службу по призыву в РККА в учебном батальоне школы имени ВЦИК в Московском Кремле. С 1930 г. обучался в Ленинградском институте советского права, по окончании которого в 1933 г. был членом Дальневосточного краевого суда, затем старшим народным судьей в г. Комсомольске-на-Амуре. В 1937–1943 гг. занимал пост председателя Хабаровского краевого суда, (1937–1943), с 1944 г. – председателем Горьковского областного суда. С января 1949 г. работал в Верховном Суде СССР. С

августа 1949 г. занимал пост Председателя Верховного Суда РСФСР, освобожден от занимаемой должности 15 марта 1957 г.

СМИРНОВ Лев Николаевич (1911–1986) – Председатель Верховного Суда РСФСР с июля 1962 г. по сентябрь 1972 г.

С 1929 г. с перерывом обучался на факультете советского права в Ленинградском государственном университете, в Ленинградском правовом институте имени Н. В. Крыленко, бывшем юридическом факультете ЛГУ. В 1934–1935 гг. работал старшим следователем Ленинградской областной прокуратуры, до 1938 г. – старшим следователем Мурманской окружной прокуратуры. По возвращении в г. Ленинград принят на должность старшего следователя Петроградского района, позже – Ленинградской городской прокуратуры. В 1939 г. поступил в аспирантуру по специальности «Всеобщая история права», обучался до начала Великой Отечественной войны. С 23 июня 1941 г. проходил службу в качестве военного следователя в прокуратурах действующих армий и Ленинградского фронта. С

сентября 1942 г. назначен прокурором следственного отдела Прокуратуры СССР. Занимался расследованиями преступлений гитлеровцев на оккупированных территориях СССР. Поддерживал государственное обвинение на одном из первых судебных процессов по обвинению нацистских преступников в г. Смоленске. На Нюрнбергском международном судебном процессе по обвинению главных нацистских военных преступников являлся помощником главного обвинителя от СССР. В 1946 г. был командирован в качестве заместителя обвинителя от СССР на Токийский международный судебный процесс по обвинению главных японских военных преступников (военная агрессия в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол). С 1948 г. являлся прокурором для особых поручений при Генеральном прокуроре СССР. В 1949 г. поддерживал государственное обвинение на Хабаровском судебном процессе по делу японских милитаристов. В 1957 г. был избран заместителем Председателя Верховного Суда СССР. В 1962–1972 гг. – Председатель Верховного Суда РСФСР. С 1972 г. до выхода на пенсию в 1984 г. – Председатель Верховного Суда СССР. Являлся членом Постоянного консультативного комитета экспертов ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками, членом Совета Международной организации юристов-демократов, почетным доктором права ряда зарубежных университетов.

ОРЛОВ Александр Кириллович (1923–1999) – Председатель Верховного Суда РСФСР с сентября 1972 г. по декабрь 1984 г.

С июля 1941 г. проходил службу в Красной армии как курсант учебного батальона. С мая 1942 г. в составе 64-го Гвардейского минометного Свирского полка воевал на Карельском фронте и в Заполярье. После капитуляции Германии принимал участие в Параде Победы на Красной площади. В августе-сентябре 1945 г. воевал в составе действующей армии в Маньчжурии. В марте 1947 г. был демобилизован в звании гвардии старшего сержан-

та. Был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и рядом других. В 1948–1950 гг. обучался в Казанской юридической школе, по окончании которой был избран членом Верховного Суда Татарской АССР. С июня 1954 г. по март 1958 г. занимал пост председателя этого же суда до перевода на должность заместителя председателя. В 1955 г. без отрыва от работы окончил Всесоюзный юридический заочный институт. С апреля 1959 г. работал председателем Ульяновского областного суда. С декабря 1961 г. занимал должность первого заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР. С сентября 1972 г. был исполняющим обязанности Председателя, а затем Председателем Верховного Суда РСФСР до ухода на пенсию в декабре 1984 г. Являлся вице-президентом ассоциации советских юристов.

МАЛЬШАКОВ Николай Петрович (1924–1997) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 6 декабря 1984 г. по 6 июля 1987 г.

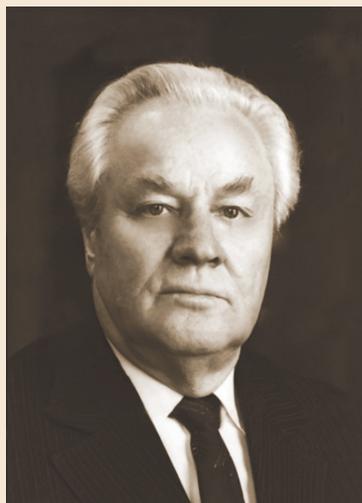

С 1939 г. до начала Великой Отечественной войны обучался в Пермском авиационном техникуме. До марта 1943 г. работал лаборантом цеха на Лысьвенском металлургическом заводе, затем добровольцем был зачислен в Уральский Добровольческий танковый корпус, в составе которого воевал на Брянском и 1-м Украинском фронтах, принимал участие в боях за Берлин и освобождение Праги. Награжден двумя орденами Красной Звезды, десятью медалями, в том числе медалью «За отвагу». В 1947 г. после демобилизации начал работать в органах прокуратуры в должностях, начиная от помощника прокурора г. Лысьвы до прокурора Пензенской области. В 1954 г. без отрыва от работы окончил Свердловский юридический институт. С 1961 г. работал в партийных органах, а с 1968 г. – в органах исполнительной власти.

С декабря 1972 г. занимал должность первого заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР. В декабре 1984 г. избран Председателем Верховного Суда РСФСР. Занимал эту должность до назначения на должность Главного государственного арбитра СССР в июне 1987 г. Был главным редактором «Бюллетеня Верховного Суда РСФСР», вел большую общественную работу. В 1984 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

СМОЛЕНЦЕВ Евгений Алексеевич (1923–2017) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 7 июля 1987 г. по 7 июля 1989 г.

По окончании средней школы в 1941 г. работал мастером на Кировградском металлургическом заводе. В феврале 1942 г. был призван в Красную армию, проходил службу до ноября 1945 г. в Уральском военном округе. После демобилизации возвратился в г. Кировград, где около полугода работал диспетчером Кировградского химического завода. В 1946–1948 гг. обучался в Свердловской юридической школе. С июля 1948 г. работал народным судьей Ленинского района г. Свердловска. С декабря 1951 г. был членом Свердловского областного суда. По окончании Свердловского юридического института в 1953 г. занимал должность заместителя председателя, а с июня 1966 г. – председателя Свердловского областного суда. В сентябре 1972 г. избран членом Верховного Суда СССР, а также утвержден в должности председателя Судебной коллегии по уголовным делам. С декабря 1977 г. работал заместителем Председателя Верховного Суда СССР. В 1987–1989 гг. занимал должность Председателя Верховного Суда РСФСР. С июня 1989 г. утвержден Председателем Верховного Суда СССР, после упразднения которого с февраля 1992 г. работал главным консультантом в Верховном Суде Российской Федерации до ухода на пенсию в июле 1997 г. Являлся вице-президентом советского Общества дружбы СССР–Ирландия. За заслуги в деле укрепления социалистической законности был награжден орденами «Знак Почета» (1967 г.), Трудового Красного Знамени (1974 г.), Дружбы народов (1983 г.) и восемью медалями.

СССР, а также утвержден в должности председателя Судебной коллегии по уголовным делам. С декабря 1977 г. работал заместителем Председателя Верховного Суда СССР. В 1987–1989 гг. занимал должность Председателя Верховного Суда РСФСР. С июня 1989 г. утвержден Председателем Верховного Суда СССР, после упразднения которого с февраля 1992 г. работал главным консультантом в Верховном Суде Российской Федерации до ухода на пенсию в июле 1997 г. Являлся вице-президентом советского Общества дружбы СССР–Ирландия. За заслуги в деле укрепления социалистической законности был награжден орденами «Знак Почета» (1967 г.), Трудового Красного Знамени (1974 г.), Дружбы народов (1983 г.) и восемью медалями.

ЛЕБЕДЕВ Вячеслав Михайлович

(р. 1943) – Председатель Верховного Суда РСФСР с 7 июля 1987 г. по 7 июля 1989 г.

В 1960–1969 гг. работал учеником резальщика московской типографии № 8, затем слесарем Московского завода железобетонных труб. В 1968 г. окончил вечернее отделение юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1969–1970 гг. работал инженером отдела кадров, труда и зарплаты Главного управления промышленного строительства в южных районах (Главюгпромстрой) Министерства промышленного строительства СССР. С 1970 г. являлся народным судьей Ленинградского районного народного

Право, рожденное Революцией

суда г. Москвы. В 1977 г. занял должность председателя Железнодорожного районного суда г. Москвы. В 1984–1989 гг. – заместитель, а затем председатель Московского городского суда. С июля 1989 г. был Председателем Верховного Суда РСФСР, Председателем Верховного Суда РФ. 21 мая 2014 г. по предложению Президента РФ назначен Советом Федерации РФ Председателем Верховного Суда РФ после его объединения с Высшим Арбитражным Судом РФ. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. Неоднократно был отмечен правительственными и государственными наградами. Автор более 50 научных работ по проблемам развития судебной власти в Российской Федерации.

Составители
Г. В. Стародубова, Ю. А. Иванов

Декретъ о судѣ.

Декретъ

О ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ПО СТРАНИЦАМ ЮРИДИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ 1917 ГОДА (ФЕВРАЛЬ–ОКТЯБРЬ)

Российские юристы поддержали приход к власти Временного правительства. Однако они осознавали негативные последствия смены власти и игнорирования действовавшего права. Эти обстоятельства обусловили содержание юридических публикаций, которое носило двойственный характер. Они призывали к поддержке Временного правительства и соблюдению действовавшего права и одновременно предупреждали от опасности узурпации власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российское право, Февральская революция, Временное правительство, дореволюционные юристы, правопорядок, законность, целесообразность.

ABOUT SIGNIFICANCE OF SOME LEGAL INSTITUTES IN THE TRANSITION PERIOD: ON PAGES OF JURIDICAL PUBLICATIONS OF 1917 (FEBRUARY–OCTOBER)

Russian lawyers supported Temporary government. However they understood the danger of the coup and defying the law. Both moments determined juridical publication's contents. Articles had dual character. Authors called to the maintenance of Temporary government and the observance of the effective law and simultaneously warned against the emerging of the dictatorship.

К е у в о р д s: Russian law, February revolution, Temporary government, prerevolutionary lawyers, law order, legality, expediency.

Поступила в редакцию 20 июля 2017 г.

Временное правительство, пришедшее к власти в феврале 1917 г., обосновывало свою легитимность, ссылаясь на акт отречения от престола великого князя Михаила, который просил «...всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти...»¹.

Правовую преемственность и непрерывность правопорядка новая власть подчеркивала в ряде своих документов. Она торжественно заявляла, что «будет свято хранить связывающие нас с другими державами соглашения», обещала принять «к непоколебимому исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства»² и обращалась к населению с

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Пг., 1917. № 54. Ст. 345.

² Кистяковский Б. Непрерывность правового порядка // Юрид. вестник. М., 1917. № 1 (XVII). С. 8.

просьбами уважать и охранять все частные права, основанные на действующих законах.

Призывы соблюдать правопорядок и формировать новую государственную форму исключительно правовыми средствами обуславливались несколькими взаимосвязанными причинами, основными из которых, по нашему мнению, являлись: 1) критика оппонентов, ставивших под сомнение законность пребывания у власти Временного правительства³; 2) сложившееся после февральских событий двоевластие, разъедавшее государственные институты; 3) господствовавший в обществе правовой нигилизм.

Последний из перечисленных феноменов в наибольшей степени занимал представителей юридического сообщества, активно поддерживавших приход к власти Временного правительства⁴, что не было случайностью или следствием всеобщего революционного воодушевления и желания перемен. С начала XX в. многие известные юристы активно участвовали в политической жизни России, являлись членами партий, преимущественно либерального толка. К примеру, во фракцию кадетов I Государственной Думы входили известные российские юристы М. М. Винавер, С. А. Котляревский, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев и другие, активно работавшие над законопроектами, направленными на обеспечение прав личности⁵.

Характерное для деятельности царского правительства манкирование законом, нередко игнорировавшего нормативные предписания и злоупотреблявшего введением чрезвычайных режимов на территории Российской империи, и годы войны расшатали нравственные устои общества. По воспоминаниям современников, чувство законности утратилось, постоянные реквизиции как неизбежность каждой войны поколебали понятие собственности. «Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей ...»⁶.

Представители юридического сообщества, понимая природу права, его значение для жизни общества и государства как стабилизирующего, упорядочивающего явления, предвидя результаты его несоблюдения, поддерживали новую власть и ее стремление сохранить правопорядок и обосновать свою легитимность.

Это обстоятельство влияло на тон юридических публикаций. Правоведы указывали на двойственность последствий Февральской революции. Она открывала широкие перспективы дальнейшего развития формы Российского государства

³ См. об этом: *Батюк В. И., Галузо В. Н.* О юридическом и фактическом прекращении династии «Дома Романовых» в России и роли в этом представителей «должности прокурора» // *Право и государство : теория и практика.* 2012. № 2 (86). С. 74–79 ; *Орлова С. А.* Отречение императора и роль Сената в легализации Временного правительства // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2004. № 2 (253). С. 204–209 ; *Сахаров В. А.* Проблема легитимности и легальности государственной власти в России в революционных событиях 1917 г. // *Вестник Моск. ун-та. Серия 21, Управление (государство и общество).* 2015. №1. С. 147–160 ; и др.

⁴ См.: *Верещагина А. В.* Уголовная юстиция межреволюционного периода (февраль – октябрь 1917 года). М., 2016. С. 30.

⁵ См.: *Овчинников В. А., Николаева О. А.* Юристы Первой Государственной Думы // *Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы.* 2006. №1. С. 10–11 ; *Первая Государственная Дума : сборник статей. Вып. 2 : Законодательная работа.* СПб., 1907. С. 148 ; *Полный сборник платформ всех русских политических партий.* СПб., 1906. С. 60–66.

⁶ *Врангель П. Н.* Воспоминания : в 2 ч. 1916–1920 // *Волков С. В.* Биографические справки. М., 2006. С. 10.

и одновременно сохраняла возможность реставрации реакционного режима, пусть и в ином классовом оформлении.

Образно эти опасения выразил известный российский юрист И. Покровский: «Последние тучи удушливого тумана уходят... надо, чтобы под воздействием солнечных лучей не поднялся с земли новый туман, туман болотных испарений, и не закрыл снова нашего солнца»⁷. Он же изложил систему желательных действий личности, общества и государства в то смутное время: выжидательность (необходимо пережить смутное время); устойчивость (преодоление негативного отношения к представителям других социальных групп во избежание «внутренней смуты»); консолидация вокруг Временного правительства, возглавившего государство в кризисный момент; сопротивление внешнему врагу; определение основ будущего государственного порядка; сохранение существовавшего права как гарантии от узурпации власти одним лицом или целым классом, или группой лиц. Такие суждения можно встретить и в публикациях Б. Кистяковского, Н. Полянского и др.⁸

Опасность деспотизма (единоличного или классового), всегда сопряженного с насилием и попранием прав индивида, группы лиц, общества; необходимость социального сотрудничества (социальной кооперации) как средства достижения свободы и социальной справедливости, которые должны найти отражение в праве и сохранение правопорядка как превенция от хаоса – вот основные лейтмотивы публикаций российских юристов в межреволюционный период⁹.

Смена власти, по их мнению, не прекратила существования государства и не отменила существовавшего правопорядка, определяющего условия деятельности государственных учреждений и регулирующего отношения между ними и гражданами и граждан между собой. Они исходили из того, что государство есть правопорядок, который существует в данном народе и связывает его в одно целое¹⁰.

Не всегда юристы были последовательны в своих рассуждениях. Так, Б. Кистяковский, постулируя сохранение правопорядка, подчеркивал, что правовая норма действует до тех пор, пока она не отменена новой нормой. Он писал, что с приходом к власти Временного правительства этот принцип сохранил свою силу. Одновременно Б. Кистяковский отмечал, что произошедший переворот привел к отмене некоторых из старых законов, которые перестали действовать и оказались отмененными де-факто. К ним он относил: 1) основные законы, определявшие государственное устройство России, а также организацию и деятельность высших государственных учреждений; 2) все законы, содержавшие изъятия в правах по религиозным, национальным и сословным основаниям и 3) все законы, ограничившие свободу личности и ее политические права и свободы (мешавшие русским гражданам свободно выражать свои мнения устно и печатно, собираться и устраивать общества и союзы). По мнению Б. Кистяковского, все остальные за-

⁷ Покровский И. Задачи момента // Юрид. вестник. М., 1917. № 1 (XVII). С. 5.

⁸ См.: Там же. С. 6. См. также: Кистяковский Б. Непрерывность правового порядка. С. 8 ; Полянский Н. Революция и торжество права. Речь, произнесенная на публичном заседании Московского юридического общества 16 апреля 1917 года // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. № 16. С. 319.

⁹ См.: Покровский И. Задачи момента. С. 7 ; Кистяковский Б. Непрерывность правового порядка. С. 8.

¹⁰ См.: Кистяковский Б. Непрерывность правового порядка. С. 8.

коны, прежде всего гражданский правопорядок, сохранили и после переворота свою полную силу.

Этот подход ясно выражен Временным правительством в актах, которые сопровождали приход к власти, и в его первых заявлениях¹¹.

Приведенные суждения Б. Кистяковского фактически интерпретировали и поддерживали декларации Временного правительства. Можно предположить, что половинчатость аргументации Б. Кистяковского относительно судьбы царских законов, несомненно, следствие сложного выбора: поддерживать или не поддерживать Временное правительство. Если поддерживать, то обосновывать правомерность его шагов, если не поддерживать, то содействовать усугублению общественно-политической ситуации и нарастанию кризиса.

Грядущая государственность юристам виделась более свободной и разумной в политическом отношении и справедливой в частноправовой области.

Средством достижения постоянства, прочности и устойчивости нового общественного и государственного строя, с точки зрения либеральных юристов, являлась правовая форма их установления. Государственные и социальные реформы, проведенные правовыми путями, сразу приобретут общеобязательность и авторитетность.

Правовая преемственность гарантирует им прочность и устойчивость, так как все возникающие на почве новых отношений столкновения и споры будут разрешаться правовым способом. Она позволит пережить величайшие государственные потрясения и перевороты и создать более разумный, свободный и справедливый общественно-государственный строй.

Призывы соблюдать правопорядок и формировать новую государственную форму исключительно правовыми средствами – не только дань уважения праву, но и осознание опасности правового нигилизма, разрушавшего изнутри общество и государство.

В России нормой стало право сильного, выражавшееся идиомами «явочный» и «захватный» порядок. Юристы предупреждали о недопустимости пренебрежения нормативными предписаниями, о заразительности захватного права и неустойчивости создаваемых им отношений.

Непрерывность правопорядка, несмотря на заверения, пожелания и призывы Временного правительства, поддержку его позиции в этом вопросе юридическим сообществом, фактически отсутствовала не только в публично-правовой сфере, что было объективным в силу отречения монарха от престола, но и в частноправовой сфере¹².

Например, волостные комитеты расторгали браки, классовые организации и революционные учреждения устанавливали принудительную регламентацию условий договора личного найма. Они присвоили себе право экспроприации, секвестра и реквизиции. Местные комитеты и крестьянские съезды на основании своих решений самочинно осуществляли на местах земельную реформу и т.п. «Все это делалось в сознании своей правомочности, в искреннем убеждении, что именно так и должно быть... Но что всего губельнее – это то, что наверху в это время произносятся речи о революционном правотворчестве снизу, а перед

¹¹ См.: Кистяковский Б. Непрерывность правового порядка. С. 8.

¹² Об этом см., например: Евтихеев И. Революция и право // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. №35 (52). С. 616–617.

лицом правосудия развиваются мысли о суверенитете начала целесообразности над волей закона, как «живого принципа» над «мертвой буквой». Наряду с фактами, таким образом, получает место и идеология, и то, что должно оставаться печальным эпизодом, превращается в систему»¹³.

В этой ситуации самым опасным было даже не ослабление действия законов, а идеология допустимости нарушения закона революционными органами, в том числе и вторжения их в сферу частного права. Предпосылки распространения такой идеологии, как указывалось выше, коренились в условиях жизни царской России, когда власть использовала различные приемы, позволявшие ограничить действие ординарных законов. В частности, для борьбы с инакомыслием широко применялось введение на территории Российской империи чрезвычайной и усиленной охраны, минимизировавших гарантии прав личности, упрощавших процедуру уголовного преследования, подменявших ее административной расправой, и т.п.¹⁴

Эта тенденция возобладала в межреволюционный период. Не случайно решение мирового судьи, рассматривавшего дело о захвате Исполнительным комитетом московских общественных организаций гостиницы «Дрезден» для нужд Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором констатировалось, что гражданские и уголовные законы как материальные, так и процессуальные не отменены и поэтому захват признали неправомерным, было скорее исключением, чем правилом.

Юридические постулаты о действии закона до тех пор, пока он не отменен компетентной властью, и действующий закон, являющийся единственным источником и мерилom законного и справедливого судебного решения, в межреволюционный период оказались не востребованными.

Предостережениям юристов о том, что «только из закона, из его прямых постановлений или из его общего духа суд должен черпать нормы для своих приговоров, а отнюдь ... не из общих представлений о справедливости, целесообразности и тому подобных вне закона лежащих инстанций»¹⁵, большая часть общества не внимала.

Митинговые страсти, попытки найти оправдание эксцессам, превращение эксцесса в норму, подмена сущности правотворчества как естественного, неосвязаемого, незримого процесса, который заканчивается формированием правопонимания, определяющего линию поведения индивида и ее оценку со стороны общества, на право сильного, право того, у кого есть оружие, право самочинных организаций, которые свои решения незамедлительно проводят в жизнь, – вот приметы межреволюционного правопорядка. Подчинение этим постановлениям, этим результатам «правотворчества» носило характер не юридической обязанности, а факта, основанного на сознании зависимости от внешней физической силы. Эта деятельность была не правотворчеством, а цепью правонарушений.

Как предупреждали современники, «при общей притупленности правосознания русского народа, при крайне низком уровне правовой дисциплиниро-

¹³ Подробнее об этом см.: *Вавин Н.* Революция и сила гражданских законов // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. № 31/34. С. 580 и др.

¹⁴ См.: *Верецагина А. В.* Способы ограничения самостоятельности судебной власти в дореволюционной России // Право и политика. 2014. № 7 (175). С. 1036–1038.

¹⁵ *Покровский И.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 93–94.

ванности апология этих правонарушений, сознательная или бессознательная, безусловно, ведет к глубоким потрясениям всего строя частноправовой жизни государства... правотворчество и насилие над правопорядком несовместимы ... это два начала, из которых одно, безусловно, исключает другое»¹⁶.

Глубокие потрясения не заставили себя ждать. Последовавшие события подтвердили приведенные выше прогнозы юристов, в том числе в части установления деспотической власти и господства целесообразности над законностью.

¹⁶ Вавин Н. Революция и сила гражданских законов. С. 581.

*Институт права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса*
Верещагина А. В., кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Institute of Law Vladivostok State University of Economics and Service
Vereshchagina A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Criminal Law Disciplines Department
E-mail: vereschaginaalla@mail.ru

ДЕКРЕТ №1 О СУДЕ: ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

Исследованы социально-экономические условия работы над этим актом, а также содержание и причины его принятия. Автор пришел к выводу о вынужденном характере судебной реформы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Декрет №1 о суде, советская судебная реформа, причины создания Декрета №1 о суде, история судебных реформ, уголовный процесс.

THE DECREE №1 ABOUT COURT: EXPERIENCE OF RECONSIDERATION OF HISTORY OF CREATION AND THE CONTENT

This article is devoted to the creation of the decree №1 about court. The author carefully is analyzing social-economic conditions of work at this act and his content. The researcher drew conclusion about sudden character of soviet judicial reform in 1917 year.

К е у w o r d s: decree No. 1 of the court; the Soviet judicial reform; the reasons for the creation of Decree No. 1 of the court; history of court reform; criminal proceedings.

Поступила в редакцию 20 июля 2017 г.

В литературе, посвященной истории становления советского судоустройства и судопроизводства, сложилась и доминирует точка зрения о целенаправленном характере советского судебного реформирования, начало которому положил Декрет №1 о суде¹, ставший основой формирования самобытной судебной системы и оригинального, принципиально отличающегося от буржуазного, уголовного судопроизводства².

Представляется, что устоявшаяся точка зрения не совсем соответствует истории подготовки, принятия и содержанию Декрета №1 о суде³ (далее – Декрет №1).

Как известно в комплекс актов, принятых большевиками после захвата власти с целью ее узаконения, не входил документ, касавшийся судебной системы⁴. Лишь во второй половине ноября 1917 г. появился Декрет №1 о суде, декларировавший упразднение судебной системы прежнего режима. Это косвенно указывает на то, что изначально большевики не предусматривали модернизацию юстиции, и лишь сложившаяся после их прихода к власти обстановка вынудила предпринимать шаги в этом направлении.

¹ Такой подход изложен в работах Л. И. Антоновой, М. В. Кожевникова, Д. И. Курского, Н. В. Крыленко, П. Гф. Мишунина, В. П. Портнова, М. М. Славина, П. И. Стучки и др.

² Это утверждение касается и формирования гражданского судопроизводства Советской России, но в представленной работе уделено внимание только уголовной юстиции.

³ Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 24 нояб. ; Собрание узаконений. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴ Один из активных участников судебного строительства Я. Берман в статье, посвященной первым декретам, не упоминает Декрета №1, что подтверждает наше суждение о вынужденном характере судебной реформы 1917 г. (см.: Берман Я. Декреты Октября // Советское государство. 1933. № 6. С. 3–20).

После свержения Временного правительства большевики ориентировались на опыт Февральской революции и, вероятно, рассчитывали, что, как и при смене режима в феврале 1917 г., суды будут продолжать функционировать и выносить решения от имени новой власти⁵. Наверное, поэтому «о праве, о правосудии вообще, как будто забыли»⁶. Назначение Народным комиссаром юстиции Г. И. Оппокова (Ломова), который находился в Москве⁷ и про которого «...всем было известно, что он из Москвы едва ли уедет и едва ли уйдет из политики и станет заведовать правосудием Советской России»⁸, несомненное подтверждение отсутствия намерений судебного реформирования. Об этом свидетельствует и тот факт, что в сугубо большевистском Совете народных комиссаров (СНК) пост Наркома юстиции пообещали левым эсерам в случае их вступления в правительство.

Иными словами, Народный комиссариат юстиции не рассматривался как ключевой: «... общее мнение было таково, что с этим комиссариатом вообще нечего спешить»⁹.

Даже после принятия Декрета №1, по воспоминаниям первых советских судебных деятелей, судебная деятельность не считалась престижной. Она рассматривалась как второстепенная, не требующая особого внимания, несерьезная и лучших на эту работу не мобилизовывали¹⁰.

К середине ноября 1917 г. стало совершенно очевидно, что государственные служащие, в том числе представители магистратуры, не собираются сотрудничать с рабоче-крестьянской властью. В Петрограде некоторые суды, хотя и работали, но выносили решения от имени свергнутого Временного правительства, что справедливо расценивалось большевиками как агитация против них: «...суд казался чем-то посторонним, революция в течение целого месяца допускала, чтобы по сотням камер, в собственном стане, провозглашалась открытая, легальная агитация за Временное правительство, против сторонников которого тут же велась вооруженная борьба»¹¹.

На заседании Центрального исполнительного комитета (ЦИК) 10 ноября 1917 г. с докладом о новом суде выступил П. И. Стучка. В тот же день опубликовали его статью, в которой излагались основные положения Декрета №1 о суде¹². Комис-

⁵ См.: *Верещагина А. В.* Судоустройственное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX начала XX в.: тенденции развития и идеи реформирования. Владивосток, 2014. С. 132–133.

⁶ *Стучка П.* Пять лет революции права // *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 44/45. С. 1.

⁷ О создании первого правительства Советской республики см., например: *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства 1917–1918 / отв. ред. И. И. Минц. М., 1987; *Шмелев А. Н., Лосев Е. Н.* Из истории создания социалистического государства // *Из истории Великого Октября и гражданской войны (1917–1920 гг.): межвуз. сборник / под ред. В. А. Смышляева, П. Ф. Метелькова, А. Н. Шмелева. Л., 1990. С. 60–70; и др.*

⁸ *Стучка П.* Пять лет революции права. С. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Ростовский И.* Как работал народный суд в 1918 году // *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 44/45. С. 16.

¹¹ *Стучка П.* Пролетарская революция и суд // *Пролетарская революция и право.* 1918. № 1. С. 1.

¹² См.: *Стучка П.* Классовый или демократический суд // *Правда.* 1917. 10 нояб. П. Стучка в своих воспоминаниях пишет, что проект совместно с М. Козловским они подготовили по собственной инициативе еще до его (П. Стучки) назначения временным комиссаром юстиции (см.: *Стучка П.* Пять лет революции права. С. 1).

сия, в которую входило пять человек, так и не приступила к работе, во всяком случае в протоколах ЦИК и имеющихся к ним материалах никаких отметок об этом не содержится¹³.

Позднее, 14 ноября 1917 г., в газете «Правда» появилось сообщение о разработке проекта декрета о революционных судах. Проект неоднократно рассматривался в заседаниях ЦИК, его юридической комиссии, Президиуме ЦИК, однако окончательного решения так и не приняли¹⁴. Вероятно, это и острота момента послужили причиной перемещения центра решения вопроса по проекту Декрета №1 в СНК, в повестку работы которого рассмотрение проекта также неоднократно включалось и переносилось на другие заседания¹⁵.

В результате Декрет №1 был принят Совнаркомом 22 ноября 1917 г. Потребность в наведении революционного порядка, урегулировании споров становилась жизненно важной, в том числе для придания легитимности новой власти, подтверждения ее прерогативы на применение репрессии¹⁶ за нарушение устанавливаемых советской властью норм, оформлявших советскую государственность и направленных на ее защиту¹⁷.

В решении Совнаркома излагались причины принятия Декрета №1 именно этим органом (СНК): 1) неоднократное обсуждение проекта в ЦИКе и Совнарком; 2) устранение серьезных замечаний; 3) торможение прохождения проекта некоторыми фракциями ЦИКа по причинам, которые носили случайный и побочный характер и лежали вне рамок вопроса о суде; 4) беспомощность правительства в отсутствие суда перед преступностью, контрреволюцией и саботажем; 5) возможность на основании решений и резолюций ЦИК и имеющихся прецедентов принятия правительством законов с последующим внесением их в ЦИК; 6) обоснование правомерности принятия Декрета №1 именно Совнаркомом, который, по мнению его членов, никоим образом не превысил полномочий («... не совершая по существу ни малейшего нарушения власти и прав ЦИК принять ... закон о революционном суде и немедленно ввести его в действие»)¹⁸.

Приведенный в решении СНК мотив – беспомощность правительства в отсутствие суда – подчеркивает его вынужденный и экстраординарный характер.

Положения Декрета №1 только в общих чертах закрепляли «контур» юстиции, что свидетельствовало об отсутствии представлений о желательном суде-

¹³ См.: Мишунин П. Из истории первого декрета о суде // Вопросы истории. 1949. № 4. С. 11.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Мишунин П. Из истории первого декрета о суде. С. 11–12. Исследователи увязывают неэффективность работы ЦИК над декретом с имевшейся в этом органе оппозицией у большевиков. Следует отметить, что в работах П. Мишунина подчеркивается роль И. Сталина в подготовке Декрета №1. Педалирование роли И. Сталина и критика П. Стучки, искажившего, по мнению П. Мишунина, историю создания Декрета №1, объяснимы датировкой исследований (см. помимо указанного соч.: Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917–1918 гг. М., 1954. С. 21–22, 41).

¹⁵ По воспоминаниям П. И. Стучки, в СНК, полностью состоявшем из представителей партии РСДРП, проект встретил сопротивление // Стучка П. Пять лет революции права. С. 2.

¹⁶ Как известно, это один из основных признаков наличия или отсутствия государства у конкретного социума.

¹⁷ Об истории подготовки Декрета №1 о суде, сопоставлении содержания его проектов, отношении юридического сообщества к этому акту см.: Городецкий Е. Н. Указ. соч. С. 196–202; Кожевников М. В. История советского суда / под ред. И. Т. Голякова. М., 1948. С. 24–25; Ундревич В. Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции // Советское государство и право. 1931. № 5/6. С. 61–68; и др.

¹⁸ Приведено по: Мишунин П. Из истории первого декрета о суде. С.13.

устройстве и судопроизводстве у большевиков. Большевики сами признавали теоретическую неразработанность вопросов судебного строительства, значения и роли права в пролетарской революции¹⁹.

В программе РСДРП относительно юстиции имелось только два положения: «выборность всех судей народом» (п.10) и «право преследовать в обычном порядке всякого чиновника перед судом присяжных» (п. 11)²⁰, т.е. отказ от административной привилегии²¹ и восстановление подсудности суда присяжных по делам службы²². Эти положения В. Ундревич охарактеризовал как «элементарные буржуазно-демократические требования»²³.

В акте не излагаются мотивы, побудившие новую власть принимать решение об упразднении всех существующих до настоящего времени судебных установлений (ст. 1). Первопричина, как указывалось выше, содержится в решении Совнаркома – беспомощность правительства в отсутствие суда перед преступностью... И только впоследствии появилось марксистско-ленинское обоснование необходимости упразднения судебной системы прежних режимов в связи с приходом к власти большевиков, начало которому было положено во введении к проекту Декрета №1 о суде: «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого, буржуазного порядка, покоящегося на эксплуатации (орфография оригинала. – А. В.) труда капиталом, и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям, и создания новых подлинно демократических учреждений и законов. Перед рабочим и крестьянским правительством встает неотложная творческая задача по созданию новых судов и по выработке новых законов, которые должны отразить в себе правосознание народных широких масс. Но уже в настоящий момент жизни настоятельно требует уничтожения отжившего судебного бюрократического и цензового буржуазного аппарата и от-

¹⁹ См.: Ундревич В. Указ. соч. С. 61.

²⁰ Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на XI съезде партии // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1. С. 62.

²¹ Устранение из уголовного процесса административной привилегии было предметом научных дискуссий конца XIX – начала XX в. Разрабатывались предложения и подготавливались законопроекты по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в этой части (см., например: Анциферов К. Д. О необходимости реформы современного порядка преследования за служебные преступления по уставу уголовного судопроизводства // Санкт-Петербургские ведомости. 1884. 30 янв. (11 февр.). № 30. С. 2–3 ; Лозина-Лозинский М. А. Привлечение к ответственности должностных лиц административного ведомства // Журнал Министерства юстиции. 1894/95. №11. С. 51 и др. ; Победоносцев К. П. Передовая статья о необходимости участия административной власти в вопросах возбуждения уголовного преследования и предания суду в отношении подведомственных ей должностных лиц // Санкт-Петербургские ведомости. 1884. 2 (14) февр. № 33. С. 1; 3 (15) февр. № 34. С. 1 и др.).

²² Наиболее существенно подсудность суда присяжных по делам службы была сокращена Законом от 7 июля 1889 г. Сужение подсудности мотивировалось неподготовленностью общества к участию в отправлении правосудия в такой форме (см.: Об изменении порядка подсудности дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей : закон от 7 июля 1889 г. // ПСЗ. 3-е собр. Т. 9, № 6162. СПб., 1891 ; СУ. 1889. 21 апр. Ст. 644 ; Верецагина А. В. Способы ограничения самостоятельности судебной власти в дореволюционной России // Право и политика. 2014. № 7 (175). С.1036–1038). Подобные мотивы ограничения компетенции суда присяжных приводятся и современными российскими законодателями.

²³ Ундревич В. Указ. соч. С. 65.

мены действия сохранивших донине силу особенно ненавистных революционному правосознанию законов»²⁴.

Указание в приведенной цитате как на первоочередную задачу – уничтожение «судебного бюрократического и цензового буржуазного аппарата» – ясное понимание того, что содержательная часть деятельности юстиции определяется качеством магистратуры.

К началу XX в. этот подход был общепризнанным как в России, так и в Европе. «Несмотря на манию законодательства, свирепствующую во всех странах»²⁵, – писал Э. Ферри, – вполне очевидно, что действие законов всецело зависит от качеств людей, на которых лежит обязанность их применения. Плохой закон, применяемый хорошими судьями, даст гораздо лучшие результаты, чем закон, превосходный с теоретической точки зрения, но применяемый неспособными судьями»²⁶.

Декрет №1 носил межотраслевой характер. В нем содержались судеустройственные нормы и нормы уголовно- и гражданско-процессуального права, что роднило его с актами обществ с активным политгенезом. Например, таким же актом была Русская Правда, в которой судеустройственная и процессуальная регламентации практически отсутствовали, не было четких понятий, противоправность деяния определялась представлениями тяжущихся сторон о нарушенном праве, обратившихся к правомочным органам, и представлениями самих правомочных органов, разрешавших спор²⁷.

Актом закладывалась полисистемность юстиции, свойственная дооктябрьскому периоду: в нем содержалась регламентация двухинстанционных местных судов (ст. 2); создание полковых судов как аналога местных судов в армии (ст. 2); упоминалось о перспективах принятия особого декрета о судопроизводстве для разрешения дел, не подсудных местным судам, т.е. иной системы судов, чем местные (ст.1–2), учреждались революционные трибуналы (ст. 8), а также предполагалось формирование третейских судов для разрешения гражданских дел и дел частного обвинения (ст. 6).

Наибольшее внимание в Декрете №1 уделялось регламентации организационных аспектов института местных судов, которыми замещались мировые суды. Первую инстанцию составляли местные суды, вторую – уездные съезды местных судей. Местные народные суды учреждались в составе одного постоянного судьи и двух очередных заседателей (ст. 2).

Приведенная система местных судов воспроизводит дореволюционный аналог, а регламентация состава коллегии заимствована из актов Временного правительства о временных судах.

²⁴ Проект декрета №1 о суде // Материалы народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 2. С. 103–104.

²⁵ «Мания законодательства» свойственна для современной России, где в качестве единственного способа решения проблем часто считается принятие законов или их корректировка.

²⁶ Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2005. С. 540. Подобные высказывания можно найти в работах российских дореволюционных процессуалистов (см., например, работы В. П. Даневского, И. В. Михайловского, И. Я. Фойницкого и др.).

²⁷ См.: Верецагина А. В. Становление и развитие уголовной юстиции России : дореволюционный период. Владивосток, 2009. С. 14–29. Более поздние акты – Судебники Ивана III и Ивана IV, Соборное уложение Алексея Михайловича и другие, хотя и носили межотраслевой характер, но в них была большая степень конкретизации.

По Декрету №1 постоянные местные судьи в отличие от мировых должны были избираться прямыми выборами (ст. 2). Прямой характер избрания судей в его тексте противопоставлялся существовавшему до октября 1917 г. непрямому выборам мировых судей (ч.1 ст. 2).

До проведения прямых демократических выборов временно допускалось избрание местных судей районными и волостными, или уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, если волостных и районных советов не было (ст. 2 Декрета №1).

Процедура формирования судебного корпуса посредством прямых выборов подверглась в литературе критике. Один из авторов Декрета №1 о суде П. И. Стучка это положение назвал вынужденным, поскольку еще не были изжиты иллюзии по поводу Учредительного собрания, необходимо было считаться с мнением левых эсеров²⁸. Н. В. Крыленко оценил эту норму как ошибочную. Впоследствии он уточнил свою позицию, подчеркивая, что выборы были неприемлемы для того времени²⁹. Я. Л. Берман также признавал прямое избрание судей ошибкой, которая отражала сохранение известных буржуазно-демократических иллюзий и невозможность предвидения в момент издания декрета «силы ограничения эксплуататорских классов». Закрепленная процедура формирования народных судов, по его мнению, привела к их слабости и к тому, что революционные трибуналы рассматривали все наиболее серьезные уголовные дела³⁰.

Было ли декларирование прямых выборов судей и замена их на время, как следует из Декрета №1, избранием Советами, а фактически исполкомами Советов, уловкой со стороны власти? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ, но нам близка позиция В. Ундревича, не считавшего положение Декрета о прямых демократических выборах судей ни объективной ошибкой, ни «логической нелепостью». Он точно подметил, что «Декрет №1, закрепляя подобную процедуру фактически ... сделал базой их организации с о в е т ы, ф о р м а л ь н о (разрядка В. Ундревича) (*и именно это было временным исторически*) (курсив наш. – А. В.) не отказываясь от принципа демократических выборов...»³¹.

На деле судебный корпус формировался исполкомами Советов. Советам был свойствен митинговый характер, многочасовые заседания, нескончаемые дискуссии и т.п. «Совет безмерно увеличивал толкотню, суету, беспорядок и неразбериху во дворце революции. Это делалось, наконец, невыносимо для членов Исполнительного комитета...»³². Совет заседал почти ежедневно помногу часов, порой превращался в митинг. В условиях сиюминутно менявшейся ситуации принятие решений через Совет было неприемлемо, поэтому фактически с момента создания Советское государство не было государством Советов, оно было государством Исполкомов Советов. Не случайно В. И. Ленин возглавил не ЦИК, а СНК, орган более мобильный, более приспособленный для быстрого принятия управленческих решений особенно в экстраординарных условиях. Кроме того, в Советах в 1917 г. преобладали представители меньшевиков и эсеров – политических противников большевиков, что затрудняло принятие желательных решений через этот орган.

²⁸ См.: Стучка П. И. Пять лет революции права. С. 3.

²⁹ См.: Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР : лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. С. 25–26.

³⁰ См.: Берман Я. Л. Очерки по истории судопроизводства РСФСР. М., 1924. С. 4, 6–8.

³¹ Ундревич В. Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции // Советское государство и право. 1931. № 5/6. С. 68.

³² Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 366.

Закрепление процедуры избрания Советами, а фактически назначения исполкомами, противоречило лозунгу «Вся власть Советам» и расстановке политических сил – большевики, как известно, не поддерживались большинством населения. Эта корректировка, обозначенная большевиками как временная, позволила им укомплектовывать кадры по собственному разумению, а впоследствии, после узурпации власти, стала основным способом формирования судебных органов.

Некоторый опыт проведения выборов судей в ряде губерний в конце 1917 начале 1918 г. показал, что назначенцев из города крестьяне не избирали. Думается, что это для большевиков стало лишним подтверждением нецелесообразности проведения прямых выборов, и порядок, обозначенный в Декрете №1 как временный, стал постоянным. Избрание членов судебных мест исполкомами Советов или Советами позволяло большевикам манипулировать этим процессом без каких-либо осложнений.

Два очередных заседателя, входивших в состав коллегии, приглашались на каждую сессию по особым очередным спискам. Списки должны были составляться теми же Советами, которым предоставили право временно избирать постоянных местных судей (ст. 2 Декрета №1).

На должности местных судей могли избираться мировые судьи царских судов. В провинции такой возможностью некоторые мировые судьи воспользовались, а в обеих столицах их участие в деятельности местных судов было мизерным. Необходимость привлечения представителей царской магистратуры объяснялась отсутствием «писанных технических руководств» по проведению судебных процессов. Означенный пробел должен был восполняться буржуазными «спецами». Заседатели своим равноправным участием в рассмотрении и разрешении дела могли проводить желательную для большевиков политику в соответствии со своим революционным правосознанием – основным источником принятия решения.

По Декрету №1 критерием подсудности местных народных судов по уголовным делам являлась тяжесть наказания, которое они могли назначить – не свыше двух лет лишения свободы (ст. 2), т.е. она примерно соответствовала подсудности упраздненных мировых судов. Что касается остальных категорий дел, то их подсудность, должна была определяться особым декретом (ст. 2).

Отменялся апелляционный пересмотр решений. Для обжалования приговоров о лишении свободы на срок свыше семи дней допускалась кассация в уездный или столичный съезд местных судей (ст. 2). Предусматривалось рассмотрение третейским судом дел частного обвинения (ст. 6)³³. Право помилования и восстановления в правах было предоставлено судебной власти (ст. 7)³⁴.

Если деятельность мировой юстиции Декретом №1 была приостановлена, то все остальные институты уголовной юстиции – окружные суды, судебные палаты, Правительствующий сенат, военные, морские и коммерческие суды судебные следователи, прокурорский надзор, присяжная и частная адвокатуры – им уничтожались (ст. 3).

Такой подход несколько алогичен и сложно найти какие-либо внятные объяснения упразднению всех институтов, за исключением мировой юстиции, деятель-

³³ Здесь можно провести некоторую параллель с современными попытками найти альтернативные способы разрешения конфликтов, в том числе посредством применения медиации.

³⁴ Это положение Декрета не совсем ясно, вероятно, подчеркивался отказ от помилования как атрибута царской власти. Одновременно в такой формулировке видится признание прерогативы органов судебной власти на корректировку постановленных ею решений, вытекающее из принципа разделения властей.

ность которой была приостановлена. То ли законодатель рассматривал мировые суды как наиболее демократическую часть царской юстиции³⁵, то ли, отказавшись от радикальных заявлений в отношении мировых судов, рассчитывал привлечь к сотрудничеству «прежних мировых судей», о чем и было заявлено в Декрете (ст. 2). Заинтересованность в функционировании, хотя бы местных судов, была связана с их достаточно обширной подсудностью, вбиравшей наиболее распространенные гражданско-правовые споры и уголовно-правовые деяния, что было немаловажно для власти.

Взамен искорененных судебных следователей предварительное следствие по Декрету №1 производили единолично местные судьи (ст. 3). Судебный контроль за применением мер процессуального принуждения – личного задержания – и обоснованностью предания суду возлагался на весь состав местного суда, который должен был подтвердить правомерность этих решений (ст. 3). В ролях обвинителей и защитников как на предварительном следствии, так и в суде выступали вместо прокуроров и присяжных и частных поверенных все неопороченные граждане обоего пола, пользовавшиеся гражданскими правами (ст. 3).

В Декрете №1 почти отсутствовали процессуальные нормы. Упоминалось, как отмечено выше, лишь о перспективе издания особых декретов о порядке дальнейшего направления и движения неоконченных дел (ст. 1), о приостановлении всех сроков по делам с 25 октября 1917 г. вплоть до принятия особого декрета и о судопроизводстве по «прочим делам» (ст. 2).

Означенный пробел восполнялся разрешением применять процессуальное законодательство «свергнутых правительств», если оно не было отменено «революцией» и не противоречило «революционной совести и революционному правосознанию» (ст. 5). Отмененными признавались все законы, противоречившие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и рабочего и крестьянского правительства, а также программ-минимум РСДРП и Партии социал-революционеров (примечание к ст. 5 Декрета №1).

Допущение применять законодательство прежних режимов, которое отсутствовало в проекте Декрета №1, наряду с возможностью привлечения к работе в местных судах мировых судей в литературе рассматривалось как уступка противникам коренной ломки судебного аппарата и уничтожения старых законов³⁶.

Как представляется, наличие этих положений – не только следствие переходного характера этого акта, но и тактическое решение, что признавалось большевиками. Приведем на этот счет красноречивое суждение И. В. Сталина: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком ...Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность»³⁷.

³⁵ Это заблуждение. К мировым судьям предъявлялись цензовые требования, хотя некоторые из них были менее жесткими. Например, в силу недостатка юристов с высшим образованием был смягчен образовательный ценз, несколько снижены имущественные требования.

³⁶ См.: Стучка П. Пять лет революции права. С. 2–3. Даже в смягченном в сравнении с проектом варианте Декрет №1 некоторым юристам, «стоявшим на советской платформе», например С. Б. Членову, казался излишне радикальным. Он доказывал невозможность «перерыва в отправлении правосудия» (см.: Пашуканис Е. Первые месяцы существования Московского народного суда // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 15).

³⁷ Цит. по: Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917–1918 гг. С. 27.

Невозможность сиюминутной разработки нормативно-правовых актов, малограмотность значительной части населения, привлекавшей к судебной деятельности, – это, по нашему мнению, основные причины, побудившие отказаться от радикальных положений проекта Декрета №1 и обусловившие привлечение буржуазных специалистов.

Как видно из изложенного, Декретом №1 закреплялась полисистемная модель организации юстиции дооктябрьского периода.

Местный суд представлял симбиоз мирового и временного судов. Их двухинстанционность и подсудность были аналогичны мировым судам царской России, а генезис состава коллегии и ее формирования коренится в институте временных судов Временного правительства. На заимствование большевиками организации дореволюционной юстиции указывает заявление о создании революционных трибуналов (до революции чрезвычайные суды), полковых, т.е. военных судов, а также системы судов, которым будут подсудны дела, не отнесенные к компетенции местных судов (подобие окружных судов и судебных палат).

Институты заседателей, состав судебной коллегии, источник правового регулирования – революционное правосознание и другие были апробированы в межреволюционный период. Некоторые нормы, иногда в своеобразной форме, реализовывали предложения дореволюционных юристов по совершенствованию уголовной юстиции – допущение защиты в досудебное производство (правда, в весьма своеобразной форме), осуществление судебного контроля за применением мер процессуального принуждения³⁸, осуществление предварительного следствия мировым судьей³⁹.

Имелись в Декрете №1 и положения, которые впоследствии стали отличительной чертой советской уголовной юстиции – отказ от апелляционного пересмотра дел, процедура формирования судебского корпуса, предание суду тем же судом, которому подсудно уголовное дело.

Таким образом, Декрет №1 можно охарактеризовать как двойственный (большая часть положений заимствована из предшествовавшего законодательства, хотя были и зачатки новых институтов), краткий и фрагментарный акт (урегулированы только некоторые элементы фактически только одного института – местных судов), который не уничтожал юстицию, хотя в нем об этом говорилось. Он оформлял сложившуюся ситуацию – юстиция не существует как в силу отказа представителей юридического сообщества от сотрудничества, так и двух волн (февраль и октябрь 1917 г.) разгрома судебных мест, а следовательно, ее нужно было воссоздавать.

Социально-политический контекст разработки и принятия Декрета №1 о суде и его содержание позволяют прийти к выводу, что судебная реформа, начало которой было положено этим актом, носила вынужденный и спонтанный характер. На первом этапе, несмотря на заявленную инаковость создававшегося суда, предложенные Декретом №1 конструкции носили явный отпечаток образцов, имевшихся в дооктябрьский период. Одновременно в Декрете №1 закреплялись положения, дальнейшая апробация которых позволила признать их пригодными, иногда в мо-

³⁸ До революции судебный контроль за досудебным производством составителям судебных уставов виделся в отнесении судебных следователей к судебным местам (см.: Верецагина А. В. Обеспечение права обвиняемого на защиту : по дореволюционному законодательству // Государство и право. 2002. № 5. С. 79–80).

³⁹ Наделение мировых судей правом производить предварительное следствие обсуждалось в связи с идеей рассмотрения некоторых дел, подсудных мировым судьям, с участием присяжных заседателей.

дифицированном варианте, для формировавшейся государственности, и которые впоследствии составили специфические черты судеустройства и уголовного судопроизводства советского периода.

*Институт права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса*

Верещагина А. В., кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Institute of Law Vladivostok State University of Economics and Service

Vereshchagina A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Criminal Law Disciplines Department
E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРИБУНАЛЫ КАК ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Статья посвящена вопросу становления советской судебной системы в первые годы советской власти и особенностям отправления классового правосудия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Декрет о суде №1, революционный трибунал, народный суд.

REVOIUTIONARY TRIBUNALS AS ORGANS OF POLITICAL STRUGGLE

This work is devoted to question of formation of the Soviet judicial system in the first years of Soviet power and the administration of justice class.

К е у w o r d s: the decree about court № 1, a revolutionary Tribunal, the people's court.

Поступила в редакцию 14 июля 2017 г.

Революционные трибуналы как механизм защиты новой власти были созданы Декретом о суде № 1, который предписывал сформировать революционные трибуналы «... для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мажордерством, хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями».

В основу организации революционных трибуналов были положены, с одной стороны, принципы форм карательных органов эпохи Великой французской революции, а с другой – классовая непримиримость к политическому противнику.

П. И. Стучка по рассматриваемому вопросу писал: «Мы, создавая революционный трибунал, определенно заявляем, что это не есть суд над политическими противниками, но является особой организацией борьбы против контрреволюционных сил»¹.

Представляется, что в отличие от революционных трибуналов, которые были, по определению Н. В. Крыленко, «орудием расправы», «карающей десницей пролетариата на переднем крае борьбы не только с контрреволюцией, но и уголовной преступностью»², народные суды не составляли системы, а принимаемые ими решения часто зависели от субъективных причин.

По субъектному составу нарушения социалистической законности революционный трибунал был «...органом революционной расправы, политического убийства, как равно убийства врагов народа во время восстаний и революций...»³. В понимании В. И. Ленина трибуналы ассоциировались с «судами, действительно скорыми и действительно революционно беспощадными к контрреволюционерам, взяточникам и дезорганизаторам, нарушителям трудовой дисциплины»⁴. Урок истории, по К. Марксу, заключался в следующем: «Когда

¹ Материалы НКЮ. М., 1918. Вып. 2. С. 11.

² Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. М., 1924. С. 205.

³ Саврасов Л. К вопросу о наказании // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 42. См. также: Его же. Мотив в убийстве // Пролетарская революция и право. 1919. № 2/4. С. 74–75.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 143–144.

© Титков В. И., 2017

успешно совершают революцию, можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебный приговор. Их можно убрать с дороги, как побежденных врагов, но нельзя судить их как преступников... Это трусливое лицемерие законности»⁵.

Вопреки сложившимся негативным мнениям, идея создания трибуналов в тот исторический период разгула преступности была объяснима. Она обосновывалась целями учреждения нового судебного органа для борьбы с контрреволюцией, не связанного в своих действиях никакими юридическими ограничениями.

Следовательно, концептуальной идеей организации ревтрибуналов было формирование «органов политической борьбы».

В соответствии с Декретом о суде № 1 вся территория Советского государства начала покрываться сетью трибуналов. Однако вразрез с требованиями декрета, предусматривавшего учреждение только губернских и городских трибуналов, последние были созданы не только практически во всех уездах, но даже и в ряде волостей и поселков РСФСР. Опережающие темпы организации ревтрибуналов по отношению к народным судам, цели и задачи которых как «органов борьбы» были понятны и ясны революционному авангарду трудящегося класса, несли с собой обусловленную тенденцию рассмотрения ревтрибуналами дел, не относящихся к их подсудности. Если Декрет о суде № 1 относил к ведению трибуналов разрешение дел, связанных с контрреволюционной деятельностью, мародерством, саботажем и спекуляцией, то правоприменительная практика трибуналов далеко выходила за эти рамки, охватывала не только фактически все категории уголовных дел, но в некоторых случаях даже и гражданские иски.

Исторические данные свидетельствуют, что разрешение трибуналами категорий дел, не относящихся к их подсудности, обуславливалось спецификой субъектного состава их членов и исключительной административной направленностью определения меры наказания в зависимости от сословного происхождения, что лишней раз подтверждает классовый характер правосудия. В «Кратком докладе» о деятельности Брянского ревтрибунала говорилось: «Брянскому революционному трибуналу приходилось принимать для рассмотрения дела и неподсудные революционному трибуналу»⁶. «Краткая записка» о деятельности судов революционного времени в Тимском уезде Курской губернии констатировала: «В практике Тимского уездного трибунала проходили и дела уголовные, и гражданские тяжёлые процессы»⁷. Перечень дел, назначенных к слушанию в Архангельском ревтрибунале, показывал, что трибунал разрешал уголовные дела по обвинению в воровстве, присвоении казенных денег, оскорблении, подлогах, присвоении имущества, а также гражданские дела⁸. Подобная практика рассмотрения ревтрибуналами дел, законодательно им не подсудных, встречалась повсеместно.

Исключительный перечень видов наказаний, применяемых ревтрибуналами и их организационный порядок деятельности, был определен в инструкции Наркомюста от 19 декабря 1917 г., утвержденной наркомом юстиции, левым эсером И. З. Штейнбергом. При этом организационные принципы деятельности, отличные от регламента местных судов, учитывали особенность избрания исключитель-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 255–256.

⁶ ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1. Л. 61, 63, 94.

⁷ См.: Материалы НКЮ. 1918. Вып. 5. С. 17.

⁸ Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 25 мая.

но местными Советами; дела рассматривались в составе председателя и шести заседателей, в то время как в обычном местном суде было предусмотрено участие только двух заседателей⁹.

Деятельность революционных трибуналов как судов специальной подсудности полностью соответствовала идеям карательной политики того периода. Анализ изученных архивных материалов показывает многоплановость этой деятельности. Так, слушанием дела о пособничестве контрреволюции 10 декабря 1917 г., начал свою работу Петроградский революционный трибунал. Член центрального комитета партии кадетов, графиня С. В. Панина, товарищ министра просвещения свергнутого Временного правительства, обвинялась в преступном саботаже. Суть дела заключалась в том, что С. В. Панина, «не признавая власти рабочих и крестьян», обвинялась в присвоении денег, принадлежавших министерству, и использовании их на контрреволюционные цели. С. В. Панина не признавала власти большевиков и считала своим долгом сохранить деньги для передачи законной власти, т.е. Учредительному собранию. От «всяких разъяснений» комиссарам и следственной комиссии С. В. Панина отказалась. По итогам слушания дела трибунал «именем революционного народа» признал С. В. Панину виновной и постановил: «Содержать гражданку Панину в заключении до момента возврата ... взятых ею денег ... Но, принимая во внимание просветительное прошлое обвиняемой, ограничиться общественным порицанием»¹⁰. С 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. в том же трибунале проходил первый крупный политический процесс по обвинению в контрреволюционной деятельности руководителей и членов «монархического союза», возглавляемого В. М. Пуришкевичем. Последний готовил вооруженное выступление против советской власти и был настроен весьма решительно и агрессивно. Определяя ближайшие тактические задачи вооруженной борьбы, В. М. Пуришкевич говорил: «Необходимо ... ударить в тыл и уничтожить их (большевиков. – В. Т.) беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начинать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами»¹¹. При этом ревтрибунал, проявив «великодушие к побежденному врагу», приговорил В. М. Пуришкевича к принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно, причем после первого года работы с учетом срока предварительного заключения ему предоставлялась свобода при условии, что он в течение этого срока не проявит никакой контрреволюционной деятельности. К другим, проходившим по делу членам контрреволюционной организации, были применены еще более мягкие меры наказания¹².

В январе 1918 г. Московским революционным трибуналом в открытом заседании слушалось дело по обвинению членов стачечного комитета служащих городской управы в пособничестве контрреволюции путем саботажа, выразившемся в забастовке. Комитет состоял из руководителей городских, преимущественно медицинских учреждений и больниц, организация забастовки которыми негативно отразилась на состоянии городского хозяйства и медицинской сферы. По итогам слушания трибунал признал членов стачечного комитета виновными и постано-

⁹ См.: Народный суд (декреты, постановления, инструкции, циркуляры) : сборник № 6. Тамбов, 1919. С. 23–26.

¹⁰ Советская юстиция. 1937. № 21. С. 48.

¹¹ Красный архив. 1928. Т. 1. С. 183.

¹² Известия ВЦИК. 1918. 4 янв.

вил: «... объявить этих граждан «врагами народа» и лишить их права быть избираемыми на какую-либо общественную или государственную должность»¹³.

Приведенные выше примеры вряд ли характеризовали трибуналы первой волны как «орудия классовой борьбы», «органы чрезвычайной расправы», которые в большинстве соответствовали стандарту судов общей юрисдикции, процедура слушания дел в которых была достаточно демократичной, а приговоры – политически лояльными.

Такая либеральная самодеятельность и «неадекватное» отношение к поверженному врагу не были хорошими манерами в понимании центральной власти, которая серией декретов о трибуналах устранила досадные «недочеты» и внесла существенные коррективы в общую организацию трибунальской системы. Декретом СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах»¹⁴ были сохранены трибуналы, находившиеся в губернских городах и крупных центрах, все иные упразднены. «Положением о революционных трибуналах при ВЦИК» от 29 мая 1918 г.¹⁵ для «суждения по важнейшим делам» был учрежден ревтрибунал при ВЦИК. Характерно, что последний рассматривал уголовные дела только первой инстанции, в некоторой степени дублируя деятельность «обычных» трибуналов с одной существенной разницей: участия народных заседателей в составе трибунала при ВЦИК не предусматривалось, а сторону обвинения представляли исключительно лица, утвержденные ВЦИК.

Апогеем законодательства в отношении ревтрибуналов стало постановление Наркомюста от 16 июля 1918 г.¹⁶, неограниченно расширившее право ревтрибуналов в определении меры наказания. Принятию данного постановления, по мнению историографов, предшествовал распад блока большевиков и левых эсеров в июле 1918 г. немедленно после убийства в Москве германского посла графа Мирбаха и так называемого «восстания левых эсеров» с целью сорвать Брест-Литовский мирный договор и свергнуть советскую власть.

Однако, несмотря на то что в советской историографии вопрос о «мятеже левых эсеров» в Москве в июле 1918 г. считается давно изученным, в фундаментальных трудах зарубежных историков существует иная точка зрения.

Вот что писал, например, один из ведущих советологов в США Адам Улам: «Драма, разыгравшаяся в июле и августе 1918 г. и приведшая к гибели левого крыла когда-то гордой партии, лояльной русскому крестьянству, до сих пор хранит в себе элемент мистики... Все сконцентрировалось вокруг графа Мирбаха, чье убийство якобы было санкционировано Центральным комитетом социалистов-революционеров на заседании 24 июня... Было бы неудивительно, если бы кто-либо из коммунистов-лидеров решил убрать Мирбаха... Безусловно, обстоятельства, связанные с убийством, крайне подозрительны... Приходится подозревать, что, по крайней мере, некоторые из коммунистических сановников знали о решении социалистов-революционеров, но ничего не предпринимали... Возможно, по крайней мере, что кто-то в высших большевистских кругах был осведомлен об эсеровских приготовлениях, но считал, что представляется хорошая возможность избавиться и от них, и от германского дипломата, причиняющего неприятности. Вообще, самые сильные подозрения падают на Дзержинского...»¹⁷.

¹³ Известия Московского Совета. 1918. 14 янв.

¹⁴ СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.

¹⁵ Там же. № 41. Ст. 520.

¹⁶ Там же. № 44. Ст. 533.

¹⁷ Adam B. Ulam. The Bolsheviks. New York, 1968. P. 423–425.

После подавления эсеровского «бунта применение ревтрибуналами высшей меры наказания – расстрела, входило в повседневную практику их деятельности, становилось «одной из мер», обыденным явлением, способствующим «укреплению авторитета трибунала»¹⁸. Э. Карр писал: «После событий лета 1918 г. большевики остались правящей партией в государстве без каких-либо соперников или партнеров, и они обрели в чрезвычайном суде орган абсолютной власти»¹⁹.

С 6 июня 1918 г. восстанавливается смертная казнь, а уже 5 сентября, после покушения на председателя СНК В. И. Ленина, издается постановление СНК «О красном терроре», являющееся по своей сути формой чрезвычайного законодательства, в соответствии с которым ВЧК приобретает практически неограниченные полномочия по борьбе с контрреволюцией²⁰.

Исследование показывает, что постепенно и целенаправленно происходило обособление ревтрибуналов в рамках общей судеустройственной системы, для них были установлены «индивидуальные правила игры», роль судьи в которой принадлежала Советам, а конечный результат был заранее predetermined.

Первый смертный приговор, в связи с обвинением в «сознательной и явной подготовке условий для контрреволюционного переворота»²¹, был вынесен бывшему командующему морскими силами Балтфлота, адмиралу А. М. Щастному. Этот беспрецедентный случай положил начало принципиальной дискуссии, состоявшейся на V съезде Советов в июле 1918 г. между большевиками и левыми эсерами, по вопросу о применении ЧК террора в виде расстрела на месте и использовании смертной казни в судебном порядке.

Большевики были глубоко уверены в том, что самые широкие круги трудовой России с полным одобрением отнесутся к таким мероприятиям²². В дискуссии принял участие и В. И. Ленин: «Нам говорят, что когда в комиссии Ф. Э. Дзержинского расстреливают – это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни, не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых бы не было расстрелов»²³.

Н. В. Крыленко, например, так прокомментировал вынесенный А. М. Щастному приговор: «... адмирала не приговорили к смерти, а просто приказали расстрелять»²⁴. Анализ документов ясно дает понять, что расстрел как метод борьбы был в арсенале обеих партий, детализация которого – «бессудно» или «по суду» уходила на второй план, носила частный отвлеченный характер.

Последующие нормативные акты выводили ревтрибуналы на передние рубежи классовой борьбы с противниками существовавшего строя. 2 сентября 1918 г. ВЦИК принял постановление об объявлении Советской республики «военным лагерем». Постановлением от 5 сентября 1918 г. СНК узаконил «красный террор» в качестве допустимой меры в борьбе с классовыми врагами республики Советов²⁵.

¹⁸ Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России. М., 1990. С. 73.

¹⁹ Карр Э. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. Т. 1. С. 146.

²⁰ См.: История государства и права СССР (сборник документов). Ч. 2 / сост. А. Ф. Гончаров, Ю. П. Титов. М., 1968. С. 116.

²¹ Советская юстиция. 1932. № 33. С. 33.

²² См.: Пятый Всероссийский съезд Советов. М., 1918. С. 49–50.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 503.

²⁴ Цит. по: Карр Э. История Советской России. Кн.1, т. 1–2 : 1917–1923. М., 1990. С. 142.

²⁵ СУ РСФС. 1918. № 65. Ст. 710.

Примечательно, что, сопоставляя исторические тенденции развития трибуналов как исключительных судов по делам о политических преступлениях, Э. Карр писал: «Не только совпадение дат напоминает о терроре в Париже 2 сентября 1793 г. ... в результате которых погибло 3000 аристократов. Для обеих революций эта дата обозначала поворотный момент, после которого террор, до этого нерегулярный и неорганизованный, был сознательно превращен в инструмент политики»²⁶.

Инициативы центра в подавлении контрреволюции путем террора, главным средством которого являлись революционные трибуналы, были не только поддержаны авангардом пролетариата и представителями власти на местах, но и проявлены собственные инициативы по реформированию системы судопроизводства. Так, предложения по упрощению процедуры рассмотрения дел в трибуналах и усилению эффективности их работы дал I Всероссийский съезд ответственных работников ревтрибуналов, состоявшийся в октябре 1918 г. Съезд в принятой резолюции, признавая ревтрибуналы «органами суровой и беспощадной расправы с врагами революции», предлагал «чрезвычайно упростить процессуальный порядок рассмотрения дел» ввиду того, что он «вредно сказывается на деятельности трибуналов как органов борьбы с контрреволюцией». Съезд полагал «крайне необходимым для достижения быстроты и скорости осуществления ревтрибуналами задач по борьбе с врагами революции ..., для усиления революционной репрессии по отношению к ним ..., в самом спешном порядке разработать декрет о трибуналах ...», который обеспечил бы им «строгость репрессии и быстроту судопроизводства», что «благодарно» отразилось бы на деятельности ревтрибуналов как «органов борьбы». Только в этом случае, по мнению съезда, «пролетарский суд» смог бы проявить в «ощутительной для буржуазии мере свои революционные и освободительные стремления ..., поставить на очередь дня организацию массового террора...»²⁷. Озвученные предложения были учтены ВЦИК в «Положении о революционных трибуналах», декретированном 12 апреля 1919 г.²⁸ Положение отменило все ранее изданные нормативные акты о трибуналах и предписало «неуклонно соблюдать» содержащиеся в нем требования. В соответствии с Положением к ведению трибуналов были отнесены «контрреволюционные и всякие иные деяния, идущие против всех завоеваний Октябрьской революции и направленные к ослаблению силы и авторитета советской власти». Состав трибунала формировался исключительно из ответственных политических работников, которым было предоставлено «ничем не ограниченное право определения меры репрессии». Особо значимые преступления были взяты под жесткий контроль. Так, для борьбы со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах в соответствии с декретом СНК от 21 октября 1919 г. был создан «Особый революционный трибунал при ВЧК». Трибуналу-филиалу при ВЧК «революционная совесть» была противопоказана, в своих суждениях он руководствовался «исключительно интересами революции, без ограничения какими-либо формами судопроизводства».

Анализ документов надзорного органа – кассационного трибунала при ВЦИК, образованного в соответствии с утвержденным ВЦИКом положением о ревтри-

²⁶ Карр Э. История Советской России. С. 145.

²⁷ ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4.

²⁸ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

буналах от 12 апреля 1919 г.²⁹ и формировавшегося в составе председателя, двух членов и члена-докладчика в порядке назначения, демонстрирует неправосудность большинства принимаемых трибуналами решений, их явную тенденциозность и направленность на обвинительный уклон. Например, в 1919–1920 гг. кассационным трибуналом при ВЦИК было рассмотрено 1683 кассационных дела, из них по кассационным протестам – 73, в порядке надзора – 48, остальные 1562 – по кассационным жалобам³⁰. Следовательно, на 92 % от общего числа первично рассмотренных трибуналами дел вообще отсутствовала какая-либо реакция со стороны органов обвинения и органов судебного надзора. Аналогичная симптоматика фиксировалась и в практической деятельности трибунала при ВЦИК.

Изучение документов Наркомюста показало, что такая ситуация руководство не настораживала, так как в реалиях был продолжен курс на ужесточение рассматриваемых категорий дел. С 1920 г. «Положением о революционных трибуналах»³¹ последние признавались единственным органом, имевшим право вынесения приговоров. К ведению трибуналов были отнесены «любые деяния, в которых усматривались признаки опасности для РСФСР или порядков, в нем установленных». Состав трибунала в целях «решительного пресечения преступлений и быстроты разбора дел», был кардинально сокращен до трех человек (один из членов трибунала представитель местной ЧК. – В.Т.), а судебная процедура сведена к простой формальности. По данной категории дел упрощались процессуальные правила судопроизводства. Вызов или игнорирование свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты, полностью зависели от усмотрения трибунала³². Трибунал выносил приговоры, руководствуясь «исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции», которые не подлежали обжалованию в апелляционном порядке.

В этих условиях беззакония и неконкретности юридических понятий судебное право не в состоянии было противостоять всемогуществу государственной власти.

Приговоры к расстрелу приводились в исполнение по истечении 72 часов с момента направления в Верховный трибунал ВЦИК телеграфного сообщения, что делало практически бесполезным кассационное обжалование приговора в установленном порядке. Доминирование трибуналов и отнесение на второй план народных судов ясно очерчивало приоритеты, индивидуализировало тенденции развития каждого из органов в общей иерархии судеустройственной системы.

Приведем выборочную статистику и дадим анализ правосудной деятельности трибуналов той поры на примере одного из губернских трибуналов.

В Брянском революционном трибунале в 1920 г. находилось в производстве 633 дела. Рассмотренными по существу на 9 декабря 1920 г. оказались лишь 82 дела следующих категорий: должностные преступления – 27, контрреволюционная деятельность – 16, другие преступления – 38 дел. По ним было осуждено 175 человек, из них: к лишению свободы – 78, высшей мере – 6, условно – 71, к другим наказаниям – 20 человек. Следовательно, удельный вес приговоренных к расстрелу составлял примерно 4 % от общего числа осужденных³³. Изучение показывает, что председатель трибунала «единолично» знакомился с делами, поступавшими из следственных комиссий, также

²⁹ Там же.

³⁰ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 49. Д. 28. Т. 1. С. 1–18.

³¹ СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.

³² Там же. 1919. № 12. Ст. 130.

³³ ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 106. Л. 17.

самостоятельно рассматривал дела, назначенные к слушанию в судебных заседаниях, и принимал решения по ним «исключительно сам». Что касалось членов трибунала, то «вся работа их сводилась только к участию в судебных и распорядительных заседаниях»³⁴. Должным образом были подобраны сотрудники ревтрибунала, индивидуальные отличительные черты которых и характерные тенденции их изменения, скрупулезно фиксировались в «Книге характеристики сотрудников ревтрибунала», записи в которую вносились с периодичностью в полгода. Приведем только некоторые из них: секретарь общей части Анцышкин – «как технический работник под руководством может работать, не имеет собственной инициативы, послушный, к службе пригоден». Секретарь Морозов – «один из старых канцелярских работников трибунала, к своим обязанностям относится добросовестно, делом не интересуется, работает хорошо, дисциплинированный, старательный». Делопроизводитель Хохлов – «малограмотный, но старательный, усидчивый, со временем будет соответствовать своему назначению». Характеристики на следователей, кроме указаний Ф.И.О., по умолчанию не приводились. Звеном стройной, отлаженной трибунальской системы были даже типовые бланки, изготовленные массовым тиражом.

Таким образом формальный росчерк пера на серийном типовом бланке – и жизнь человека отдавалась на откуп ревтрибуналу, по суду, определявшему санкцию в соответствии именно с пролетарским правосознанием на основе, иными словами, «пролетарской интуиции» и убеждениями в своей правоте.

Так, направленный в 1919 г. в Хоперский округ К. Краснушкин в докладе ВЦИК сообщал, что в станице Урюпинской «смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети ... Расстреливали по подозрению в спекуляции, шпионстве. Достаточно было ненормальному в психическом отношении Демкину во время заседания трибунала заявить, что ему подсудимый известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других доказательств, приговаривал человека к расстрелу... Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем, криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывающими свою наготу, издевались и запрещали это делать. Всех расстрелянных слегка закапывали близ мельницы, невдалеке от станицы. ... около мельницы развелась стая собак, растаскивающих руки и ноги казненных по станице»³⁵.

«В процессе борьбы со своими классовыми врагами, – говорилось в руководящих началах по уголовному праву, – пролетариат применяет те или иные меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю. Опыт борьбы ... приучает его к общим мерам, рождает новое право»³⁶.

Гипертрофированная, персонифицированная теория особой роли классового права, превратившая ревтрибуналы в абсолют, требовала аргументированного подхода, разъяснения позиционного приоритета интересов в общей иерархии советских судебных органов.

На III съезде работников юстиции член коллегии Наркомюста Черлюнчакевич убеждал собравшихся в том, что «нет принципиально никакого противоречия, никаких принципиальных различий между народным судом и революционным три-

³⁴ ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 33. Л. 51.

³⁵ Генис В. Л. Рассказывание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 46.

³⁶ СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

буналом. Разница лишь по ... категориям дел, которые подлежат рассмотрению в тех и других органах. Народный суд есть объемлющая массу организация, рассчитанная на массу обывательского характера, но также орган пролетарской диктатуры, признанный карать, и своей карательной практикой является отображением власти советской. Трибуналы призваны рассматривать дела шпионские, политические, главным образом о тех преступлениях, которые выходят за пределы местности той или другой и которые играют роль всероссийскую. Сюда относится и крупная спекуляция. Вот единственное различие. Тот и другой орган политический и на политическую роль народные суды претендуют давно»³⁷. Анализ документов наркомата юстиции обнаруживает, что при формальном тождестве политических задач и деклараций судеустройственной системы самодостаточная деятельность трибунала являлась совершенно непрозрачной для Наркомюста, что побудило Черлунчакевича заявить о том, что органы юстиции «должны быть в курсе политики и практики трибуналов. Не может быть тот или иной расстрел выносим под влиянием случайного настроения председателя. Не может быть то или иное крупнейшее преступление, безусловно, требующее изъятия и уничтожения того или другого лица, наказано без обсуждения с органами юстиции»³⁸. На камень, брошенный в его огород, председатель Верховного революционного трибунала ВЦИК Н. В. Крыленко решительно заявил: «Здесь позвольте встать на практическую точку зрения и всякий академизм отбросить. Здесь следует подойти с точки зрения политического состояния нашей республики, наших сил для того, чтобы разрешить – целесообразно ли в политическом смысле ставить дело так, как ставят его сторонники политического надзора»³⁹.

Следует отметить, что в 1920 г. по приговору реввоен трибунала был расстрелян один из первых организаторов Красной армии, легендарный командир Сводного конного корпуса Б. М. Думенко, боевые подвиги которого неоднократно отмечал В. И. Ленин. Характерно, что решение трибунала было согласовано с мнением Л. Д. Троцкого, имевшего личную неприязнь⁴⁰. К 1920 г. реввоен трибуналами было осуждено 82 264 человека, 5737 из которых были приговорены к расстрелу⁴¹.

А. Эстрин, автор статьи «Единая судебная система и марксистская теория права» (1922 г.), считал в принципе взгляд на трибунал как орган, внесудебный «теоретическим недоразумением, ... окончательно изжившим себя». По его мнению, «ревтрибунал не признавался судом именно потому, что он признавался органом борьбы, в то время как элементарнейшим и совершенно бесспорным для каждого марксиста является положение, что всякий суд есть суд классовый, то есть орудие классовой борьбы в руках того класса, который стоит у власти». Глубокая, хотя и непринципиальная разница между судом и трибуналом, по мнению А. Эстрина, была лишь «в методе подхода к борьбе с преступностью, поскольку условия революционной борьбы не позволяли затягивать процессуальное производство по каждому делу, отсюда – значительное сокращение гарантий для обвиняемых по сравнению с народными судами»⁴². В спорах и дискуссиях, сопровождавшихся пе-

³⁷ Материалы НКЮ. М., 1921. Вып. 11/12. С. 91.

³⁸ Там же. С. 92.

³⁹ Там же. С. 95.

⁴⁰ См.: Викторов В. А. Без грифа секретно. М., 1990. С. 82–83.

⁴¹ См.: Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия в Советской России. М., 1990. С. 127.

⁴² Эстрин А. Единая судебная система и марксистская теория права // ЕСЮ. 1922. № 29/30. С. 5–6.

рипетиями классовой борьбы и гражданской войны, оформилась советская трибунальская система. Без малого два года было потрачено на то, чтобы выстроить отлаженную, сбалансированную и укомплектованную «кадром партийных товарищей»⁴³, централизованную трибунальскую вертикаль.

Н. В. Крыленко писал: «... трибунал состоялся фактически путем назначения. Председатель его избирался губисполкомом, однако на деле он представлялся к назначению Верховным трибуналом и был с момента назначения несменяем». Неограниченно расширив свою компетенцию за счет вторжения в подсудность народных судов, «исключительный суд вырос и окреп, превратившись в стройную, внутренне согласованную систему. Право применения высшей меры, усиленное правом губисполкома не пропускать кассационную жалобу, превратило трибунал в действительно страшное орудие репрессий». По истине имперский образ дает Н. В. Крыленко и возглавляемому им Верховному трибуналу ВЦИК: «Над всеми трибуналами стоял и управлял ими самостоятельно и полновластно Верховный трибунал, объединяющий в лице своего пленума все коллегии. Верховный трибунал осуществлял надзор как кассационный, так и общий. Ему предоставлялось право отмены приговора, вынесенного любым трибуналом. Он ведал личным составом трибунальских работников, их назначением и перемещением. Он имел право толкования законов и направления карательной политики. Он был фактически независим от Наркомюста, поддерживал с ним только личную связь через своего председателя. Военные и военно-железнодорожные трибуналы являлись его органами и были ему подотчетны и подконтрольны ... Наконец, тот же Верховный трибунал осуществлял надзор над внесудебными полномочиями ЧК. Так закончили свою эволюцию трибуналы. Дальше уже им некуда было идти»⁴⁴.

Анализ нормативных и научных источников показывает, что революционные трибуналы осуществляли не только непримиримую борьбу с контрреволюционной деятельностью и политическим инакомыслием. Они формировали и предпосылки успеха в так называемой «компании отчуждения церковного имущества»⁴⁵, проходившей в соответствии с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г.⁴⁶ Что собой представляла эта «компания» наглядно демонстрировало письмо В. И. Ленина к В. М. Молотову для членов бюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., исключительную важность которого подчеркивал гриф «совершенно секретно» и приписка: «ни в коем случае копий не снимать». Письмо было посвящено «происшествию в Шуе», где представителям власти при изъятии церковных ценностей и предметов религиозного культа было оказано силовое противодействие «толпой вооруженных верующих»⁴⁷.

Большевики с беспощадной решительностью, ни перед чем не останавливаясь, проводили изъятие ценностей, в особенности монастырей и церквей, предоставляя судебным и карательным органам карт-бланш в «борьбе против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных князей церкви»⁴⁸.

⁴³ Тарновский А. Личный состав и репрессии ревтрибуналов // ЕСЮ. 1922. № 11. С. 6–7.

⁴⁴ Крыленко Н. В. Судустройство РСФСР. М., 1924. С. 144–145.

⁴⁵ Вестник агитации и пропаганды. М., 1922. С. 4.

⁴⁶ Известия ВЦИК. 1922. 26 февр. № 46.

⁴⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193.

⁴⁸ Там же. С. 194.

Только в 1922 г. карательными органами было «изъято» из жизни несколько тысяч святых отцов, монахинь и послушниц, причем большинство из них казнено во внесудебном порядке.

В дальнейшем необходимо отметить все возрастающую активность революционных трибуналов, к которым в 1922 г. также перешли некоторые из функций упраздненных органов ВЧК. Так, наряду с правом непосредственной расправы во внесудебном порядке, трибуналы стали правопреемниками такой функции ВЧК, как заключение нарушителей трудовой дисциплины, даже при отсутствии достаточных оснований, в лагерь принудительных работ сроком до пяти лет. Именно в связи с этим В. И. Ленин, обращаясь к зампреду ВЧК И. С. Уншлихту в 1922 г., писал: «Гласность ревтрибунала – не всегда, состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т.п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте. СНК сумеет это быстро провести, если Вы не прозевааете, и по телефону можно»⁴⁹. В отношении ревтрибуналов никакой реорганизации больше не требовалось, «очередные задачи» были определены несколькими циркулярами со стандартным предписанием – «усилить меру репрессий»⁵⁰.

Заключительный шаг по централизации судебной системы был сделан 23 июня 1921 г., когда ВЦИК принял декрет «Об объединении всех революционных трибуналов Республики»⁵¹. Согласно данному нормативному акту в целях объединения всех без исключения судов республики и установления надзора за этой деятельностью создавался единый Верховный трибунал при ВЦИК, ставший правопреемником Верховного революционного трибунала при ВЦИК, Реввоентрибунала Республики, Главного революционного военного железнодорожного трибунала.

Декрет сохранял такие процессуальные особенности организации и деятельности военных трибуналов, как: 1) особый порядок формирования личного состава путем назначения на должность Реввоенсоветами; 2) отсутствие кассационного обжалования приговоров; 3) право применения высшей меры наказания.

В декрете предусматривалось также вступление в действие Единого положения о трибуналах. Однако, как показывает практика, его не выработали, поэтому Верховный трибунал при ВЦИК осуществлял руководство трибуналами главным образом путем издания циркуляров, в которых содержались указания и разъяснения по общим вопросам судоустройства и судопроизводства, а также по конкретным уголовным делам.

Вскоре после принятия декрета Реввоентрибунал республики и Верховный трибунал ВЦИК издали «Инструкцию по реорганизации губернских революционных трибуналов», в которой уточнялась структура их организации⁵².

Таким образом, эволюция трибуналов, бывших, с одной стороны, целевым орудием расправы, а с другой – скрепляющей цепью буксировки народных масс в социализм, происходила в прямой непосредственной связи с поступательной, латентной трансформацией диктатуры пролетариата в диктатуру правящей партии. Этот симбиоз был частью «хитроумной тактики», стратегически преследовавшей

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 144.

⁵⁰ См.: Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за период с 1 января по 1 октября 1922 г. М., 1922. С. 28, 34 и др.

⁵¹ СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.

⁵² ГАРФ. Оп.1. Д. 97. Л. 3.

одну цель – защиту и укрепление интересов собственно государственной власти (всевластия), прикрытой фальшивым морализмом.

Советское государство, возникшее в результате победы Октябрьской революции, теоретически являлось государством диктатуры пролетариата. Ленин писал: «Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобщественными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров»⁵³.

Естественно, для руководства обществом пролетариат, доля которого по предварительным оценкам составляла 2–3 % от населения страны, сам нуждался в «практическом руководстве», и на компартию «как на организованный авангард пролетариата легла задача объединения борьбы рабочего класса и руководство его борьбой за победу рабоче-крестьянской Советской власти»⁵⁴. Диктатура пролетариата, в ленинском понимании, представляла собой монолитную государственную систему, консолидацию наличных сил, единолично осуществлявшую диктатуру политического господства в обществе. Но указанным перспективам не суждено было реализоваться, и весной 1918 г. для В. И. Ленина становится совершенно очевидным, что «русский человек – плохой работник»⁵⁵, «в рабочий класс проникла такая деморализация, с которой не миновать серьезно бороться»⁵⁶, а «революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы»⁵⁷. Кроме того, беспощадного подавления требуют «элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные с мелкой буржуазией и проявляющие себя не иначе как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода»⁵⁸.

В. И. Ленин требует самых жестких мер для наведения в стране революционного порядка⁵⁹. Ставка в этой гонке на выживание делается на революционные трибуналы. Работа планировалась к проведению в кратчайшие сроки, и В. И. Ленин 15 апреля 1918 г. в записке в Наркомюст просит членов коллегии юстиции («желательно всех») посетить его, «о дне и часе договоримся», «для ... получения суда более скорого и беспощадного к буржуазии и казнокрадам и пр.»⁶⁰. Последующая серия декретов⁶¹ выдвинула трибуналы на передние рубежи политической борьбы, содержание самого радикального из которых предписывало: «Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюционным саботажем и

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 23.

⁵⁴ Там же. Т. 39. С. 305.

⁵⁵ Там же. Т. 36. С. 190.

⁵⁶ Там же. С. 146.

⁵⁷ Там же. С. 197.

⁵⁸ Там же. С. 195.

⁵⁹ Цит. по: Буков В. А. У истоков тоталитаризма. М., 1992. С. 150.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 58–59.

⁶¹ О революционных военных трибуналах : положение от 4 февраля 1919 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. №13. Ст. 131 ; О революционных военных железнодорожных трибуналах : положение от 18 марта 1920 г. // Там же. 1920. № 21. Ст.112. Правовой статус территориальных революционных трибуналов был определен Положением, изданным в развитие и дополнение в апреле 1919 г. и заменившим ранее существовавшие нормативные акты о них (см.: О революционных трибуналах : положение от 12 апреля 1919 г. // Там же. 1919. № 13. Ст. 132). Основные принципы этого закона были развиты в новом Положении о революционных трибуналах, принятом в 1920 г.

пр. не связаны никакими ограничениями, за исключением случаев, когда в законе определена мера в выражениях: «не ниже» такого-то наказания»⁶².

Между тем произвольные стремления инакомыслия и отклонения от курса, указанного господствующей партией, жестко пресекались ревтрибуналами, тесно взаимодействовавшими с органами ВЧК. Показательными в этом плане являются воспоминания некоторых из юристов того периода, касавшиеся теневой стороны деятельности классового правосудия. «Юристы, ушедшие целиком в работу по делам революционного трибунала и понемногу начинавшие верить действительной государственности большевиков, сразу стали перед фактом существования самого дикого, самого бесконтрольного и самого беспощадного аппарата по истреблению людей, по степени их виновности заслуживающих строгого выговора, но которых Чека, по ей одной известным соображениям, подвергала расстрелу»; в итоге юристы «стали лицом к лицу с таким положением: либо самим очутиться в «подвале», либо по-прежнему работать в трибуналах и делать вид, что все в порядке и расстреливают только самых опасных врагов советской власти и то после накопления достаточного материала, устанавливающего полную виновность осуждаемого на расстрел»⁶³.

Трибуналы стали логическим продолжением революционных идей внесудебной расправы в направлении достижения тактических и стратегических задач построения коммунистического общества, согласованных с единым концептуальным направлением государственного развития.

⁶² СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 533.

⁶³ Арбатов З. Ю. Екатеринбург 1917–1922 // Литература русского зарубежья. М., 1990. Т. 1, кн. 2. С. 104–109.

Московский инновационный университет
Титков В. И., кандидат юридических наук, доцент

Moscow Innovation University
Titkov V. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: titkov@list.ru

О «ГАРМОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА» И ПРЕОДОЛЕНИИ «КОНВЕНЦИОННО-КОНСТИТУЦИОННЫХ КОЛЛИЗИЙ» СРЕДСТВАМИ РИТОРИКИ

Делается попытка научной юрико-лингвистической экспертизы постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. Содержится комплексная оценка тех базовых аргументов, которые приведены судьями Конституционного Суда России в обоснование своих выводов. По мнению авторов статьи, в этой аргументации выражается стилистика, пафос новой правовой политики. Они полагают, что при неизменности правовой идеологии более значимы языковые средства ее выражения, а значит, и метод правового регулирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постановление Конституционного Суда России от 14.07.2015 № 21-П, правовая политика, аргументация, юридическая лингвистика.

ABOUT THE «HARMONIZATION OF RUSSIAN LAW» AND THE OVERCOMING «THE CONVENTION-CONSTITUTIONAL CONFLICTS» BY RHETORIC MEANS

This article attempts to research the legal-linguistic examination of the Constitutional Court of the Russian Federation from 7/14/2015 number 21-P. It contains a comprehensive assessment of the basic arguments that are given by the judges of the Constitutional Court of Russia to support its conclusions. According to the authors, this argument is expressed in the style, the pathos of the new legal policy. They believe that more important linguistic means of expression, and therefore legal regulation method when legal ideology immutability.

К е у w o r d s: decision of the Constitutional Court of Russia from 07.14.2015 number 21-P, legal policy, argumentation, legal linguistics.

Поступила в редакцию 14 июля 2017 г.

Мы не рабы слов, потому что мы хозяева текста.

Харальд Вайнрих. Лингвистика лжи

– Да это же просто чепуха! – крикнула Алиса (она к этому времени настолько выросла, что не побоялась перебить самого Короля). – Я отдам наперсток тому, кто объяснит, про что тут говорится! Тут нет ни на вот столечко смысла!

Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес

– Не вижу в этом большого смысла, – сказал Кролик.

– Нет, – сказал Пух скромно, – его тут нет. Но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Очевидно, с ним что-то случилось по дороге.

Алан Александр Милн. Винни-Пух и Все-Все-Все

2015 год, возможно, стал переломным в государственно-правовом строительстве России: произошло событие, которое по масштабу и значимости последствий вполне сопоставимо и с решением о воссоединении с Крымом и Севастополем,

и с военной операцией в Сирии. Мы имеем в виду принятие Конституционным Судом РФ постановления от 14 июля 2015 г. № 21-П¹ (далее – КС, Постановление).

Основной тон всему Постановлению задан в п. 3: «...постановление Европейского суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств».

В настоящей статье отражена попытка комплексной (правовой, лингвистической и логической) оценки тех базовых аргументов, которые приведены в обоснование приведенного тезиса. На наш взгляд, они выражают не столько идеологию, сколько стилистику², риторiku новой правовой политики выразителем которой стал КС.

Очевидно, принятие Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ³ – только первый шаг в реализации новой правовой политики на ближайшую, а может, и долгосрочную перспективу. Неизбежен пересмотр некоторых доктринальных положений, сформировавшихся в 1990-е гг., например об иерархии источников права. Подлежат ревизии положения о значении международно-правовых стандартов в российской правовой системе. Даже отмена части ст. 15 Конституции РФ в части положения о приоритете международно-правовых норм над национальными теперь реально. И это при том, что система ценностей как таковых официально сомнению не подвергается: «...в непростое время глобальных изменений Россия не может и не имеет права полностью выйти из европейского правового поля»⁴. Далее пойдет речь о риторике права, системе речевых средств, в которых выражается новая правовая идеология.

Аргумент № 1. *Согласно ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Тем самым защита прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции, осуществляется Европейским судом по правам человека на основе*

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Для нас важнее даже, пожалуй, стилистика. Каждая эпоха имеет свой стиль. Стилистика власти воплощена в языке закона. По особенностям стиля юридического дискурса мы диагностируем волю к власти современной элиты.

³ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конституц. закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

⁴ Зорькин В. Предел уступчивости // Рос. газета. 2010. 29 окт.

принципа субсидиарности, из которого, как неоднократно отмечал и сам Европейский суд по правам человека, вытекает обязанность государств, ратифицировавших Конвенцию, гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем правопорядке и по отношению к органам национальной судебной системы (постановления от 29 марта 2006 г. по делу «Мостаччуоло (Mostacciuolo) против Италии (№ 2)» и от 2 ноября 2010 г. по делу «Сахновский против России»).

Первое предложение является логической предпосылкой, истинность которой сомнению не подвергается. Та же идея выражена в главной части следующего сложноподчиненного предложения с помощью термина «принцип субсидиарности». Несмотря на безусловную выверенность посылки, вывод, который следует из нее, представляется небезупречным.

Сославшись на позицию самого Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), КС утверждает, что указанная в приведенном отрывке обязанность государств – участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) следует («вытекает») из принципа субсидиарности. Между тем принятие Конвенции Высокими Договаривающимися Сторонами и учреждение ЕСПЧ как международного судебного института означают скорее обратное: присоединившиеся к Конвенции государства оценили уже сложившиеся внутренние механизмы правовой защиты и собственным волеизъявлением признали юрисдикцию вновь принятой Конвенции и допустили возможность дополнительного судебного контроля со стороны специально созданного ЕСПЧ.

Наше сомнение в смешении причины и следствия подкрепляется при обращении к русскоязычному тексту постановления ЕСПЧ от 2 ноября 2010 г. по делу «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 21272/03), на которое, кстати, ссылается КС в подтверждение своего тезиса: «Государствам должна быть предоставлена возможность исправить допущенные нарушения до рассмотрения жалобы Европейским судом; однако «принцип субсидиарности не означает отказа от контроля результатов, полученных за счет использования внутренних средств правовой защиты» (см. постановление Большой Палаты от 29 марта 2006 г. по делу «Джузеппе Мостаччуоло против Италии» (Giuseppe Mostacciuolo v. Italy) (№ 2), жалоба № 65102/01, § 81)» (п. 76).

В этом же пункте постановления ЕСПЧ приведена мысль, которая, по меньшей мере, не соотносится с выдержкой из п. 3 Постановления: «Кроме того, принцип субсидиарности не может толковаться как позволяющий государствам избегать юрисдикции Европейского суда».

Последнее замечание к Аргументу № 1 – лингвистического характера. Чтобы установить смысл сложной конструкции, ее обычно раскладывают на более мелкие в синтаксическом и семантическом отношении единицы (простые предложения, словосочетания), значение каждой из которых устанавливается отдельно. Следуя этому методу, мы упростили текст до такого сочетания: *обязанность гарантировать защиту прав по отношению к органам национальной судебной системы*.

Под «органами национальной судебной системы», очевидно, подразумеваются суды. Во всяком случае этот вывод вполне соотносится как с главой 7 Конституции РФ («Судебная власть»), так и с нормами Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»: иных органов, которые осуществляли бы правосудие от имени государства, просто нет.

Если это так, то непонятно, с какой целью в Постановлении – непереводном русскоязычном документе – используется столь замысловатая перифраза слова «суды». Наконец, совсем не ясно, что означает *защита прав* [граждан] *по отношению к национальным судам*. Предположения тут могут быть самые необычные и разнообразные, например: *защита (= самозащита) граждан в судах* [суд – место получения защиты], *защита граждан [которую они получают] от судов* [суд – субъект защиты], *защита граждан от судов* [суд – субъект, нарушающий права]. Однако все эти и другие возможные догадки едва ли помогут решить основную задачу и выяснить, какую же мысль заложил КС в предлог «по отношению».

Сочетание *по отношению к органам национальной судебной системы* выполняет в предложении синтаксическую функцию однородного обстоятельства:

гарантировать защиту → (где?/как?) → (i) *в порядке* и (ii) *по отношению*,

и – в силу связи по однородности и использования соединительного союза «и» – должно дополнять и (или) развивать смысл первого однородного обстоятельства (*в... порядке*), однако этого не происходит, в связи с чем мы заключаем, что использование однородных членов здесь неправомерно.

Как видим, грамматика всего предложения также не проливает света на смысл сочетания *гарантировать защиту прав по отношению к органам национальной судебной системы*, поэтому в условиях, когда исчерпаны все варианты толкования семантики, продиктованные языковой формой, правильнее всего предположить, что в этом сочетании нет никакого смысла.

По нашим многолетним наблюдениям, российский читатель, тем более если перед нами ортодоксальный законник, скорее согласится вырвать и бросить от себя око, чем поддаться соблазну и подумать, что в акте КС – этих светских скрижалях, составленных на вершине юридического Синая, – нет смысла. Читателю намного проще и спокойнее думать, что это он не дотягивает до текста...

Однако пассажи, когда смысл, по меткому выражению Винни-Пуха, собирался быть, но с ним что-то случилось по дороге, далеко не единичны (в том числе в научных и официально-деловых текстах), и они подробно рассмотрены в специальной литературе. Языковые единицы «пустой семантики» образно названы профессором Б. Ю. Норманом *идеологическими фантомами и словами-призраками*⁵. Употребление таких слов и сочетаний приводит к внутреннему алогизму высказывания и к аномальности лексической и грамматической семантики. Подобные примеры традиционно фиксировались в политически маркированных текстах, однако многочисленные случаи десемантизации демонстрируют и тексты юридические, в том числе судебные⁶.

К слову, в следующем (после приведенного в качестве Аргумента № 1) абзаце Постановления предпосылка и следствие находятся, так сказать, на своих местах: *«...такая, – по существу, дополнительная к национальному механизму судебной защиты прав человека – роль Европейского суда по правам человека в Российской Федерации предопределяется необходимостью осуществления судебной защиты в первую очередь всеми судами Российской Федерации...»*.

⁵ См.: Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура : материалы III Междунар. конф. Киев, 1994. Ч. 1. С. 53, 56.

⁶ Подробнее см.: Босов А. Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX — начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. С. 177–179.

Объяснить причину столь резкой смены векторов на таком узком участке текста можно лишь одним: в действительности автора (авторов) текста не интересует, *A* следует из *B* или *B* – из *A*. Ни первая, ни вторая импликация не служит прямым аргументом в пользу главной темы Постановления. Перед нами лишь «фоновые» высказывания, они обильны, сложны по форме (лексически и грамматически), содержат ссылки на источники информации (постановления ЕСПЧ), их практически невозможно оценить по шкале «истина – ложь», поэтому они эмоционально нейтральны (не вызывают явного отторжения у адресата) и идеально подходят для того, чтобы создать иллюзию научности, аргументированности текста.

Прототипической фразой для всех подобных высказываний можно считать слова Наимудрейшего из фильма-сказки «Волшебная лампа Аладдина»: *«Поистине, сон – не есть не сон, а не сон – не есть сон. Итак, не про сон сказать, что это сон, – все равно что про сон сказать, что это не сон. Говоря коротко, про не сон – сон и сон – про не сон»*.

Аргумент № 2 заключен в п. 2.2 Постановления. Вначале КС провозглашает: **(а)** *«Поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, постольку государство обязано исполнять вынесенное на основании положений Конвенции постановление Европейского суда по правам человека по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного предмета спора»*.

Такая позиция вполне соотносится с положениями Конституции РФ (ч. 4 ст. 15; далее – Конституция), Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (преамбулой и ст. 5) и с постановлением Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Все эти акты исходят из приоритета правил международного договора над нормами национального законодательства. До принятия Постановления данный принцип считался незыблемым в теории права.

Однако уже в следующем абзаце Постановления появляется любопытная оговорка: **(b)** *«Вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации»*.

Два слова о том, почему мы употребили слово «оговорка». На первый взгляд – в (b) нет никакого отступления от (a).

В (b) использованы все те же языковые средства: выражению простой мысли служит слишком сложный синтаксис, кроме того, употребляются дискурсивные слова (ДС), о функционировании которых следует сказать подробно, потому что именно они и являются материальными носителями основной интриги текста Постановления⁷.

Лексическое значение ДС почти невозможно установить со словарной точностью, но при этом они привносят бездну смысловых обертонов, безошибочно сообщая адресанту те чувства адресата, которые не принято вербализовывать ни в рамках официально-делового стиля, ни в судебном письменном дискурсе:

вместе с тем – сомнение в правильности ранее сформулированной мысли присутствует уже в начале оформления новой;

может (повлечь или допустить и нарушить) – предположение о возможности события, наступление и наступление которого в равной степени неважно для автора;

тем самым – придание указанному воображаемому событию статуса логического следствия;

потому – установление причинно-следственной связи (об этом скажем ниже);

только (при условии), именно (Конституции) – выделение единственной истинной посылки.

Перечисленные ДС вкупе с точными ссылками на незыблемый авторитет – Конституцию (тот же риторический прием, что и в Аргументе № 1) дают понять читателю, что ЕСПЧ покусился ни много ни мало на национальный суверенитет России, иные основы конституционного строя и на саму Конституцию. Умозрительная возможность такой угрозы (*может повлечь – допустить – нарушить*) позволяет не только обосновать произвольный (и вполне реальный) отказ от исполнения принятых по международному договору обязательств, но и установить новеллу в национальном праве о приоритете Конституции над всеми иными актами, включая международные.

Так, в (b) КС делает резкий шаг назад, разрушая в равной степени и систему ценностей студента-первокурсника, готовящегося к сдаче ненавистой ТГП, и устоявшуюся картину мира зрелого юриста.

Правда, в последнем абзаце п. 2.2 Постановления КС вновь возвращает надежду: «...Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственным возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации».

⁷ Хотя изучение русских ДС является сравнительно молодым лингвистическим направлением, можно сказать, что в настоящее время оно находится в авангарде науки, его, в частности, активно развивают чл.-корр. РАН В. А. Плунгян, проф. И. А. Мельчук, проф. И. М. Кобозева. Крайне интересные наблюдения в этой области опубликованы с.н.с. Института русского языка К. Л. Киселевой и проф. Дени Пайаром. По выражению В. А. Плунгяна, дискурсивные слова — это «маленькие, непонятные, очень трудно переводимые словечки», которые «отражают то, как говорящий работает над текстом, что он думает: трудно ему или легко, как он воспринимает адресата, много или мало, по его мнению, знает адресат, раздражает он говорящего или, наоборот, нравится ему» [URL: <http://postnauka.ru/faq/8572> (дата обращения: 15.01.2016)]. Крайне любопытно для нашего исследования то, что дискурсивными словами изобилуют и тексты научного и официально-делового стилей, которые, казалось бы, по своей сути должны быть лишены экспрессивности, суггестивности и всего того, что привносят в текст эти «маленькие, непонятные словечки».

В языковом плане эта мысль выражена просто, вполне доступно и не требует специального лингвистического комментария, однако возникает правовой вопрос: как и кем будут определяться «порядок исключения» и «единственность возможности». КС дает ответ и на этот вопрос: кем – самим КС, как – посредством оценки толкования Конвенции, которое дано в постановлении ЕСПЧ. Далее – о мотивировке КС.

Аргумент № 3. Сославшись на ст. 26 и п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., КС в п. 3 Постановления вменил в обязанность ЕСПЧ принцип толкования международных договоров на началах добросовестности и соответствия обычному значению (*ordinary meaning*) терминов, поэтому если ЕСПЧ, *«толкуя... какое-либо положение Конвенции... придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказать от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции. Соответственно, постановление Европейского суда... не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции... на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*ius cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств».*

Добросовестность – это базовая правовая категория, отраженная как на международном (п. 2 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций, преамбула к Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций), так и на национальном уровне. Более того, если поименованные международные правовые акты считают добросовестность непеременимым *условием* нормального взаимодействия партнеров (которое может соблюдаться, а может и нарушаться), российское законодательство и российский правоприменитель исходят из *презумпции* добросовестности контрагентов (п. 5 ст. 10 ГК РФ, абзац 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Получается, что добросовестность поведения участников гражданских правоотношений презюмируется российским правом и ставится под сомнение национальным судом (КС) в отношении международного судебного органа (ЕСПЧ).

Далее с помощью новой партии дискурсивных лексических единиц (*при этом, однако, одного лишь, особенно при, в частности, прежде всего, в том числе*) КС объясняет, почему сомнение в добросовестности ЕСПЧ оформилось лишь спустя 17 лет после ратификации Россией Конвенции: *«...Не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации... соответствовал Конституции Российской Федерации, впоследствии посредством одного лишь толкования... был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции».*

Первое сомнение, которое приходит в голову в связи с этим допущением: кажется, в последние 17 лет ни Конвенция, ни Конституция не поменялись настолько, чтобы вступить в противоречие друг с другом.

Но особого внимания здесь заслуживает политкорректный эвфемизм, который «содержательно конкретизирован» и, наряду с содержащейся во вставной конструкции оговоркой о «достаточно высокой степени абстрактности» норм Конвенции, призван снять с оппонента (ЕСПЧ) любое подозрение в умышленном искажении смысла Конвенции и, как следствие, в намеренном покушении на конституционные принципы суверенного государства. В этом великодушии к оппоненту отчетливо слышен отголосок софистического искусства воздавать похвалу или учиться оправданию, которым славились софисты. Эвфемизм *содержательная конкретизация* оказывается настолько очевидным и, образно говоря, елейным, что через его посредство Страсбургский суд получает оправдание в том, чего скорее всего и не помыслил. Перед читающим же – чересчур настойчиво, монотонно и ненатурально – конструируется иллюзия полного следования в полемике с ЕСПЧ тому, что в лингвистической прагматике называется принципом кооперации: не конфликт и поляризация взглядов, но контакт и вдумчивое сотрудничество⁸.

Допустим все-таки, что «содержательная конкретизация» при толковании Конвенции неизбежна как имманентное свойство ее текста – вместилища норм «достаточно высокой степени абстрактности». В таком случае необходим способ проверки постановления ЕСПЧ на наличие условий, которые позволят не применять эти акты (*«если в результате толкования конкретного положения Конвенции... смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права»*).

Механизм такой проверки предлагается в резолютивной части Постановления: при возникновении сомнения в возможности реализации постановления ЕСПЧ на территории Российской Федерации суды и государственные органы, на которые возложена обязанность обеспечить выполнение Россией международных договоров, вправе обратиться с таким сомнением в КС.

Практика преодоления конвенционально-конституционных коллизий в пользу Конституции, по мысли КС, является экстраординарной мерой и не считается отказом от принятых международно-правовых обязательств:

– *«Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственным возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации»* (последний абзац п. 2 Постановления);

– *«речь в таких случаях идет не о действительности или недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности соблюдения обязательства о применении его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела»* (предпоследний абзац п. 3 Постановления);

– КС *«лишь в редчайших случаях считает возможным использовать «право на возражение», причем «не ради самоизоляции от его (т.е. ЕСПЧ. – Авт.) решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами – участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним»* (абзац 4 п. 6 Постановления).

⁸ Не случайно термин «партнер» вошел в тезаурус современного политического дискурса.

Показательно также, что в п. 4 Постановления (после примеров конвенционно-конституционных коллизий в других европейских государствах) КС называет такие ситуации «*коллизией толкования*» и «*конфликтом толкований*». Подобная квалификация рассматриваемых противоречий – еще одно свидетельство в пользу того, что «право на возражение», которым, как указал КС, пользуются его «коллеги из Австрии, Великобритании, Германии и Италии», возникло не из Конвенции и не из актов о ее ратификации.

Думается, едва ли кто-то всерьез считает, что предоставление отпуска по уходу за ребенком военнослужащему-контрактнику и отцу-одиночке Константину Маркину, оставшемуся с тремя детьми на руках, угрожало государственному суверенитету России или допускало какие-либо иные посягательства на основы ее конституционного строя⁹. Споры, которые ведутся вокруг этого дела, уже давно носят не юридический, а идеологический характер; мы предпочли бы остаться на стороне права.

В начале рассуждения мы посетовали на то, что юридическая общественность, по сути, не отреагировала на Постановление. Между тем, приглядевшись к этому судебному акту, понимаешь, что никакой научной полемики и не могло быть: и поспорили бы, да не с чем.

Экивоки, почти не замаскированные эвфемизмы, многословные и не всегда грамматически выверенные пассажи на тему непреложности конституционных принципов, – весь этот риторический арсенал кочует из одного постановления КС в другое и уже давно перестал выполнять вверенную ему суггестивную функцию. Главная задача читающего постановление КС – добраться до конца и уяснить, соответствует Конституции оспоренная норма или нет. Стремясь к этой цели, опытный читатель кусками выбрасывает по возможности все вербальное украшательство, не воздавая должное ни лексическому богатству, демонстрируемому нередко с привлечением латыни и живых европейских языков, ни синтаксической сложности, ни изяществу аргументации.

Но даже если читатель, чтобы не запутаться в плетении словес, решит сразу перейти к резолютивной части Постановления, то будет немало удивлен, потому что она – вопреки элементарной процессуально-правовой логике – являет собой прямое продолжение мотивировочной части («...признать взаимосвязанные положения... не противоречащими Конституции... поскольку...»). Вновь ощущается какая-то неуверенность КС.

Более всего огорчает эта непонятная робость, которая проявляется в деле защиты государственного суверенитета. Если КС установил, что исполнение международных обязательств в связи с ратификацией Конвенции стало походить для России – стараниями ЕСПЧ – на кабальную сделку, которая угрожает основам конституционного строя, то почему бы не действовать решительно и не использовать более жесткие и лаконичные формулировки? Все Высокие Договаривающиеся Стороны, коль скоро Страсбургский суд покусился на конституции как минимум еще четырех стран-участников, должны быть также заинтересованы в разработке единого правового механизма, который был бы способен разрешать конвенционно-конституционные коллизии (возможно, такой механизм следует наладить на базе Большой Палаты ЕСПЧ).

⁹ Постановление ЕСПЧ от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) приводится самим КС в качестве одного из примеров «конфликта толкований» (п. 4 Постановления).

Безусловно, КС прав в одном: со временем подходы к одному и тому же могут меняться. Так, в постановлении от 14 января 1992 г. № 1-П Конституционный Суд РСФСР на четырех страницах убедительно, просто и смело доказал, что Указ Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» не соответствует Конституции РСФСР «с точки зрения установленного в Российской Федерации разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, а также закрепленного Конституцией РСФСР разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления РСФСР».

Итак, риторика права содержательна и идеологична¹⁰. Разница в пафосе и логосе прежнего КС и современного КС разительна. Она носит знаковый характер: сигнализирует о пересмотре приоритетов в правовой политике. Риторика призвана убеждать общество в справедливости правовой политики, она легитимизирует правовую политику. Меняются средства риторического убеждения, а значит, меняется правовая политика, идеология. Х. Перельман по этому поводу писал, что посредством риторики законодатель убеждает в «правости» закона общество. Когда законодательная власть исходит из того, что справедливость законов, которые она дает, не является самоочевидной и не желает основывать их авторитет единственно на силе, тогда она прибегает к риторической аргументации. При этом роль риторики возрастает с каждым противоречием, при котором взаимообмен и взаимодействие мыслей помогают достигнуть разумного решения¹¹.

¹⁰ Подробнее см.: Александров А. С., Баранов В. М. Риторика и право // Юрислингвистика-3 : проблемы юрислингвистической экспертизы : межвузовский сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2002. С. 113–123 ; Александров А. С., Баранов В. М. Философские основы соотношения языка права и текста закона // Философия права. 2002. № 1(5). С. 5–14.

¹¹ См.: *Perelman Ch. Justice, Law and Argument /Essays on Moral and Legal Reasoning*. Dordrecht ; Boston ; London, 1978. P. 120.

Нижегородская академия МВД России

Александров А. С., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
E-mail: anrc@rambler.ru

*Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского*

Босов А. Е., кандидат филологических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы
E-mail: abossov@mail.ru

Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Alexander A. S., Doctor of Legal Sciences, Professor
of the Criminal Process Department
E-mail: anrc@rambler.ru

Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii

Bosov A. E., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Forensic Law Department
E-mail: abossov@mail.ru

СУБЪЕКТЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматривается проблема определения круга лиц, являющихся субъектами злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве, анализируется их классификация, предлагается легальное закрепление понятия «злоупотребление правом» в УПК, а также четкое закрепление прав и обязанностей субъектов уголовного процесса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, субъекты уголовного судопроизводства.

SUBJECTS OF ABUSE OF RIGHTS IN CRIMINAL PROCESS

The article considers the problem of determining the number of persons who are subjects of abuse of rights in criminal process, analyzed their classification proposed legal consolidation of the concept of «abuse of rights» in the Code of Criminal Procedure, as well as a clear consolidation of the rights and duties of subjects of Criminal Process.

К е у в о р s: abuse of rights, Criminal justice, Subjects of the Criminal process.

Поступила в редакцию 4 июля 2017 г.

Злоупотребление процессуальными правами в уголовном судопроизводстве есть умышленное поведение (действие/бездействие) участника уголовного судопроизводства, которое не выходит за рамки его процессуального статуса, но не соответствует целям и задачам уголовного судопроизводства, в результате чего им умышленно причиняется вред или иные негативные последствия охраняемым правам и законным интересам других участников, а также создаются препятствия для решения задач правосудия.

УПК РФ во втором разделе «Участники уголовного судопроизводства»¹ закрепляет круг лиц, вступающих в уголовно-процессуальные правоотношения в связи с событием преступления, права и обязанности которых регламентированы действующим законодательством. В связи с тем что в УПК РФ отсутствует легальное определение понятия «злоупотребление правом», существует неопределенность в отношении круга лиц, которые могут злоупотреблять своими правами.

Классифицируя субъектов злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве, можно предложить деление участников уголовного процесса на профессиональных и непрофессиональных. На наш взгляд, злоупотреблять правами могут как профессиональные, так и непрофессиональные участники уголовного судопроизводства.

Анализируя позицию, согласно которой злоупотребление правом есть правонарушение или преступление, необходимо сказать о том, что злоупотребление правом профессиональными участниками уголовного судопроизводства – это почти всегда умышленное поведение, выражаемое в умышленном действии/бездействии. Но при злоупотреблении правом непрофессиональными участниками

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 22.10.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

уголовного судопроизводства говорить, что данная деятельность образует состав правонарушения или преступления, нельзя. На наш взгляд, не может быть признано злоупотреблением правом постановка лицом, допрашиваемым на очной ставке, второму допрашиваемому наводящих вопросов по незнанию того, что действующий уголовно-процессуальный закон запрещает постановку подобных вопросов при допросе в соответствии со ст. 189 УПК РФ и т.п.

Данное нарушение закона не является умышленным, оно совершается непрофессиональным участником уголовного судопроизводства по ошибке. При нарушении тех же норм лицом, профессионально участвующим в досудебном производстве по уголовному делу, всегда влечет за собой применение процессуальных санкций (признание доказательств, сформированного в результате следственного действия, проведенного с нарушением процессуального порядка его производства, недопустимым).

В связи с этим в каждом конкретном случае сложно разграничить допустимую тактическую деятельность конфликтующих в уголовном судопроизводстве лиц от фактов действительного злоупотребления ими предоставленными правами и, напротив, избежать ошибочной оценки фактов злоупотребления правом как допустимого процессуального и тактического поведения тех или иных участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на наличие указанного выше деления участников уголовного процесса на профессиональных и непрофессиональных, считаем основной классификацию субъектов злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве на участников со стороны защиты, со стороны обвинения, а также на злоупотребление правом лицами без собственного интереса.

Рассматривая злоупотребление правом участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, к которым в соответствии с главой 6 УПК РФ относятся прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, выполняющие функцию обвинения и осуществляющие уголовное преследование, нельзя не сказать о проблеме разграничения злоупотребления правом профессиональными участниками со стороны обвинения от должностных преступлений.

Сложность возникает при необходимости отграничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения по таким признакам объективной стороны, как «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы» (ст. 285 УК РФ) и «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий» (ст. 286 УК РФ), поскольку, «если предоставленная должностному лицу возможность действовать либо бездействовать может быть им реализована только в соответствии с законом, то незаконно использовать полномочия нельзя в принципе»². Полномочия как правовая категория представляют собой «право (и одновременно обязанность) соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом, иным правовым актом»³. Любое нарушение должностным лицом нормативно-правового акта противоправно по своей сути и

² Яни П. С. Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12. С. 12.

³ Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 654.

должно быть наказано; но для того чтобы защитить права, свободы и интересы конкретного человека, пострадавшего от действий представителя власти, в демократическом правовом государстве необходимо учитывать возможность злоупотреблений властью и возложение ответственности за эти деяния.

Осознавая тонкую грань, которая отделяет допустимое поведение от злоупотребления правом, законодатель ограничил его возможности при принятии таких решений определенными правовыми условиями, иными словами, ввел некие правовые пределы для усмотрения. «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления» (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Следовательно, для выполнения этой задачи, одно из перечисленных здесь лиц должно убедиться в наличии оснований полагать, что деяние содержит признаки преступления. Поэтому нельзя не согласиться с С. А. Шейфером, который указывает, что «было бы весьма полезным, если в нормах о каждом следственном действии было бы четко обозначено основание его проведения, учитывающее его цель»⁴.

Анализ действующего уголовно-процессуального закона позволяет выделить ряд норм, гипотезы которых направлены на отграничение допустимого усмотрения от злоупотребления правом при принятии прогностических, тактических решений в рамках досудебного производства по уголовному делу. Их, на наш взгляд, можно объединить в следующие группы, между которыми, по справедливому выражению П. Г. Марфицина, «имеет место различие не только в характере данных, но и в их достаточности»⁵.

К первой группе следует отнести нормы, предполагающие, что для принятия соответствующего прогностического решения субъекту уголовного преследования необходимо наличие «просто» основания. Так, ст. 148 УПК РФ закрепляет, что при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Ко второй группе законодательно предписанных ограничений для усмотрения, а следовательно, для предупреждения злоупотребления правом при его реализации, относятся те нормы уголовно-процессуального закона, которые ставят в прямую зависимость допустимость принятия прогностических решений в досудебном производстве по уголовному делу не просто от наличия оснований, а от наличия достаточных оснований или достаточных данных. В этих случаях речь идет о принятии решений прогностического характера, наиболее существенно затрагивающих и ограничивающих конституционные права и свободы личности в уголовном судопроизводстве. Например, в соответствии со ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

К третьей группе можно отнести нормы, которые устанавливают наличие не просто достаточных оснований. В основе принятия решений должны быть доказательства, их достаточная совокупность при принятии наиболее принципиальных

⁴ Шейфер С. А. Досудебное производство в России : этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 163.

⁵ Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект). Омск, 2003. С. 156.

процессуальных решений. Так, в соответствии со ст. 171 УПК РФ при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого.

В настоящее время под «основаниями» для принятия того или иного уголовного-процессуального решения и, соответственно, производства какого-либо действия в уголовном судопроизводстве следует понимать некие данные, конкретные, фактические обстоятельства. К примеру, установление факта существования конфликта интересов автоматически влечет устранение лиц, перечисленных в ст. 61, 72 УПК РФ, от участия в производстве по уголовному делу. Сущность решений, формы облечения, их значимость зависят в целом от трех факторов: профессиональных и личных интересов участвующих в производстве лиц, рамок их правовой компетенции и стадии производства (в досудебном или судебном производстве по уголовному делу оно осуществляется)⁶.

Для введения в законодательные рамки допустимого усмотрения при принятии прогностических решений в досудебном производстве по уголовному делу, обеспечения единообразного подхода к определению наличия/отсутствия таких оснований считаем, что существует необходимость введения в УПК РФ официальной дефиниции понятия «основание, достаточное основание» с целью ограничения возможности злоупотребления правом. Основание/достаточное основание – подлежащие в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, отражению в соответствующем процессуальном акте сведения о каждом конкретном фактическом обстоятельстве, в своей системе обуславливающих необходимость принятия процессуального решения, осуществления процессуального действия⁷.

Иные виды злоупотреблений стороны обвинения связаны с осуществлением оперативно-розыскной деятельности. Их связывают с целым рядом причин, например недостаточной эффективностью прокурорского надзора за исполнением законодательства, несоответствием объема полномочий прокуроров в этой сфере. Расширение объема полномочий в вопросах, касающихся согласования заведения дел оперативного учета, ужесточение контроля в отношении оперативных уполномоченных, «подчас не имеющих юридического образования», и ряд других мер позволит «существенно сократить случаи необоснованного заведения и прекращения дел оперативного учета, нарушения сроков при их заведении, а также допускаемые при осуществлении ОРД иные злоупотребления»⁸.

Проблема свободы выбора адвоката-защитника и адвоката-представителя также связана со злоупотреблениями. На практике встречаются случаи, «когда защитник навязывается подозреваемому, обвиняемому, подсудимому»; обнаружены факты, когда защитник назначался потерпевшему, свидетелю; отказ от защитника принимался в условиях, когда таковой либо отсутствовал при проведении процессуального действия, либо его не было на судебном заседании⁹. Ничем иным, как

⁶ См.: Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2009. № 1(6). С. 329.

⁷ См.: Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М., 2012. С. 173.

⁸ Дытченко Г. В. Проблемы организации надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2008. № 10. С. 14.

⁹ См.: Калинкина Л. Д. Об обеспечении права на свободу выбора адвоката-защитника и адвоката-представителя в ходе судебного производства // Адвокат. 2009. № 8. С. 27.

неправомерными деяниями, нельзя назвать подобные очевидные нарушения закона. Однако часто, осуществляя обязанность по обеспечению права на защиту, «превышения ведущими процесс государственными органами и должностными лицами своих полномочий в отношении других субъектов» именуют злоупотреблениями¹⁰.

Ряд злоупотреблений порождены объективными причинами – отсутствие конкретного срока, в течение которого руководитель следственного органа должен уведомить прокурора об удовлетворении либо отклонении его требований. На практике это нередко «приводит к злоупотреблениям со стороны органов Следственного комитета. Встречаются случаи, когда из следственного отдела (управления) вообще не поступает никакого ответа – ни уведомления об исполнении (удовлетворении) требования, ни возражений на него»¹¹.

Встречаются злоупотребления в оформлении процессуальной документации, связанные с «личной инициативой следователя, не подлежащей регламентации»¹²; «фактически злоупотребляют своим служебным положением, когда получают оперативным путем списки присяжных заседателей и производят в отношении их нелегальные спецпроверки» прокуроры, участвующие в судебных заседаниях¹³.

В свою очередь, одним из субъектов злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве является также сторона защиты. В соответствии с главой 7 УПК РФ участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты являются подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, защитник, гражданский ответчик и представитель гражданского ответчика, выполняющие функцию защиты.

Адвокат-защитник, будучи профессиональным юристом, с учетом своих профессиональных познаний, дает своему подзащитному советы и рекомендации о том, какую позицию по делу наиболее целесообразно занимать в своих интересах, какие показания давать в ходе их допросов и как вести себя при участии в других следственных действиях.

К способам и приемам злоупотребления своими правами представителей стороны защиты можно отнести следующие:

1) инсценирование заболевания, не позволяющего подозреваемому обвиняемому явиться для производства следственных действий к следователю, а защитнику в случае явки подзащитного к следователю – по той же причине – принять в них участие;

2) уклонение адвоката от явки к следователю в дату и время, назначенные им для производства действия с участием подзащитного, объясняемое его занятостью по другим досудебным производствам или в судебных процессах;

3) заявление многочисленных однотипных, мотивируемых одними и теми основаниями, ходатайств, в удовлетворении первых из которых было ранее отказано в установленном законом порядке;

¹⁰ См.: *Насонова И. А.* Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту как одна из составляющих деятельности, осуществляемой руководителем следственного органа // *Адвокат.* 2009. № 3. С. 36.

¹¹ *Горюнов В.* Надзор за следствием в органах прокуратуры // *Законность.* 2009. № 2. С. 31.

¹² *Васяев А. А.* Нумерация материалов уголовного дела : значение, способ, нормативная регламентация // *Адвокат.* 2009. № 8. С. 15.

¹³ См.: *Кручинин Ю. С.* Проблемы легальности сбора сведений о кандидатах в присяжные заседатели // *Адвокат.* 2010. № 7. С. 22.

4) немотивированный отказ от участия в производстве следственного действия, проведение которого насущно необходимо для объективного установления подлежащего доказыванию по делу обстоятельства;

5) использование пробелов и противоречий в уголовно-процессуальном порядке проведения следственного действия, позволяющих «растягивать» процесс производства на неопределенный срок;

6) неоднократная замена обвиняемым своих защитников;

7) затягивание сроков изучения материалов уголовного дела;

8) необходимость участия всех защитников в производстве следственного действия, производимого с участием подозреваемого, обвиняемого, а также злоупотребление правом адвокатами-защитниками в рамках их права собирать и представлять доказательства. Все вышеперечисленные действия совершаются исходя из тактических соображений стороны защиты.

Основными целями, на достижение которых направлены различные виды и формы злоупотребления правом стороной защиты, на наш взгляд, являются следующие: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности за инкриминируемое обвиняемому преступление; истечение установленных сроков производства предварительного расследования по делу; истечение установленных сроков применения наиболее строгих мер пресечения, избранных в отношении лица, подвергающегося уголовному преследованию, таких как содержание под стражей и домашний арест; опровержение объективности и достоверности обвинительных доказательств, сформированных следователем в отношении подзащитного, в том числе путем обоснования недопустимости использования их в уголовном процессе.

Действующий УПК РФ четко определяет права, предоставленные представителям стороны защиты, которые закреплены в ст. 46–49, 53–55 УПК РФ. В свою очередь, нельзя не сказать о том, что УПК РФ крайне «скупо» регламентирует обязанности защитника по уголовному делу. Отсутствие возложенных на адвоката-защитника уголовно-процессуальным законом определенных обязанностей предоставляет адвокату достаточно широкие возможности для злоупотребления его правами в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

К последней группе классификации субъектов злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве необходимо отнести лиц без собственного интереса, к которым относятся перечисленные в главе 8 УПК РФ свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и понятые. Законодатель, наделяя их определенным набором прав и обязанностей, предоставляет тем самым возможность злоупотребить ими, потому что, как было сказано выше, везде, где существует возможность свободного распоряжения своими правами, существует вероятность и опасность злоупотребления ими.

Предложенное исследование по понятным причинам не претендует на полноту, имеющие место проблемы лишь обозначены. По нашему мнению, в связи с тем что в УПК РФ нет определения понятия «злоупотребление правом», существует неопределенность и в отношении установления субъектов злоупотребления правом.

Полагаем необходимым четко закрепить права и обязанности участников уголовного судопроизводства, пределы их осуществления с целью невозможности данных лиц выйти за правовые границы и тем самым злоупотребить предоставленными им правами. Указанные границы должны быть установлены с учетом двух составляющих: 1) законодательных ограничений в виде прямого указания в

законе на ограничение прав и основных свобод граждан и 2) ограничений прав участников уголовно-процессуальных отношений путем воздействия на них со стороны других участников.

Воронежский государственный университет

Баева К. М., аспирант, преподаватель кафедры уголовного процесса
Voronezh State University

Baeva K. M., Post-graduate Student, Lecturer of the
Criminal Process Department
E-mail: *baeva.ksenia@mail.ru*
Tel.: 8-919-246-97-21

ПРИРОДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ФИКЦИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Рассматриваются форма и содержание доказательственных фикций в уголовно-процессуальном праве. Обосновывается предположительный, а не ложный характер доказательственных фикций. Разграничиваются фикции и презумпции по возможности их опровержения. Дается определение доказательственной фикции как закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве императивной нормы, содержащей неопровержимое предположение о наличии или отсутствии доказательственных фактов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фикция, презумпция, предположение, истина, доказывание, формализм, юридическая техника.

THE NATURE OF THE EVIDENTIARY FICTIONS IN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Discusses the form and content of evidentiary fictions in the criminal process. Substantiates the alleged, and not about the nature of the evidentiary fictions. Distinguishes between fiction and presumption of the possibility of refutation. The definition of fiction as evidence is enshrined in the criminal procedure law a peremptory norm containing irrefutable assumption about the presence or absence of evidentiary facts.

К е у w o r d s: fiction, presumption, assumption, truth, proof, formalism, legal technology.

Поступила в редакцию 15 июля 2017 г.

Фикция-норма имеет свое содержание и форму. Вопрос об их соотношении дискуссионный. Если фиктивность характера формы как способа правового регулирования не отрицается, поскольку он закрепляет несуществующее и влечет неопровержимость правовых последствий, то меняется ли содержание такой нормы, является ли оно вымышленным, ложным, надуманным, не соответствующим реальным общественным отношениям? Для многих отраслей права (уголовного, гражданского, семейного, гражданского процессуального) это суждение будет верным. Так, К. К. Панько считает, что ложь фикции в уголовном праве «состоит в ложности представлений (информации, трактовки) о содержании соответствующей ситуации, а не в способах закрепления в соответствующем правовом акте, придающем им силу общеобязательного предписания»¹. Р. К. Лотфуллин утверждает также ложность в содержании юридических фикций в гражданском праве². Полагая, что фиктивный характер предписания задается ложностью содержания, а не внешней формой права, часто указывается на ситуации, в которых выражается ложность (ошибочность) в содержании фикции: 1) в представлении о «существовании факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде»³; «2) в представлении о существовании факта, не доказанного с до-

¹ Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 225.

² См.: Лотфуллин Р. К. Юридические фикции в гражданском праве. М., 2006. С. 53.

³ Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. С. 2.

статочностью, но предполагаемого; 3) в представлении о факте, выражающемся в трактовке другого известного факта, эквивалентного первому; 4) в представлении о факте (событии, явлении) как несуществующем, в то время как он существует»⁴.

Являются ли приведенные основания безусловной ложью содержания доказательственных фикций в уголовном процессе? Насколько правомерно говорить о неопределенности содержания процессуальной фикции как об обманчивом представлении? Природа процессуальных фикций может быть другой, не всегда ложной и обманчивой, а включающей иные социальные ценности и признаваемые постулаты процессуального права. Законодатель может признавать как отсутствие, так и реальное наличие того или иного факта, определяющего содержание нормы доказательственной фикции, но осознание того, что установление его истинности процессуальными средствами затруднительно и неэффективно, приводит к необходимости установления фиктивного способа закрепления таких отношений путем их признания несуществующими в целях доказывания и признания ничтожными последствий их доказательственной оценки. В пользу подобного подхода свидетельствует следующий пример нормы доказательственной фикции: если обвиняемый (подозреваемый) в ходе досудебного производства дал показания в отсутствие защитника и не подтвердил их в суде, то такие доказательства закон признает недопустимыми (п.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Связывает ли законодатель фиктивный способ правового регулирования этого положения с ложью ее содержания? Конечно, нет. Легко убедиться, что те же самые показания (дословно), подтвержденные в суде или данные в ходе передопроса, но уже с защитником, вполне будут отвечать требованию допустимости. Меняются лишь условия формирования доказательства, но не их содержание с позиций достоверности. Факт остался прежним, изменилась лишь форма его установления. Поэтому не всегда правомерно говорить о мнимом или ложном характере доказательственной фикции, необходимо искать другие основания в ее содержании.

По мнению ряда ученых, ложь не следует считать содержанием доказательственных фикций, и они не всегда основаны на мнимых и притворных отношениях. Г. Ф. Дормидонтов писал, что «фикция принимает несуществующее существующим или наоборот, следовательно, она есть ложь. Отсюда легко доходят до подведения всякого обмана под понятие фикции. Но это, конечно, неправильно: фикция и обман – понятия несовместимые. О фикции можно говорить лишь тогда, когда вымысел допускается всеми и когда никто на этот счет не обманывается»⁵. В. И. Каминская указывает, что «как условное принятие за истину, так и заведомая ложность принимаемого за истину положения представляют собой в юридической фикции только внешнюю форму, в которую облекается создание новой правовой нормы. Ложь юридической фикции, несмотря на всю ее очевидность, не проникает в ее содержание, она относится лишь к ее оболочке»⁶. По мнению ряда исследователей, приведенная позиция «вполне соответствует интерпретации «фиктивный» как имеющий поверхностное сходство с чем-либо, но с глубинными, более важными различиями»⁷. З. М. Черниловский допускает также ложность, но не настаивает

⁴ Панько К. К. Указ. соч. С. 226.

⁵ Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С.137.

⁶ Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.; Л., 1948. С. 48.

⁷ Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И. В. Юридическая фикция как научная проблема : критические заметки на монографию Р. К. Лотфуллина «Юридические фикции в гражданском праве» // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 272–273.

на ее заведомой ложности и: «...юридическая фикция признает за действительное то, что на самом деле может быть ложным («как если бы...»)»⁸. «Нет сомнений в том, что фиктивный характер предположения следует оценивать с позиции способа регулирования, который опирается на возможность несовпадения формы и содержания права, — отмечают В. М. Баранов и О. А. Курсова. — И, действительно, условное объявление истинным того, что таковым может и не являться, касается лишь правовой формы, а не содержания объективной действительности»⁹.

Но если содержание доказательственных фикций не всегда сопряжено с ложным характером регулируемых отношений, то какова их природа? Может ли уголовно-процессуальный закон распространять фиктивность способа регулирования на факты, которые являются истинными? Вполне. Основанием такого вывода выступает понимание истины как соответствия нашего знания объективной действительности. Однако не любая истина достоверна, поскольку достоверность — не только истинность, но и обоснованность нашего знания. Любая достоверность истинна, но не всякая истина достоверна. В связи с этим гипотезы, предположения, версии, интуитивные догадки, ссылки на расхожее мнение, слухи и неаргументированные высказывания вполне могут быть истинными, но в силу своей необоснованности и неподтвержденности какими-либо вескими доводами они не отвечают критерию достоверности. Это, например, и является основанием для формирования доказательственной фикции, признающей недопустимыми в качестве доказательств показания свидетеля или потерпевшего, когда он не может указать источник своей осведомленности или основывается на догадке, предположении, слухе (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Ведь вполне реальны многочисленные случаи, когда подобные показания истинны (правдоподобны) и согласуются с другими материалами уголовного дела. Однако законодатель сомневается в обоснованности их истинности, в связи с этим и вынужден формировать соответствующую норму-фикцию. Поэтому признание недопустимым «внеисточникового свидетельства» происходит не в связи с ложностью или истинностью изложенных сведений, а в связи с их *сугубо вероятным* характером, т.е. недостоверностью сведений.

Вероятное, т.е. проблематичное, неполно обоснованное знание следует признать содержанием доказательственной нормы-фикции. При этом *степень такой вероятности не в состоянии перейти в достоверность* даже при восполнении ее другими процессуальными средствами, а если такие возможности и есть, то они, по мнению законодателя, чрезмерно трудоемки и малоэффективны. Правовые последствия доказательственных фикций связаны не столько с реальностью существования каких-либо фактов или их истинно ложным характером, сколько с их неопределенностью, невозможностью, разумными сомнениями в их достоверности. Именно поэтому сложно согласиться с суждениями о том, что «фикция является предположением о несуществующем факте или о факте, вероятность которого мала или неизвестна»¹⁰, либо о том, что юридические последствия правовой фикции «закон связывает с заведомо несуществующими фактами»¹¹. Здесь происходит неверное отождествление содержания нормы (реальных обществен-

⁸ Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права // Сов. государство и право. 1984. №1. С.104.

⁹ Баранов В. М., Курсова О. А. Запоздалые заметки о правовых фикциях. Обзорная рецензия классических трудов Д. И. Мейера, Г. С. Мэна, Г. Ф. Дормидонтова // Проблемы юрид. техники. Н. Новгород, 2000. С. 790.

¹⁰ Кругликов Л. Л., Зуев Ю. Г. Презумпции в уголовном праве. Ярославль, 2000. С. 50–51.

¹¹ Зайцев И. Правовые фикции в гражданском процессе // Рос. юстиция. 1997. № 1. С. 35.

ных отношений) и способа его закрепления средствами юридической техники, благодаря которой «формулировка юридической фикции никогда не включает в явном виде вероятностные суждения»¹², однако не может отрицать вероятность наличия описываемых жизненных обстоятельств. Фикции заполняют пробелы неоднозначности в оценке сомнительных фактов (которые реально существуют в доказательственной деятельности и не являются ложными с точки зрения их наличия), путем признания ничтожными юридических последствий их использования в доказательственной деятельности. В таком контексте доказательственные фикции согласуются с назначением уголовного судопроизводства и целью процессуального доказывания, поскольку прием фикции нацелен на получение истинного знания, устранение состояний невосполнимой неизвестности и неразрешимой известности в познании, исключение мнимых и недостоверных оснований доказательно-значимых выводов, ограждение от необоснованного обвинения, гарантированность прав личности в уголовном процессе.

Вероятность лежит в основе не только доказательственных фикций, но и процессуальных презумпций, что и делает эти особые средства доказывания генетически близкими. Однако между фикциями и презумпциями имеются различия. Их суть неоднократно исследовалась в научной литературе, где каждый раз предлагались новые критерии их разграничения. В. К. Бабаев проводит различия понятий «юридическая фикция» и «юридическая презумпция» по *способу формирования и критерию истинности*: «1) правовые презумпции и фикции различаются *характером образования*. Правовые презумпции представляют собой нормативное закрепление того порядка отношений, который признается обычным, постоянным нормальным. Закрепленное же фикциями положение формируется самим законодателем; 2) если содержащееся в презумпциях положение по вероятности *истинное*, то фиктивное положение истинным быть не может»¹³. Помимо приведенных Е. Ю. Марохин продолжает называть дополнительные основания разделения: «3) *по отношению к познавательному процессу*: презумпции используются как познавательный прием, фикции же к процессу познания не имеют отношения, так как создают вымышленный факт; 4) *по сфере действия*: фикции чаще всего содержатся в материальных нормах, в то время как презумпции – в процессуальных; 5) *по логической природе*: фикции представляют собой суждение, презумпции – умозаключение неполной индукции; 6) *по возможности опровержения*: подавляющее большинство презумпций ввиду вероятностного характера рассчитаны на возможность их опровержения способом, закрепленным в законодательстве, заведомо ложная фикция опровергнута быть не может»¹⁴. Называется также такой критерий (7), как частота использования (фикции встречаются значительно реже презумпций)¹⁵.

Характер приведенных оснований имеет сугубо теоретическое значение при исследовании фикций и презумпций как средств юридической техники. Однако такие сопоставления не вскрывают суть фикций и презумпций как особых средств доказывания, не показывают специфику механизма их действия в уголовно-процессуальном познании. Большинство из критериев разграничения условны,

¹² Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И. В. Указ. соч. С. 274.

¹³ Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 32–33.

¹⁴ Марохин Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 87–88.

¹⁵ См.: Курсова О. А. Фикции в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 20.

поскольку допускают возможность смешения фикций и презумпций в рамках своей же группы. Так, в основе формирования и фикций, и презумпций всегда лежит воля законодателя, поскольку вне законотворческого процесса они не приобретают свойства нормативности. Степень истинности презумпции не обязательно выше, чем у фикции, так как регулируемые фикцией отношения вполне могли бы соответствовать действительности. Попытки сопоставления уровня вероятности у рассматриваемых средств юридической техники неизбежно приведут к переходу с качественной на количественную сторону исследования. Наличие и фикций, и презумпций характерно для любых отраслей права, а частота их упоминания в законе не может являться веским доводом в их разграничении.

Большой интерес представляют суждения о роли презумпций и фикций в познавательном (доказательственном) процессе. Так, О. А. Курсова считает, что «фикции и презумпции имеют разное значение по отношению к процессу доказывания. Если презюмирование, по сути, представляет собой познавательный прием, то фикции к процессу познания не имеют решительно никакого отношения. Фикция может использоваться в процессе доказывания по юридическому делу только как формальное доказательство¹⁶. Отказывать фикциям в способности регулировать познавательную деятельность по уголовному делу преждевременно, тем более, в силу запрета заранее установленной силы доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК РФ) фикции и последствия их применения недопустимо рассматривать как формальное доказательство, хотя, безусловно, фикции выступают наследием эпохи искусственных доказательств. И фикция, и презумпция являются познавательными приемами за неимением лучших, когда просто нет другого выхода; и одни и другие участвуют в процессе доказывания в тех случаях, когда достоверное знание оказывается недостижимым. Именно поэтому они являются особыми процессуальными средствами познания. Однако если презумпции склоняют субъектов доказывания к активной познавательной деятельности, требуя своего опровержения в целях подтверждения отстаиваемой позиции, ориентируют на получение качественно нового знания, то роль фикций иная, более статичная. Фикции создают условия, в которых доказывание осуществляется в законных пределах, расставляют фильтры для исключения шатких и недостоверных сведений, формируют (как правило) ничтожный результат в оценке сомнительных фактов. В таком аспекте правомерно видеть роль фикций в процессе доказывания в том, что они «являются своеобразной санкцией за невыполнение обязанностей по доказыванию»¹⁷.

Против рассмотрения фикций как особого средства уголовно-процессуального доказывания выступает В. И. Каминская, полагая, что «фикция представляет по своему содержанию просто норму права, т.е. правило, устанавливающее известный порядок человеческих взаимоотношений, и при этом норму, регулиующую отношения материального порядка, отношения объективной действительности, а не отношения, основное содержание которых носит субъективно-психологический характер, как это, несомненно, имеет место в процессе судебного доказывания»¹⁸. С такими выводами сложно согласиться, поскольку доказательственные фикции существуют и выполняют свое предназначение в познавательном процессе по установлению либо исключению (что чаще всего и происходит) юридически значимых сведений об обстоятельствах уголовного дела. Особый характер фикции

¹⁶ См.: Курсова О. А. Указ. соч. С. 19.

¹⁷ Нахова Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 15.

¹⁸ Каминская В. И. Указ. соч. С. 48.

как средства доказывания проявляется не столько в том, что она не приводит к формированию новых доказательств, сколько в ее включенности в познавательный процесс в той мере, в какой конечная цель доказывания (истина) не может быть достигнута при помощи других более предпочтительных средств доказывания. Применение фикции – это метод принятия решения за неимением лучшего, когда нет другого выхода. Фикция не в состоянии породить новое качественное знание об обстоятельствах преступления, но в силу своей неопровержимости позволяет сформировать такую модель доказывания, при которой будут сформированы, проверены и оценены относимые, допустимые, но главное – достоверные доказательства. Так, познания следователя существенно расширятся за счет допроса свидетелей, которые не могут указать на источник своей осведомленности, однако в доказательственном аспекте это не внесет ничего нового в сумму его знаний, поскольку столкнется с невозможностью опровержения фикции, запрещающей внеисточниковое свидетельство (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Поэтому фикция сама по себе является доказательственным юридическим фактом, вызывая определенные правовые последствия. В пользу отнесения фикций к числу средств доказывания выступает уяснение того, что процесс процессуального познания развивается от перехода вероятного знания к достоверному, однако на его пути немало ситуаций невозможной неизвестности или неразрешимой известности. Их разрешение привычными средствами и способами доказывания не всегда возможно. И здесь не обойтись без фикций, поскольку «их намеренно деформирующий характер заключается: а) в искусственном уподоблении или приравнивании друг к другу таких понятий и обстоятельств, которые в действительности различны или даже противоположны; б) признании реальными несуществующих обстоятельств и отрицании существующих; в) признании существующими обстоятельств и ситуаций до того, как они стали существовать на самом деле или возникли позже, чем это было в действительности»¹⁹. Подобная деформация является проявлением объективных формализованных начал процессуального законодательства, проявляющегося в очерчивании границ свободы внутреннего убеждения, недопущении субъективного произвола.

Основное отличие презумпций от фикций как особых средств доказывания состоит в возможности их опровержения (оспаривания, отрицания). Такая возможность формулируется через средства юридической техники и выступает единственным критерием их разграничения.

Презумпция и фикция выражают предположительные, а не достоверные знания, с помощью которых можно лишь с определенной степенью вероятности судить о существовании тех или иных явлений, событий фактов. При этом презумпция является приблизительным обобщением, которое всегда предполагает исключения, не объявляет выставленное в ней положение непререкаемой истиной. Презюмируемое положение считается верным до тех пор, пока не доказано обратное, т.е. не опровергнуто, поэтому возможность опровержения изначально заложена в презумпции и без нее немыслима. Это вовсе не означает, что любая презумпция во что бы то ни стало должна быть оспорена, а лишь предполагает, что законодатель, вводя презумпцию в текст закона, допускает легальную возможность ее отрицания и формулирует внятный порядок такого опровержения. Возможность опровержения презумпции может рассматриваться как право. Так, презумпция истинности приговора, вступившего в законную силу, вправе быть

¹⁹ Паныко К. К. Указ. соч. С. 227.

опровергнута судом кассационной или надзорной инстанции при его пересмотре. Но оспаривание презумпции может выступать и обязанностью по надлежащему осуществлению уголовно-процессуальной деятельности, как это происходит вследствие презумпции невиновности, возлагающей на сторону обвинения бремя доказывания обвинения и опровержение доводов защиты.

Невозможно согласиться с мнением что «презумпцию не опровергают, ею руководствуются как принципом»²⁰, поскольку в таком контексте теряется логический смысл презумпции и ее роль в познавательном процессе. Опровержение презумпции следует понимать в том смысле, что «опровергается ее применимость к данному конкретному случаю»²¹. Лишение презумпции возможности ее опровержения превращает ее в абсолютную максиму, императивный постулат, непререкаемый вывод, исключительную достоверность и т.п. Невозможность сомневаться в истинности презумпции полностью выхолащивает ее предназначение, состоящее в поиске вероятных исключений из правила, ею предусмотренного, а невозможность опровержения презумпции процессуальными средствами делает ее бессмысленной для законодательной регламентации. Именно поэтому неопровержимая доказательственная презумпция – есть доказательственная фикция. Если законодатель не предусмотрел процессуальный механизм опровержения вероятного знания, то он сознательно формулирует не презумпцию, а фикцию, которая не допускает исключений из ситуаций, охватываемых ее правилом, и не дает процессуальных возможностей своего опровержения, даже если правоприменитель в состоянии это сделать. Презумпция благодаря возможности своего опровержения способствует превращению вероятного знания в достоверное, фикция благодаря невозможности своего опровержения вероятное знание лишает своей сущности, превращает в небытие. В связи с этим дискуссия о наличии неопровержимых презумпций, как и опровержимых фикций, несостоятельна – на них смыкаются понятия презумпции и фикции. На это обстоятельство верно обращает внимание В. И. Каминская (хотя сама и выделяет категорию неопровержимых презумпций): «Когда приблизительное обобщение возводится до степени непререкаемой истины, объявляется правилом, не терпящим возражений, положение резко изменяется. Лазейка для нахождения истины, имеющаяся при опровержимых презумпциях, закрывается, и, таким образом, в качестве неоспоримого правила объявляется то, что заведомо ложно, или, выражаясь юридически, фикция»²². Именно такой подход и приводит в целом к правильным или обтекаемым формулировкам о том, что «сформулированная, в том числе в виде презумпции, фикция очевидна и практически всегда неопровержима»²³, либо категоричному выводу о наличии в российском праве только опровержимых презумпций²⁴.

Именно законодательная возможность опровержения вероятного знания в уголовном процессе и является основанием для размежевания доказательственных презумпций и фикций. Изменение предмета регулирования отношений, ох-

²⁰ Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 253.

²¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 345.

²² Каминская В. И. Указ. соч. С. 52.

²³ Никиташина С. А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. С. 14.

²⁴ См.: Нахова Е. А. Указ. соч. С. 6.

ватываемых вероятным правилом, способно преобразовывать презумпции в фикции и наоборот. Всегда примечательны ситуации, когда одна и та же норма в зависимости от модели уголовного судопроизводства может превращаться из презумпции в фикцию и наоборот. Примером тому является ситуация с правилом о доказательственном значении признания вины обвиняемым. В рамках позитивной теории формальных доказательств собственное признание рассматривалось как полноценное совершенное доказательство, которого достаточно для постановления обвинительного приговора при отсутствии других доказательств. Признание вины «царицей доказательств» следовало рассматривать как презумпцию (хотя и виновности), поскольку оставалась возможность ее опровержения самим обвиняемым в связи с самооговором. Смена концепции доказывания с формализованного пути на свободную оценку потребовало изменения отношения к собственному признанию вины – оно не может быть положено в основу обвинения, если не подтверждено совокупностью других доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Такая норма представляет собой доказательственную фикцию, поскольку не содержит каких-либо возможностей своего опровержения, если подвергать процессуальной оценке единственное «ущербное» доказательство. Важно, что приведенная фикция является продуктом негативной теории формальных доказательств (отрицательной формализации), которая вполне гармонично сочетается с началом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Таким образом, ***доказательственная фикция – это закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве императивная норма, содержащая неопровержимое предположение о наличии или отсутствии доказательственных фактов.***

Воронежский государственный университет

Зотов Д. В., кандидат юридических наук, доцент,
*заведующий кафедрой организации судебной власти
и правоохранительной деятельности*

Voronezh State University

Zotov D. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the
Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
Tel.: 8(473) 2-208-251*

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ИММУНИТЕТЕ СУДЕЙ

Поднимается вопрос об уголовно-процессуальном иммунитете судей и существующих дискуссионных проблемах. Отмечается, что особый статус вовсе не означает безответственность судьи за совершенное им деяние, а позволяет рассматривать его как правовой механизм независимости судей при реализации функции правосудия.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальный иммунитет, независимость, неприкосновенность, особый статус, судья.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL PROCEDURAL IMMUNITY OF JUDGES

The article raises the issue of criminal procedural immunity of judges and existing discussion problems. The author notes that a special status does not at all mean that the judge is not responsible for the act committed by him, but allows him to consider it as a legal mechanism for the independence of judges in the exercise of the function of justice.

К e y w o r d s: criminal procedure immunity, independence, Inviolability, Special status, judge.

Поступила в редакцию 10 августа 2017 г.

Наделение судей особым статусом вызвано специальными функциями, которые они выполняют в процессе своей профессиональной деятельности. На них возложена функция отправления правосудия, которая предполагает независимость, вынесение законных и обоснованных судебных решений. Реализация положений процессуального законодательства в отношении судей учитывает иные законодательные предписания, в которых содержится определение их статуса, полномочий, возложенных обязанностей, предоставленных прав и др.

На протяжении всей истории развития и формирования судебных органов демократическое государство стремилось создать для судейского корпуса такие условия, которые позволили бы ему осуществлять свою деятельность при исключении влияния на принимаемое судьей решение. Для этой цели государство создало целую систему мер, направленных на сохранение независимости судей и подчинение их только закону.

Этому способствуют предписания действующего российского законодательства. В них содержатся основные принципы деятельности и формирования судебных органов, определяется статус судей, решается множество других вопросов.

Наделение судьи особым статусом не является и не рассматривается законодателем как его личная привилегия. Данный статус позволяет судье независимо от других ветвей власти, государственных органов и должностных лиц осуществлять свои полномочия по разрешению и рассмотрению, по существу, различных категорий дел. Подобная независимость позволяет судье вынести законное и обоснованное решение, основанное исключительно на предписаниях действующего законодательства, исключающее предвзятое толкование и позволяющее судить о его справедливости. «Справедливость выносимых судом решений достигается в

том числе благодаря юридическому статусу суда как самостоятельного, независимого органа государственной власти...»¹. Как справедливо указывает Л. И. Малахова, «...наделение иммунитетом данной группы участников обладает особой значимостью. Именно они обеспечивают независимость судебной власти в целом, содействуют осуществлению правосудия без давления извне. Иммунитеты, возникающие вследствие правового положения лица, ...обеспечивают законность и справедливость всего судопроизводства в целом. Подобные ограничения, наложенные законодателем, возможно, и препятствуют развитию конкретного дела, но конечная их цель – сохранение идеи и назначения процесса в целом...»².

Этому способствуют также предписания, содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ), устанавливающие особый правовой режим производства по уголовному делу в отношении судьи: порядок возбуждения уголовного дела и привлечения его к уголовной ответственности; избрание и исполнение меры пресечения в виде заключения под стражу; особый порядок его допроса и др.

Являясь должностным лицом органов судебной власти, судья наделен весьма широкими полномочиями, которые позволяют ему осуществлять функцию судебной власти.

Отмечая важность судебной власти, С. В. Лукошкина указывает, что «в правовом государстве, где судебная власть... является главной контролирующей константой, судебные решения, судебная практика неизбежно становятся источниками права. Мнение суда о содержании правовых норм является самым авторитетным. Постановление суда, вступившее в законную силу, является окончательным, и, как правило, никто не вправе его отменить»³. Столь высокое положение судебной власти в системе правоотношений обусловлено той ролью, которую играет суд в жизни всего общества – разрешение правовых конфликтов посредством применения норм действующего законодательства. Среди полномочий судьи особо следует выделить разрешение правового конфликта с использованием всего арсенала правовых предписаний, чтобы не разрушить веру граждан в верховенство закона и справедливость суда. Верховенство закона и справедливость вынесенных судом решений обеспечиваются независимостью суда. Независимость судей и суда является очень важным условием функционирования всей судебной системы и судебной власти в целом.

На это важное условие обращали внимание многие исследователи. В частности, В. В. Ершов отмечал, что «независимость суда в правовом государстве не является самоцелью судей, а в конечном итоге служит обязательным, жизненно важным условием обеспечения прав и свобод граждан»⁴.

Обеспечение независимости судей относится к числу актуальных проблем. От государства требуется создание таких условий, которые препятствовали бы оказанию на судей какого-либо давления при вынесении ими решений.

¹ Хорунжий С. Н. Суверенитет судебной власти как институциональный элемент правовой среды // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2014. № 2. С. 81.

² Малахова Л. И. Иммунитеты и привилегии в уголовном судопроизводстве РФ : к вопросу о соотношении понятий // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. С. 8.

³ Лукошкина С. В. Иммунитет должностных лиц судебной ветви власти // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Протасевич. Иркутск, 2014. С. 148.

⁴ Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. М., 1992. С. 76–77.

Среди действенных защитных механизмов независимости и неприкосновенности судей является особый порядок производства по уголовному делу, предусмотренный главой 52 УПК РФ. Производство по уголовному делу в отношении судьи существенно отличается от производства по уголовному делу в общем порядке. Уже на первых этапах производства, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и привлечения судьи в качестве обвиняемого, законодателем предусмотрена более усложненная процедура.

В соответствии с ч. 1 ст. 448 УПК РФ в отношении судьи Верховного Суда РФ, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, военного суда решение о возбуждении уголовного дела или о привлечении данных лиц в качестве обвиняемого принимает Председатель Следственного комитета Российской Федерации, который должен получить согласие Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

В отношении иных судей (судей районных и приравненных к ним судом мировых судей, судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ) такое решение принимает Председатель Следственного комитета Российской Федерации, который должен получить согласие соответствующей квалификационной коллегии судей.

Согласие в отношении судей Конституционного Суда РФ о возбуждении уголовного дела должен дать Конституционный Суд РФ.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации является единственным должностным лицом, которое может принять решение о возбуждении уголовного дела в отношении судей всех уровней судебной системы. Законодателем установлена разница лишь в полученном согласии от соответствующей квалификационной коллегии судей или Конституционного Суда РФ.

Существенно отличается и порядок избрания такой меры пресечения, как заключение под стражу в отношении судьи.

В соответствии с ч. 2 ст. 450 УПК РФ судебное решение об избрании в отношении судьи Конституционного Суда РФ, судей иных судов в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть исполнено только с согласия соответственно Конституционного Суда РФ или квалификационной коллегии судей.

Законодателем закреплены гарантии судейской неприкосновенности, однако предложенный подход не совсем последователен и оставляет лазейки для определенного злоупотребления со стороны судейского сообщества и содержит коррупционную составляющую.

В частности, данные опасения были высказаны А. Ф. Ефремовым, который предложил вопрос о привлечении к уголовной ответственности иных судей решать не квалификационной коллегии, а возложить данную обязанность на Верховный Суд РФ или суд субъекта РФ. Свое решение автор мотивировал опасением, связанным с тем, что квалификационная коллегия может вынести решение, которое будет защищать честь мундира, а не законные интересы общества⁵. Его мнение было поддержано и С. В. Лукошкиной⁶.

Мы отчасти разделяем эту позицию, однако считаем, что вопрос о привлечении судьи любого звена судебной системы к уголовной ответственности или в качестве обвиняемого должен решаться Высшей квалификационной коллегией судей РФ.

⁵ См.: Ефремов А. Ф. О правовой неприкосновенности // Вестник Волжского ун-та имени В. Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». 1999. Вып. 6. С. 31.

⁶ См.: Лукошкина С. В. Указ. соч. С. 152.

Из нынешнего построения нормы следует, что иные судьи являются совершенно другими и наделяются иным статусом, так как по-другому решается вопрос о привлечении их к уголовной ответственности и др. В соответствии со ст. 12 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией, которые не влияют и не могут влиять на их статус. Особенности правового положения отдельных категорий судей определяются федеральными законами, а в случаях, ими предусмотренных, – также и законами субъектов РФ. Единство статуса предполагает и единые подходы к лишению данного статуса.

В связи с изложенным предлагаем исключить п. 5 из ст. 448 УПК РФ, а п. 4 изложить в следующей редакции:

«...в отношении судьи Верховного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, военного суда, иных судей – Председателем Следственного комитета Российской Федерации с согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации».

Полагаем, что такое решение в отношении судей иных судов должна принимать Высшая квалификационная коллегия судей РФ. В связи с этим редакцию ч. 2 ст. 450 УПК РФ следует изменить:

«Судебное решение об избрании в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судей иных судов в качестве меры пресечения заключения под стражу исполняется с согласия соответственно Конституционного Суда Российской Федерации или Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации».

Соответственно подлежит изменению и ч. 4 ст. 450 УПК РФ. Ее следует изложить в следующей редакции:

«Мотивированное решение Конституционного Суда Российской Федерации, Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации о даче согласия на избрание в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу или о производстве обыска принимается в срок не позднее пяти суток со дня поступления представления Председателя Следственного комитета Российской Федерации и соответствующего судебного решения».

Обращаясь к опыту других государств, следует обратить внимание на законодательные предписания Республики Казахстан. В соответствии с ними предусмотрена более сложная процедура принятия решения о задержании судьи, применения к нему такой меры пресечения, как заключение под стражу, о его приводе, привлечении к уголовной ответственности. Такое решение может быть принято только с согласия Президента Республики Казахстан, которое основано на заключении Высшего Судебного Совета Республики Казахстан. Данный порядок предусмотрен ч. 3 ст. 550 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК).

Именно первые лица государства решают вопрос о задержании судьи, применении к нему такой меры пресечения, как заключение под стражу, о его приводе, привлечении к уголовной ответственности. Это указывает на высокий статус судей, сложный правовой механизм, позволяющий лишить судью этого статуса, страховочные элементы которого позволяют подойти к принятию такого решения обдуманно и взвешенно.

Процедура, которая существует в законодательстве Российской Федерации, на наш взгляд, не отвечает требованиям действующего законодательства. Наличие иммунитета у судьи вовсе не означает, что такой иммунитет носит абсолютный характер, который препятствует или ограждает судью от привлечения к уголовной ответственности. Судейский иммунитет создает дополнительный охранительный механизм для профессиональной деятельности, препятствующий вмешательству кого бы то ни было в отправлении судье правосудия.

На это было указано еще в постановлении Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П и последующих решениях органа конституционного контроля. Как следует из постановления, установленный в п. 3 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» усложненный порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи выступает лишь в качестве процедурного механизма и способа обеспечения независимости судей и не означает освобождения их от уголовной или иной ответственности. При наличии достаточных оснований, при условии соблюдения установленных в федеральном законодательстве процедур судья может быть привлечен как к уголовной, так и к иной ответственности⁷.

Иное понимание судейского иммунитета следует рассматривать как искажение его смысла, который вложил законодатель в данный институт.

⁷ По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша : постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1202480/#ixzz4nf7uaWHb>

Оренбургский государственный университет

Сабитаева А. К., аспирант

Orenburg State University

Sabitayeva A. K., Post-graduate Student

E-mail: vasilij_vasiliev@rambler.ru

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЯВКА С ПОВИННОЙ ПРИЗНАНИЕМ ОБВИНЯЕМЫМ СВОЕЙ ВИНЫ?

Анализируется остро дискуссионная проблема науки уголовно-процессуального права – проблема определения правовой природы явки с повинной с позиции ее отношения к признанию обвиняемым своей вины. Автор статьи исходит из того, что явка с повинной не является доказательством виновности лица, тем более признанием вины, а является лишь поводом к возбуждению уголовного дела.

К л ю ч е в ы е с л о в а: явка с повинной, обвиняемый, признание вины, чистосердечное раскаяние.

WHETHER THE CONFESSION RECOGNITION OF GUILT BY THE ACCUSED?

The article examines a very controversial problem of the science of criminal procedural law – the problem of determining the legal nature of surrender from the perspective of its relationship to the recognition of guilt by the accused. The author believes that the confession is not proof of guilt of a person, especially a guilty plea, but is only an occasion to excitation of criminal case.

К е y w o r d s: confession, the accused, admission of guilt, sincere repentance.

Поступила в редакцию 21 июля 2017 г.

Повинюсь-ка я, скажу, что виноват, стану просить прощения.

Повинюсь, да в ноги повалюсь.

В. И. Даль

Согласно ч. 1 ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Если преступление не раскрыто, то заявление о явке с повинной, сделанное правоохранительным органам, является актом доброй воли субъекта, при этом добровольность означает, что лицо имело реальную возможность скрыться от следствия и суда, избежать уголовной ответственности, но, тем не менее, предпочло явиться с повинной и сообщить о совершенном им преступлении. Преступление, совершенное лицом, явившимся с повинной, может быть вообще неизвестно правоприменительным органам либо известно, но не раскрыто.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ отметил, что явка с повинной имеет место тогда, когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщило органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенном им или с его участием преступлении, указав при этом, что «сообщение лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях, неизвестных органам уголовного преследования, следует признавать как явку с повинной». Кроме того, Пленум

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 3. С. 8.

© Смолькова И. В., 2017

Верховного Суда РФ указал: «Если же органы следствия располагали сведениями о преступлении (показаниями потерпевших, свидетелей и процессуальными документами и т.п.) и задержанному лицу было известно об этом, то подтверждение им факта участия в совершении преступления не может расцениваться как явка с повинной, а признается лишь в качестве иного смягчающего наказание обстоятельства (например, изобличение соучастника преступления)».

Вопрос о доказательственном значении явки с повинной в уголовно-процессуальной литературе носит дискуссионный характер. По данному вопросу высказаны две позиции: *первая* из них заключается в оценке явки с повинной как доказательства; *вторая* – доказательственного значения ей не придает.

Так, сторонник первой позиции А. Анисимов отмечает, что заявление о явке с повинной, полученное с соблюдением требований ст. 142 УПК РФ, даже в отсутствие защитника, должно признаваться допустимым доказательством, так как лицо заявляет о совершенном им преступлении, а не дает показания в качестве подозреваемого или обвиняемого², однако автор не указывает, к какому виду доказательств относится явка с повинной.

Конституционный Суд РФ допускает распространение правил о недопустимости доказательств, установленных в ст. 75 УПК РФ, на явку с повинной, придавая таким образом ей доказательственное значение. В частности, в определении от 20 октября 2005 г. № 391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Подгузова Василия Романовича о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 года № 326-О»³ Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что ст. 142 УПК РФ, определяющая явку с повинной как повод к возбуждению уголовного дела и не регламентирующая порядок и условия использования ее судом в качестве доказательства, не содержит положений, которые ограничивали бы действие норм уголовно-процессуального закона, в том числе ст. 75 УПК РФ, устанавливающих порядок доказывания по уголовным делам, и отменяли бы обязательность их соблюдения при решении вопроса об оглашении в судебном заседании сделанного в ходе досудебного производства заявления о явке с повинной. Таким образом Конституционный Суд РФ рассматривает явку с повинной как фактические показания лица, совершившего преступление, на которые распространяются положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Придерживаясь первой позиции, некоторые авторы полагают, что явка с повинной является доказательством обвинения. Р. В. Ярцев называет ее уличающим доказательством⁴, а Е. Журавлева – доказательством вины⁵.

В судебной практике явка с повинной достаточно часто рассматривается как доказательство виновности подсудимого. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в Кассационном определении от 22 ноября 2006 г. (дело № 50-О06-20) по делу О. признала явку с повинной допустимым и достоверным доказательством виновности подсудимого⁶.

² См.: Анисимов А. Допустимость доказательств // Законность. 2007. № 10. С. 37.

³ URL: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_3497htm

⁴ См.: Ярцев Р. В. Явка с повинной как предмет судебной оценки при назначении наказания // Уголовный процесс. 2008. № 5. С. 17.

⁵ См.: Журавлева Е. Явка с повинной в судебной практике // Уголовное право. 2007. № 5. С. 35–36.

⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Т. А. Фролова и С. М. Кобзева, разделяя мнение о доказательственном значении явки с повинной, относят ее к «иным документам»⁷. Солидаризируясь с ними, С. А. Новиков в качестве аргумента, подтверждающего данную позицию, приводит следующее рассуждение: в соответствии со ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной, в том числе сделанное устно, оформляется в письменной форме, а в силу ч. 2 ст. 84 УПК РФ в качестве доказательств могут выступать иные документы, содержащие сведения, зафиксированные в письменном виде⁸. Р. В. Ярцев отмечает, что данное положение является давно принятым на вооружение в науке и практике и даже не нуждается в отдельном обосновании⁹.

Между тем к иным документам не могут относиться письменные акты, в которых фиксируются сообщения граждан об известных им обстоятельствах, имеющих значение для дела, если такие сведения могут и должны быть получены путем производства следственных действий, в частности допроса самого гражданина.

Сторонники *второй* позиции, наоборот, считают явку с повинной только лишь поводом к возбуждению уголовного дела и, соответственно, не рассматривают ее ни в качестве доказательства, ни в качестве доказательства виновности лица. В частности, Н. В. Григорьева исходит из того, что явка с повинной доказательством виновности лица не является, по ее мнению, она способна стать доказательством лишь обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого. Однако одновременно она замечает, что если сторона защиты заявляет о приемлемости в качестве доказательства явки с повинной и чистосердечного признания, то последние не должны исключаться из разбирательства дела, при этом они используются как доказательства защиты в виде «иных документов». В последнем случае автор предлагает руководствоваться правилом ассиметрии доказательств¹⁰.

Ю. К. Орлов полагал, что явка с повинной вообще доказательством не является, и она не может использоваться как «иной документ»¹¹.

Думается, что позиция о доказательственном характере явки с повинной спорная, ибо законодатель обязательно отразил бы в УПК РФ тот факт, что доказательствами являются сведения, полученные от лица, явившегося с повинной до возбуждения уголовного дела и в дальнейшем привлеченного к уголовной ответственности, но он предусмотрел только два вида доказательств, связанных с лицом, совершившим преступление: показания подозреваемого и показания обвиняемого (п. 1 ст. 74, ст. 76–77 УПК РФ), подозреваемый и обвиняемый появляются только после возбуждения уголовного дела, следовательно, явка с повинной показанием не является. Закономерно возникает в связи с этим вопрос: может ли повод к возбуждению уголовного дела стать доказательством виновности? Естественно, что это в принципе исключено. Доказательства виновности могут появиться только в

⁷ См.: Фролова Т. А., Кобзева С. М. Особенности признания недопустимыми отдельных доказательств // Уголовный процесс. 2006. № 8. С. 31.

⁸ См.: Новиков С. А. «Я виновен!» : доказательственное значение собственного признания вины в современном уголовном процессе России // Изв. вузов. Правоведение. 2009. № 1. С. 147. См. также: Зуев Ю. Г. Явка с повинной как доказательство в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 21.

⁹ См.: Ярцев Р. В. Указ. соч. С. 18.

¹⁰ См.: Григорьева Н. В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Рос. юстиция. 1995. № 11. С. 6.

¹¹ См.: Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / под ред. Л. А. Воскобитовой. М., 2015. С. 245.

стадии расследования уголовного дела и быть его результатом. Заявления, сообщения и явки с повинной остаются лишь поводами возбуждения уголовного дела и ничем более и после начала уголовного преследования. Справедливо замечает В. А. Ярковой, что сведения, изложенные в источниках информации, являющихся поводами возбуждения уголовного дела, после проведения следственных или иных процессуальных действий могут стать доказательствами виновности, но таковыми будут являться не явка с повинной, заявление или сообщение, а протоколы допросов¹².

Многие авторы оценивают явку с повинной как разновидность признания вины, хотя формулируют свою позицию по-разному. Так, В. К. Коломеец рассматривает явку с повинной как весьма важную, специфичную разновидность признания вины¹³, С. А. Касаткина – как добровольное признание обвиняемым своей вины¹⁴, а В. В. Голубев – как «чистосердечное признание»¹⁵. В. Вырастайкин к явке с повинной приравнивает признательные показания обвиняемого о совершенных им других нераскрытых преступлениях во время допроса¹⁶. А. А. Усачев исходит из того, что явка с повинной предполагает признание вины, т.е. лицо считает себя виновным¹⁷. Н. А. Соловьева и В. Н. Перекрестов полагают, что при явке с повинной на стадии возбуждения уголовного дела достоверность признания обвиняемым своей вины не может быть установлена, однако, с их точки зрения, сомнения в достоверности признания своей вины не нивелирует его правового значения как юридически значимого поступка¹⁸. В. Ф. Васюков рассматривает явку с повинной как «формализованное признание в содеянном»¹⁹.

В. М. Вдовенков и В. А. Широков явку с повинной, не подтвержденную в суде, предлагают отнести к недопустимой процессуальной форме признания вины, следовательно, подтвержденную в суде – к допустимой (?)²⁰.

Небезынтересно в связи с этим отметить, что эволюция законодательных норм о явке с повинной основывалась именно на том, что главным и определяющим ее признаком было именно признание лицом своей вины. Так, ст. 134 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845–1885), определяя условия явки с повинной, предусматривала следующие: «1) когда лицо добровольно и прежде, чем на него пало какое-либо подозрение, явилось в суд или же к местному или другому начальству и вполне чистосердечно с раскаянием созналось в учиненном преступлении; 2) если лицо после возбуждения насчет него подозрения и вскоре, без упорства, на одном из первых допросов учинило с раскаянием **полное призна-**

¹² См.: Ярковой В. А. Процессуальное значение явки с повинной // Уголовный процесс. 2006. № 11. С. 20.

¹³ См.: Коломеец В. К. Явка с повинной : новая трактовка // Рос. юстиция. 1997. № 10. С. 36.

¹⁴ См.: Касаткина С. А. Признание вины. М., 2013. С. 103.

¹⁵ См.: Уголовный процесс : учеб. для вузов / под ред. В. И. Радченко. М., 2006. С. 325.

¹⁶ См.: Вырастайкин В. Добровольный отказ от преступления и явка с повинной // Рос. юстиция. 2001. № 9. С. 57.

¹⁷ См.: Уголовный процесс : учеб. для акад. бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. М., 2017. С. 148.

¹⁸ См.: Соловьева Н. А., Перекрестов В. Н. Правовое и доказательственное значение признания вины в современном уголовном процессе // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 225.

¹⁹ См.: Васюков В. Ф. Явка с повинной как повод возбуждения уголовного дела // Наука и практика. 2015. № 3. С. 20.

²⁰ См.: Вдовенков В. М., Широков В. А. Явка с повинной : понятие и судебная практика ее оценки // Судья. 2006. № 10. С. 13.

ние (выделено автором. – И.С.); 3) если лицо без замедления, заблаговременно и с полной откровенностью указало всех участников»²¹.

Признание вины является одним из видов показания обвиняемого, которое по УПК РФ представляет собой «сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства или в суде» (ч. 1 ст. 77 УПК РФ), других вариантов закон не предусматривает, следовательно, заявление о явке с повинной показанием обвиняемого и, соответственно, признанием им своей вины не является, а является лишь поводом к возбуждению уголовного дела, т.е. установленным законом источником информации о готовящемся или совершенном преступлении. После возбуждения уголовного дела лицо, явившееся с повинной, должно быть допрошено, и только после этого сообщенные им на допросе сведения о том, что именно оно совершило преступление, будут рассматриваться как признание им своей вины. Кроме того, к явке с повинной не применяются правила о том, что обвиняемый вправе не подтвердить свои показания в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Явка с повинной не должна приравниваться к показаниям подозреваемого, обвиняемого, получение которых имеет ряд процессуальных особенностей, установленных ст. 76 и 77 УПК РФ. Эти особенности не распространяются на заявление лица, которое на момент написания явки с повинной не имеет статуса подозреваемого, обвиняемого или иного участника уголовного судопроизводства, а уголовное дело, возможно, еще и не возбуждено.

По мнению некоторых авторов, при явке с повинной необходимо полное и правдивое признание вины в совершенном преступлении²². Действительно, в большинстве случаев, это так и есть, но вполне возможны случаи, когда лицо является с повинной, но вину свою признает частично.

По мнению В. В. Ярцева, явка с повинной предполагает и чистосердечное (действительное) раскаяние лица, явившегося с повинной²³.

С позиции же УПК РФ полного и правдивого признания вины при явке с повинной не требуется, так же как не требуется и чистосердечного раскаяния.

При явке с повинной участие защитника в УПК РФ не предусмотрено. Этой ситуацией часто пользуются оперативные сотрудники. Ни для кого не секрет, что нередко они направляют свои усилия, в том числе и противозаконные, на получение признательных показаний в форме своеобразных «явок с повинной», которые пишутся спустя некоторое время после задержания подозреваемого. Совершенно очевидно, что подобные «явки» не могут считаться ни добровольными, ни явками, ни явками с повинной. Некоторые авторы оправдывают данную практику тем, что в ст. 142 УПК РФ не содержится положений, на основе которых ограничивалась бы свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения лица, явившегося с повинной, а поэтому и не предполагает присутствия адвоката²⁴.

Часто следователи представляют в качестве доказательств обвинения письменные объяснения подозреваемых, под названиями «чистосердечное признание», «добровольное сообщение», полученные от подозреваемых оперативными работниками после задержания. Совершенно очевидно, что такие «доказательства» подлежат безусловному исключению как недопустимые. Между тем М. С. Шалу-

²¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 8 : Судебная реформа. М., 1991. С. 296.

²² См.: Щерба С. П., Савкин А. В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. Значение, правовые последствия и доказывание / под общ. ред. С. П. Щербы. М., 1997. С. 17.

²³ См.: Ярцев В. В. Указ. соч. С. 17.

²⁴ См.: Васюков В. Ф. Указ. соч. С. 20–21.

мов одобряет практику, когда лица, будучи вызванными или доставленными в правоохранительные органы не «по собственному желанию», идут на сотрудничество с правоохранительными органами в результате проведенной с ними беседы, допроса и иных обстоятельств, не связанных с их прибытием в эти органы по своей инициативе. Кроме того, он считает, что письменное сообщение о явке с повинной может быть оформлено в любой форме: как в виде заявления, так и «чистосердечного признания», «объяснения сотруднику правоохранительного органа», протокола допроса свидетеля и др.²⁵ С таким толкованием закона сложно согласиться, особенно в части признания протокола допроса свидетеля явкой с повинной.

Итак, явка с повинной – одно из условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), она может быть учтена судом как обстоятельство, смягчающее ответственность, при назначении наказания, однако с процессуальной точки зрения признанием вины в том значении, которое придается ему УПК РФ, она не является, а является лишь поводом для возбуждения уголовного дела.

²⁵ См.: Шалумов М. С. Явка с повинной : смягчающее обстоятельство, повод к возбуждению уголовного дела, доказательство вины // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 42.

Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Смолькова И. В., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Baikal State University (Irkutsk)

Smolkova I. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
E-mail: Smolkovaiv@mail.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ И СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ

Статья посвящена анализу внесенных изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ по вопросам оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности. Отмечаются несоответствия, неясности в регулировании новой меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности.

THE TERMINATION OF CRIMINAL CASE OR CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITH THE APPOINTMENT OF THE MEASURES OF CRIMINAL-LEGAL CHARACTER IN THE FORM OF COURT PENALTY: CONDITIONS OF USE AND DISPUTES

The article analyzes changes introduced in the criminal code and the criminal procedure code of the Russian Federation on improving of the grounds and order of exemption from criminal liability. The author draws attention to some ambiguities in the regulation of new measures of criminal-legal character in the form of court fine.

К e y w o r d s: exemption from criminal liability, judicial fine.

Поступила в редакцию 4 июля 2017 г.

Вникните в причины всякой распушенности и вы увидите, что она истекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний.

Шарль-Луи Монтескье

В УПК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. введена глава 51.1, которая предусматривает производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности. Требования этой главы применяются в случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренной ст. 104.1 УК РФ. Согласно требованиям ст. 25.1 УПК РФ суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу

меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Судебный штраф – это денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности, которое относится к иным мерам уголовно-правового характера, а не к назначению наказания.

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу (ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ).

Законодатель предусматривает следующий порядок принятия решения о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: в ходе досудебного производства и в ходе судебного производства по уголовному делу.

Если в ходе *предварительного расследования* будет установлено, что имеются предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ основания, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Это постановление вместе со всеми материалами уголовного дела направляется в суд, а его копия направляется следователем (дознавателем) подозреваемому (обвиняемому), потерпевшему и гражданскому истцу. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56, следователь или дознаватель может возбудить такое ходатайство только при наличии согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ¹. Такое согласие получается от подозреваемого или обвиняемого без обязательной консультации с защитником (в отличие от особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением; порядком заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве).

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства должны быть изложены: описание преступного деяния, в совершении которого лицо подозревается или обвиняется, с указанием пункта, части, статьи УК РФ; доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение или предъявленное обвинение; основание для прекращения судом уголовного дела или уголовного преследования и назначения подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; указание о согласии подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию (п. 18). Если постановление о возбуждении перед судом ходатайства составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, что исключает возможность рассмотрения ходатайства и вынесения решения, судья отказывает в его принятии и возвращает вместе с материалами уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору. Постановление судьи об отказе в принятии ходатайства к рассмотрению может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном порядке.

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

Ходатайство подлежит рассмотрению единолично судьей районного или областного суда соответствующего уровня или мировым судьей, к подсудности которых относится рассмотрение соответствующей категории уголовных дел в срок не позднее 10 суток со дня поступления данного ходатайства в суд. Оно рассматривается судом по месту производства предварительного расследования и с *обязательным* участием подозреваемого или обвиняемого; защитника, если он участвует в уголовном деле; потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя; прокурора.

Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства. Исключение составляет неявка лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 в п. 25.4 указано, что участие прокурора по смыслу положений ст. 37 УПК РФ является *обязательным*. При неявке лиц в судебное заседание по уважительным причинам судья выносит постановление об отложении судебного разбирательства и повторно извещает всех участников. Возникает вопрос, почему для обеспечения порядка судопроизводства не предусмотреть применение иных мер процессуального принуждения (например, привод)? Видимо, законодатель исходит из позиции, что такая «уголовно-правовая индульгенция» в виде судебного штрафа очень интересна сторонам и на практике проблем с явкой в суд вышеуказанных лиц не будет.

По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит постановление, в котором указывает одно из следующих решений:

- 1) об удовлетворении ходатайства;
- 2) об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору. Такая правовая ситуация возможна в случае, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.

Судья в постановлении о прекращении уголовного дела (или уголовного преследования) и применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа указывает следующее:

- основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ (тяжесть совершенного преступления и т.д.);
- размер штрафа, с учетом материального положения лица и его семьи;
- срок, в течение которого лицо обязано оплатить судебный штраф;
- порядок обжалования постановления и последствия уклонения от уплаты судебного штрафа.

Копия постановления, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, вручается (направляется) лицу, в отношении которого оно вынесено, его защитнику, если он участвует в деле, потерпевшему и (или) его законному представителю, лицу, возбудившему ходатайство, прокурору и судебному приставу-исполнителю. Ко-

пия постановления суда может направляться судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной подписью.

Если в ходе *судебного* производства по уголовному делу будут установлены основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, суд одновременно с прекращением уголовного дела или уголовного преследования разрешает вопрос о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, о чем выносит постановление или определение и указывает размер судебного штрафа, порядок и срок уплаты. Суду вменено в обязанность разъяснение лицу, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначен судебный штраф в виде меры уголовно-правового характера, последствия неуплаты штрафа в установленный срок. Лицо, в отношении которого принято вышеуказанное решение, обязано предоставить сведения об уплате судебного штрафа судебному приставу-исполнителю в течение 10 дней после истечения срока, установленного для уплаты. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, если оно не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретно даты) без уважительных причин. Под уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица)².

Размер судебного штрафа определяется судьей, но он не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В случае если штраф не предусмотрен соответствующей статьей, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей (ст. 104.5 УК РФ). Размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица и его семьи, с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода.

Обращение к исполнению решения о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа возлагается на вынесший решение суд, рассматривавший уголовное дело в первой инстанции.

В случае неуплаты лицом судебного штрафа суд по представлению судебного пристава-исполнителя отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 даны разъяснения совокупности оснований для применения к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, совершение таким лицом впер-

² О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

вые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ. Под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. В данном постановлении Пленума Верховного Суда РФ не раскрыто понятие *иных* мер, не приведено никаких примеров, тем самым предоставляя широкий диапазон дискреции судей. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 в п. 25.4 указано, что участие прокурора по смыслу положений ст. 37 УПК РФ является обязательным. Но ни в УПК РФ, ни в указанном постановлении не сказано об обязательном участии защитника. В названных нормативных актах заложена следующая формулировка: «...судья обязан обеспечить своевременное извещение ... защитника, если последний участвует в уголовном деле...». Видимо, законодатель исходит из убеждения преподнесения «ценного подарка» подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления небольшой или средней тяжести в виде прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением ему меры уголовно-правового характера – судебного штрафа. Все так, если бы не наличие весьма спорных моментов.

Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве предполагает следующее:

- а) вообще его наличие при осуществлении уголовного судопроизводства;
- б) строгое разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела (невозможность возложить их на один и тот же орган или должностное лицо);
- в) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты; создает необходимые сторонам условия для осуществления их процессуальных прав и обязанностей;
- г) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Принцип состязательности и равноправия сторон является конституционным и закреплен в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

Если участие прокурора как стороны обвинения **обязательно** при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, то почему не предусмотрена обязательность участия защитника? Ведь единственный способ обеспечить равноправие и состязательность сторон – это неукоснительное выполнение правила, согласно которому, любому профессиональному обвинению должна противостоять профессиональная защита. В ином случае, даже при принятии «бесценных даров» в виде освобождения от уголовной ответственности за деньги (судебный штраф), позиция подозреваемого, обвиняемого не является однозначной. В п. 25.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ обозначены обстоятельства, препятствующие удовлетворению ходатайства об освобождении

лица от уголовной ответственности и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. К их числу относятся и такие, как отсутствие события или состава преступления, истечение срока давности уголовного преследования (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ). Следовательно, данная правовая ситуация не является недвусмысленной, предельно прозрачной, поскольку правоприменители могут и не обнаружить иные основания для освобождения лица от уголовной ответственности. Более того, действующее законодательство не предусматривает возможность *инициировать* рассмотрение вопроса о судебном штрафе никому, кроме суда, следователя с согласия руководителя следственного органа и дознавателя с согласия прокурора. Даже участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения фигурируют в усеченном составе: потерпевший не наделен правом заявления ходатайства о назначении судебного штрафа; к довершению всего закон не предусматривает обязанность дознавателя, следователя согласовывать с потерпевшим от преступления *возможность* применения судебного штрафа (т.е. возбуждение перед судом определенного ходатайства) в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Видимо, законодатель ввел очередную презумпцию – «презумпцию согласия потерпевшего». Другого мнения у потерпевшего быть не может: предположение истинно до тех пор, пока ложность такого предположения не будет бесспорно доказана. Усматривается определенная монополия на судебный штраф – преимущественное право должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, и суда, остальным же доступ даже на просьбу применения этой нормы права запрещен.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» «потерпевший, предъявивший требование о возмещении имущественного вреда, а также о компенсации причиненного преступлением морального вреда, должен быть признан гражданским истцом»³. В перечне лиц, наделенных правом апелляционного обжалования вынесенного судом решения и указанных в ч. 8 ст. 446.2 УПК РФ, не назван гражданский истец, которому должен быть возмещен ущерб или заглажен причиненный преступлением вред⁴.

У участников уголовного судопроизводства со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник) еще более плачевное положение. Если потерпевший находится под юрисдикцией правоохранительных органов, то подозреваемый или обвиняемый при применении меры уголовно-правового характера в виде штрафа оказывается в ситуации правовой изоляции, ущербности.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», право на защиту каждого, кто подвергся уголовному преследованию, признается и гарантируется Конституцией РФ (ст. 17, 45, 46, 48, 123), общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в качестве одного из

³ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

⁴ См.: Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Рос. юстиция. 2016. № 10. С. 24–26.

основных прав человека и гражданина. Порядок реализации данного конституционного права определяется УПК РФ, при применении норм которого должны учитываться правовые позиции Конституционного Суда РФ и практика Европейского суда по правам человека. Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием⁵.

В этом же постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что согласно ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве **обязательно**, если обвиняемый не отказался от него в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом участие в судебном заседании обвинителя (государственного обвинителя) не является безусловным основанием для обеспечения участия в нем защитника, поскольку обвиняемый на любой стадии производства по делу вправе по собственной инициативе в письменном виде отказаться от помощи защитника. При разрешении такого заявления суду надлежит иметь в виду, что нежелание обвиняемого пользоваться помощью защитника должно быть выражено ясно и недвусмысленно. Заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника, предусмотренный ст. 52 УПК РФ (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29). Суд принимает меры по назначению защитника во всех случаях, когда обвиняемый в судебном разбирательстве не воспользовался своим правом на приглашение защитника и при этом не заявил в установленном порядке об отказе от защитника либо такой отказ не был принят судом (п. 14 указанного постановления).

В соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство в отсутствие подсудимого может быть допущено в случае, если по уголовному делу небольшой или средней тяжести подсудимый ходатайствует о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие.

Самым отвратительным в этой ситуации является то, что участники уголовного судопроизводства со стороны защиты не могут сами инициировать решение вопроса о прекращении уголовного дела или уголовного преследования лица с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Абсолютная зависимость от волеизъявления дознавателя, следователя (как субъектов, полномочных возбуждать ходатайства перед судом о применении судебного штрафа) и суда, который принимает решение по заявленному ходатайству лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу; по своей инициативе прекращает уголовное дело или уголовное преследование и назначает судебный штраф.

Юридически сторона защиты практически выкинута из данного правового института (за исключением дачи согласия подозреваемым, обвиняемым на применение в отношении его уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа), что является грубейшим попиранием принципа состязательности и положением, уничтожающим зарождаемое разумное, соответствующее духу правового государства равновесие между сторонами защиты и обвинения. Бесспорным представляется то, что накопленный негативный опыт уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной систем (например, до недавнего времени на практике существовали только две меры пресечения – подписка о невыезде и заключение под стражу; остальные находились в неживом состоянии) должен

⁵ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

видоизменяться. Но попытки создать специальные статьи, правовые институты, дать им какое-то специальное толкование бессмысленны, пока действуют двойные стандарты. Как отметила Н. Н. Апостолова, институт судебного штрафа является своеобразным симбиозом альтернативного разрешения уголовного правового конфликта и наказания. Насколько успешно он будет применяться – покажет практика⁶. Ни одно рассудительное, здоровое государство и общество не заинтересованы в увеличении числа граждан, имеющих судимость и опыт пребывания в местах лишения свободы.

Одним из оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа является совершение преступления небольшой или средней тяжести *впервые*. По этому поводу высказываются различные точки зрения; среди теоретиков единого мнения нет. Закономерно было бы считать лицо, впервые совершившим преступление (одно или несколько, для законодателя нет разницы), которое никогда не совершало ранее преступлений, но на практике это выглядит иначе. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. (в ред. от 29.11.2016) № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», лицо считается впервые совершившим преступление, если:

а) оно совершило одно или несколько преступлений, ни за одно из которых ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор не вступил в законную силу (на момент совершения нового преступления);

в) предыдущий приговор вступил в законную силу, но ко времени совершения нового преступления имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) лицо ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Пожалуй, на смену старой схемы: украл – выпил – тюрьма пришла новая: совершил преступление – заплатил – свободен. Весьма актуальным, злободневным представляется создание качественных, всесторонне проработанных законов, а также квалифицированная профессиональная деятельность правоприменителей, для того чтобы общество, живущее в «эпоху потребления», не могло совершенно официально декларировать позицию, озвученную еще древнеримским политическим деятелем, философом Марком Туллием Цицероном: «Имеющий деньги не может быть наказан».

⁶ См.: Апостолова Н. Н. Указ. соч.

Воронежский государственный университет

*Панько Н. К., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

*Voronezh State University
Panko N. K., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process Department
E-mail: nkpanko@mail.ru*

Г. В. Стародубова, А. А. Мурашко

СОКРАЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Введение в действие Федерального закона № 433-ФЗ имело под собой цель повысить степень защиты прав и законных интересов лиц, которые были вовлечены в соответствующий вид правоотношений, что повлекло за собой в том числе увеличение прав судов апелляционной инстанции. Однако одновременно возник целый ряд проблем, связанных с увеличением числа жалоб и обращений с целью обжалования решений судов первой инстанции, что может, в свою очередь, негативно сказаться на законности вынесенных решений судом второй инстанции, который не приспособлен к подобного рода нагрузке. Цель данной статьи заключается в выдвигении идеи разрешения указанной проблемы апелляции в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: апелляционное производство, сокращенное судопроизводство, уголовный процесс, обжалование приговора.

REDUCED PRODUCTION IN THE APPEAL PROCEEDINGS

The enactment of Federal Law No. 433-FZ of the Russian Federation was aimed at improving the protection of the rights and legitimate interests of persons who were involved in the relevant type of legal relationship, which entailed, among other things, the increase in the rights of the courts of appeal. However, at the same time, a number of problems arose in connection with the increase in the number of complaints and appeals for appealing against the decisions of the first instance courts, which may in turn negatively affect the legality of the decisions rendered by the second instance court, which is not adapted to this kind of burden. The purpose of this article is to promote the idea of resolving this problem of appeal in Russia.

К е у w o r d s: appeal proceedings, abbreviated legal proceedings, criminal procedure, appeal.

Поступила в редакцию 10 августа 2017 г.

Право на обжалование процессуальных действий и решений установлено ст. 50 Конституции РФ, а в ст. 19 УПК РФ закреплено в качестве принципа уголовного судопроизводства. Свобода обжалования судебных решений предполагает особую систему гарантий прав осужденного, потерпевшего и иных лиц, заинтересованных в исходе дела. Кроме того, пересмотр судебных решений направлен на унификацию применения правовых норм.

Многочисленные современные международно-правовые акты¹, начиная со Всеобщей декларации прав человека², включают в себя указания на право каждого человека на рассмотрение его дела судом с соблюдением всех требований справедливой процедуры судебного разбирательства. Справедливость как

¹ См., например: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 г. (в ред. от 13.05.2004). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О гражданских и политических правах : международный Пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

² Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

общечеловеческая ценность³ является общепризнанным принципом международного права. Право на обжалование судебных решений рассматривается в качестве гарантии справедливости, соответственно оно не может быть ограничено.

В ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляется: «Каждый осужденный судом за совершение преступления имеет право на то, чтобы его осуждение или приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом»⁴.

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»⁵ существенным образом изменена процессуальная форма применительно к проверочным стадиям отечественного уголовного судопроизводства, направленным на максимально оперативное выявление и устранение ошибок, допущенных следственными и/или судебными органами в ходе расследования, рассмотрения и разрешения по существу уголовных дел.

После вступления в силу вышеназванных изменений права суда апелляционной инстанции значительно расширились – он наделен рядом новых возможностей, что направлено на оптимизацию и универсализацию средств защиты. Важным моментом является то, что ранее в апелляционном порядке рассматривались лишь жалобы и представления на не вступившие в законную силу приговоры и постановления, которые были вынесены мировым судьей, что было отражено в положениях ст. 354 УПК РФ, которая утратила свою силу с 1 января 2013 г. В настоящее время в указанном порядке могут быть также обжалованы решения районных судов, гарнизонных военных судов, верховных судов республик, краевых или областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области, автономного округа, окружных (флотских) военных судов, а также постановления судей Верховного Суда РФ, что следует из ст. 389.3 УПК РФ в действующей редакции.

С одной стороны, право на защиту у граждан, действительно, значительно расширилось, однако, с другой стороны, это привело к большой загруженности апелляционных судов. Число рассматриваемых дел с каждым годом растет, что может отрицательно сказаться на качестве рассмотрения уголовных дел в суде апелляционной инстанции.

Указанные выше изменения в законодательстве видятся весьма важными и по другой причине. Ранее суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобы только на решения мирового судьи, имел право вынести более строгий приговор по уголовному делу либо же отменить оправдательный приговор и вынести

³ См.: Стародубова Г. В. Справедливость как основа правового регулирования уголовного-процессуальных отношений // Правовое регулирование : проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Воронеж, 2–4 июня 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 496.

⁴ Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод : подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обвинительный самостоятельно. Это было обусловлено тем, что в апелляционном порядке предполагается рассмотрение уголовного дела по существу, исследование и оценка доказательств сторон обвинения и защиты в ходе судебного следствия, что влечет за собой формирование у суда апелляционной инстанции своих собственных выводов, которые могут кардинально не совпадать с выводами суда первой инстанции. Более того, закон в апелляционном порядке допускал обжалованию иные судебные постановления, помимо приговора мирового судьи. В таких случаях предметом рассмотрения являлись обстоятельства, непосредственно не связанные с вопросом о виновности в совершении преступления осужденного, оправданного либо лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. В подобных ситуациях районный суд мог также принять иное решение в сравнении с обжалуемым актом. К примеру, ранее при обжаловании лицом такой меры пресечения, как подписка о невыезде, суд второй инстанции, исследовав материалы дела по существу, мог избрать более строгую меру пресечения. Наличие такого права у апелляции было связано и с тем, что решение суда апелляционной инстанции не вступало в законную силу немедленно – имелась кассационная инстанция, в которой можно было обжаловать более строгое решение суда второй инстанции.

В связи с вступлением в законную силу положений Федерального закона № 433-ФЗ апелляционный суд лишился права ухудшить положение оправданного лица, но возможность изменить обвинительный приговор в худшую сторону осталась, однако с рядом ограничений. Такое решение может быть принято только при наличии апелляционного представления прокурора, апелляционной жалобы потерпевшего и других лиц, которые являются участниками процесса со стороны обвинения. Данные изменения были связаны с тем, что решение пореформенного суда апелляционной инстанции вступает в силу немедленно. При сохранении возможности вынести во второй инстанции обвинительный приговор, отменив оправдательный, осужденные за совершение преступления лишатся права на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном законом. Кроме того, это приведет к отсутствию у данных лиц права на рассмотрение уголовного дела, разрешенного обвинительным приговором, по существу, в двух инстанциях.

В настоящее время существуют проблемы, которые не позволяют судам апелляционной инстанции максимально эффективно производить пересмотр дел. Так, правом на обжалование обладает достаточно широкий круг лиц. Безусловно, это в полной мере соответствует принципу свободы обжалования, обеспечению полноты процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Однако проблемы связаны именно с огромным числом апелляционных жалоб, которые поступают в суд. Некоторые ученые полагают, что это связано с низким уровнем осуществления правосудия в судах первой инстанции⁶, а также с невысоким качеством осуществления досудебного производства. Однако апелляционное производство не приспособлено для подобного объема уголовных дел.

Одним из вариантов разрешения данной проблемы является ограничение подачи апелляционной жалобы в суд. Так, возможно введение ограничений в

⁶ См.: Рудакова С. В. Проблемы расширения апелляции в российском уголовном процессе // Рос. судья. 2013. № 3. С. 27.

зависимости от характера или размера вреда, причиненного преступлением или от тяжести совершенного преступления, размера наказания, меры пресечения. В таком случае право на обжалование в суде апелляционной инстанции будет зависеть именно от указанных условий. К примеру, возможность подачи апелляционной жалобы по уголовному делу небольшой тяжести исключается. По логике приговор суда по такому уголовному делу должен сразу вступать в законную силу и обращаться к исполнению. Закономерным результатом будет существенное сокращение объема уголовных дел в суде апелляционной инстанции. Л. А. Воскобитова совершенно верно отмечает, что подобное решение проблемы подразумевает нарушение конституционного права гражданина на судебную защиту⁷. Более того, ограничение права на обжалование приговора или иного решения суда первой инстанции в апелляционном порядке по приведенным основаниям противоречит законодательно закрепленному назначению уголовного судопроизводства, ибо защита как интересов потерпевших, так и интересов обвиняемых в случае судебной ошибки исключается до вступления судебного решения в силу.

Представляется, что выходом из данной ситуации может быть дифференциация процессуальной формы апелляционного производства путем исключения из него процедуры исследования доказательств при пересмотре всех решений суда первой инстанции по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, кроме обвинительных приговоров, а обвинительных приговоров при условии, что наказание, назначенное таким приговором, не связано с лишением свободы. Применительно к остальным судебным актам процедура апелляционного пересмотра должна сохраниться в полном объеме.

Повод к такой дифференциации дает ст. 2 Протокола №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸. В данной статье при признании за осужденным права на пересмотр приговора делается оговорка: «Из права осужденного на пересмотр его дела вышестоящим судом могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений, определенных законом, или когда соответствующее лицо было судимо уже в первой инстанции высокого уровня или было осуждено после рассмотрения апелляции против его оправдания».

Ограничение права на апелляционное обжалование по делам отдельных категорий путем запрета подачи апелляционной жалобы, как нам видится, будет противоречить ч. 3 ст. 50 Конституции РФ, которая не содержит изъятий. В то же время упрощенный порядок апелляционного пересмотра уголовных дел о преступлениях, степень общественной опасности которых относительно невелика, одновременно позволил бы разгрузить суды апелляционной инстанции при сохранении возможности исправить следственно-судебную ошибку до вступления приговора в законную силу.

Наличие в судебной системе России судов апелляционной инстанции позволяет не допустить вступления в законную силу и, соответственно, исполнения

⁷ См.: Воскобитова Л. А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. №12. С. 1619–1624.

⁸ Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод : подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приговоров, которые являются незаконными, необоснованными и несправедливыми⁹, что, в свою очередь, препятствует применению правовых санкций к лицам, вина которых в полной мере не является доказанной, а также защитить от неправоудного решения права потерпевшего и иных лиц, участвующих в деле. Однако учитывая постоянное увеличение числа обращений граждан в суд второй инстанции, следует заметить, что указанная проблема требует скорейшего решения, иначе апелляция, которая не приспособлена к такой нагрузке дел, не сможет в полной мере выполнять свое предназначение.

⁹ См.: Стародубова Г. В. Установление истины в уголовном процессе. Воронеж, 2010. С. 110.

Воронежский государственный университет
Стародубова Г. В., кандидат юридических наук, доцент,
исполняющая обязанности заведующего кафедрой
уголовного процесса

Воронежский областной суд
Мурашко А. А., секретарь судебных заседаний

Voronezh State University
Starodubova G. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Acting Head of the Criminal Process Department
E-mail: gv_starodubova@mail.ru

Voronezh Regional Court
Murashko A. A., Court Session Secretary
E-mail: alenyshka94@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ, СВЯЗАННЫЕ С РАСШИРЕНИЕМ ЕГО КОМПЕТЕНЦИИ

Рассмотрены вопросы расширения компетенции института присяжных заседателей. Анализируются некоторые положения действующего процессуального законодательства и вносятся предложения по его совершенствованию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суд присяжных, коллегия присяжных, компетенция присяжных, полномочия присяжных.

SOME QUESTIONS OF IMPROVEMENT OF TRIAL BY JURY RELATED TO THE EXTENSION OF ITS COMPETENCE

In article questions of expansion of competence of the Institute of jurors. Analyses some of the provisions of the current procedure and suggestions for its improvement.

К e y w o r d s: jury, jury competence, jury powers.

Поступила в редакцию 10 июля 2017 г.

В правовом государстве полноценная защита прав и свобод человека неразрывно связана с существованием состязательного судопроизводства, одним из признаков которого является институт народного представительства в суде. Дальнейшему обоснованию развития демократических основ судебной деятельности послужило обсуждение принятого решения о расширении компетенции института присяжных заседателей в районных и гарнизонных военных судах IX Всероссийским съездом судей¹.

История развития законодательства свидетельствует о том, что суд присяжных был основан в Англии, затем французский законодатель позаимствовал названный институт. Что же касается российского законодателя, то следует отметить длительный период его возрождения; это обусловлено изучением исторических аспектов законодательства и исследованием опыта зарубежных положений практики и закона и, конечно, наличием различных мнений ученых.

Проблемы, связанные с реформированием судостроительства и судопроизводства обсуждались, обсуждаются и, видимо, будут обсуждаться². Отношение к идее возрождения института суда присяжных неоднозначно. Это объясняется, с одной стороны, тем, что, восстановив суд присяжных, законодатель расширил формы судопроизводства, чем обеспечил реальное обоснование наличия таких принципов,

¹ См.: Материалы IX Всероссийского съезда судей // Рос. юстиция. 2017. № 2. С. 2.

² См.: Суд присяжных в России и мировой опыт. СПб., 1998. С. 5; Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006; Курс уголовного процесса / под ред. Л. К. Головки. М., 2016. С. 535–561.

© Сыщикова Т. М., 2017

как состязательность, презумпция невиновности, равноправие сторон, а также положения, касающиеся исключения из судебного разбирательства доказательств, полученных с нарушением закона. С другой стороны, возрождение суда присяжных поставило перед юридической наукой, законодателем и практическими работниками новые правовые и моральные проблемы, а с расширением компетенции исследуемого института в условиях экономического кризиса – и большие материальные проблемы.

В суде присяжных принцип состязательности реализуется в полной мере, так как судья – председательствующий обязан создать условия, необходимые для реального равноправия сторон обвинения и защиты, и тем самым не повлиять на объективность принятого решения присяжными заседателями.

На протяжении длительного периода наличие принципа состязательности обсуждалось как в литературе, так и практическими работниками.

Основания споров были следующие:

1. Якобы наличие недостаточно равных прав в представлении доказательств, участии в их исследовании, заявлении отводов и ходатайств.

2. Отсутствие в законе термина «состязательность».

Однако анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель идет по пути обоснования наличия состязательности в уголовном процессе. Это проявляется в следующих положениях:

а) уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности;

б) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо;

в) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;

г) стороны обвинения и защиты равноправны перед судьей.

Более того, в УПК РФ наличествует положение, в соответствии с которым переписка, запись телефонных и иных переговоров, телеграфные, почтовые и иные сообщения лиц могут быть оглашены в открытом судебном заседании только с их согласия. Наличие согласия, видимо, можно также считать элементом состязательности в уголовном процессе. Перечисленные положения говорят о состязательности как показателе цивилизованности судебного разбирательства.

На дальнейшее укрепление и развитие демократических основ уголовного судопроизводства, повышение открытости правосудия и доверия общества суду направлено и принятие законов о введении суда присяжных в районных судах и гарнизонных военных судах³.

Новые положения закона расширяют роль присяжных заседателей, укрепляют статус районных и гарнизонных военных судов, что, конечно, является большим плюсом в обосновании демократичности судостроительства и судопроизводства. Однако, как отмечалось, многие аспекты организации и деятельности института присяжных заседателей далеко не совершенны. Расширение компетентности рассматриваемого института повлечет возникновение значительного числа проблем, это: вопросы подготовки судей-профессионалов к особой деятельности руководства непрофессионалами – представителями народа; вопросы ведения судебного

³ См.: Материалы IX Всероссийского съезда судей // Рос. юстиция. 2017. № 2. С. 10.

процесса судьями-профессионалами; вопросы, связанные с особой методикой поддержания обвинения; вопросы особой тактики защиты; наконец, не менее важный аспект – финансирование, т.е. бюджетные затраты⁴.

Законом предусмотрено правило, согласно которому по распоряжению председательствующего секретарь судебного заседания или помощник судьи производит отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков путем случайной выборки. Следует предусмотреть правило, согласно которому кандидаты выдвигались бы трудовыми коллективами, тем более что в настоящее время эта тенденция по многим вопросам возрождается.

Важным вопросом является явка кандидатов в присяжные заседатели: приглашается достаточно большое количество граждан для участия в осуществлении правосудия, однако отзываются на вызовы-приглашения далеко не многие. Но даже и те, кто изъявил желание работать в качестве присяжных и отозвался на приглашение, могут быть отклонены от участия техническими работниками суда по неизвестным причинам, возможно, по субъективным факторам. Подобная практика, к сожалению, существует.

Участие граждан в качестве присяжных заседателей в отправлении правосудия является гражданским «долгом». Однако такое законодательное решение не снимает проблем, возникающих на практике, поскольку наличие термина «долг» не предполагает в дальнейшем наступления ответственности за его неисполнение. Ответственность за неявку в суд без уважительной причины присяжного заседателя в соответствии с ч. 3 ст. 333 УПК РФ не решает вопроса о привлечении к ответственности присяжных, так как в данном случае ответственность возможна только тогда, когда граждане стали участниками уголовного судопроизводства, приобрели статус и приняли присягу. Более того, даже будучи участником процесса, формулировка, что присяжный заседатель «может быть» подвергнут применению санкции, предполагает альтернативный вариант решения, т.е. может и не быть. Такое неопределенно-альтернативное предложение законодателя порождает также массу нюансов при решении рассматриваемого вопроса. Поэтому в законе следует предусмотреть основания, наличие которых повлечет наступление мер юридического воздействия.

В процессе отбора присяжных заседателей активное участие предоставляется законодателем сторонам. Они вправе задавать уточняющие вопросы через председательствующего в письменном виде, что позволяет избежать неконкретных вопросов, вопросов не по существу дела. Если же вопрос отклоняется судьей, сторона задавшая его, вправе потребовать занесения подобного обстоятельства и его мотивов в протокол судебного заседания. Видимо, законодатель изучил зарубежный опыт задавать вопросы в письменной форме. Так, в судах штата Калифорния стороны имели право задавать вопросы присяжным на предмет отводов лично, поэтому процесс отбора был более длительным, чем все исследование доказательств⁵.

Пунктом 4 ст. 328 УПК РФ предусмотрено правило, согласно которому председательствующий произносит перед кандидатами в присяжные заседатели краткое вступительное слово, в котором сообщает: «...какова предполагаемая продолжительность судебного разбирательства». Продолжительность – это временная кате-

⁴ См.: Материалы IX Всероссийского съезда судей // Рос. юстиция. 2017. № 2. С. 10.

⁵ См.: *Стивен Т.* Формирование скамьи присяжных в России и США // Рос. юстиция. 1996. № 7. С. 6.

гория, явление, т.е. председательствующий считает возможным в обозначенный период исследовать и оценить доказательства с точки зрения не только достаточности, но и достоверности. Такое законодательное решение вопроса может повлечь ошибочно сложившееся мнение присяжных заседателей о предрешении вопроса о виновности подсудимого, что противоречит принципам уголовного судопроизводства в части состязательности, презумпции невиновности.

Представители народа в силу особенности построения данной формы судопроизводства практически не должны подвергаться влиянию со стороны председательствующего и быть независимыми от него. Однако далеко не многие практические работники уяснили существенные отличия полномочий присяжных, которые решают вопросы «факта», и судей-профессионалов, которые решают вопросы «права», т.е. вопросы, составляющие содержание деятельности суда присяжных заседателей. Разумеется, для совершенствования деятельности института присяжных заседателей необходимы особые познания в психологии ведения процесса судьями-профессионалами.

Важным элементом законности является положение об исключении из дела недопустимых доказательств (допустимость – возможность, позволительность, разрешительность)⁶. В предварительном слушании вопрос допустимости доказательств решается либо по инициативе судьи, либо по ходатайству стороны (п. 5, 6 ст. 335 УК РФ).

В отличие от других форм судебного разбирательства особенно важно, чтобы недопустимые доказательства были исключены из дела на стадии, когда еще не участвуют присяжные заседатели. Своевременное решение вопроса о недопустимости доказательств позволит избежать влияния на формирование мнения присяжных заседателей, что неизбежно при исследовании таких доказательств в ходе судебного следствия.

В соответствии с действующим законодательством (ч.1 ст. 330 УПК РФ) избранная коллегия до приведения присяжных заседателей к присяге может быть распущена, если с учетом особенностей дела она окажется неспособной вынести объективный вердикт. На практике при условии активной реализации права сторон на мотивированный либо немотивированный отвод в ходе формирования коллегии присяжных заседателей такое решение принимается крайне редко.

Уголовно-процессуальный закон не содержит нормы, которая регулировала бы вопросы, связанные с роспуском коллегии присяжных заседателей после принятия ими присяги. Однако на практике возможны ситуации, когда возникает необходимость в принятии решения о роспуске коллегии в связи с различными обстоятельствами.

В соответствии с законом присяжные заседатели, входящие в состав коллегии, в совещательной комнате открытым голосованием избирают большинством голосов старшину (ст. 331 УПК РФ), который впоследствии руководит ходом совещания присяжных заседателей и решает другие вопросы, перечисленные в ст. 333 УПК РФ. Данное положение также вызывает множество вопросов, например: какими критериями необходимо руководствоваться при избрании старшины, поскольку члены коллегии не знают друг друга, им не знаком их род занятий, деловые, моральные качества или эти знания носят крайне поверхностный характер. Следует предусмотреть конкретные требования, которые предъявляются к старшине присяжных заседателей. Кроме того, видимо, голосование, связанное

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975. С. 101.

с выбором старшины, следует сделать тайным, что будет в большей степени соответствовать общим демократическим положениям.

Таким образом, законодатель, продолжая расширять сферу деятельности института присяжных заседателей, оставляет пробелы в действующих новеллах, что, безусловно, не лучшим образом отражается на практике. В связи с этим полагаем, что законодательство, касающееся института присяжных заседателей, нуждается в совершенствовании, четкости и последовательности правовых норм.

Воронежский государственный университет

Сыщикова Т. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Syschikova T. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department

Tel.: 8(473) 220-82-51

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА

Статья посвящена анализу положений Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Исследуется также необходимость создания профессиональных стандартов в правовой работе, в том числе в адвокатской деятельности. Рассмотрены этические аспекты деятельности адвоката-защитника в свете положений Стандарта, а также затронуты связанные с этим вопросы дисциплинарной ответственности адвоката.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональный стандарт, уголовный процесс, адвокат-защитник, этика адвоката, дисциплинарная ответственность адвоката.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF PROVISIONS OF THE PROFESSIONAL STANDARD OF ACTIVITY OF THE LAWYER DEFENDER

Article is devoted to the analysis of provisions of the Standard of implementation by the counsel for the defense in criminal trial. Also need of creation of professional standards for legal work including in lawyer activity is investigated. Ethical aspects of activity of the lawyer defender in the light of provisions of the Standard are considered, the questions of disciplinary responsibility of the lawyer connected with it are also raised.

К e y w o r d s: professional standard, criminal procedure, lawyer defender, ethics of the lawyer, disciplinary responsibility of the lawyer.

Поступила в редакцию 3 июля 2017 г.

В настоящее время стандартизация затрагивает все сферы жизни человека, в том числе и сферу профессиональных отношений. Стандарты оказания медицинской помощи, образовательные стандарты, электронный документооборот, построенный на четких алгоритмах постановки и решения задач, – уже вполне привычны и обыденны. Стандартизация, не обошла стороной и область применения юридических знаний, умений и навыков.

Крупнейшие корпорации уже автоматизируют претензионную, исковую работу через соответствующее программное обеспечение. Работа юриста все больше стандартизируется. Даже такая юридическая профессия, как адвокат, всегда считавшаяся творческой, где каждое новое дело – «штучный товар», к сожалению или к счастью, становится областью стандартизации.

Комиссия Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам 17 апреля 2017 г. приняла «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» (далее – Стандарт), а 20 апреля того же года – Обращение «О соблюдении норм Кодекса профессиональной этики адвоката и стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве». Стандарт содержит минимальный набор действий адвоката-защитника в рамках уголовного дела. Провозглашенными целями Стандарта являются следующие: обеспечение во всех случаях, в большей степени при защите по назначению, оказания квалифициро-

ванной юридической помощи; создание объективных критериев для оценки качества работы адвоката со стороны доверителя и профессионального сообщества.

В то же время Стандарт сложно назвать стандартом в полном смысле этого слова, так как в нем закреплены лишь общие положения, касающиеся работы адвоката в уголовном судопроизводстве. Стандартом вводятся новые правила относительно выбора позиции и тактики защиты, при этом ничего не говорится о необходимости и объеме документирования данного процесса. Сложилось две точки зрения на эту проблему: 1) документирование не нужно и даже вредно (спор с доверителем, адвокатская тайна и т.д.); 2) документирование необходимо. Сторонники второй позиции, например президент и вице-президенты адвокатской палаты Ханты-Мансийского автономного округа, подготовили проекты соответствующих документов, которые адвокат, по их мнению, должен составлять во исполнение положений Стандарта.

Еще более важная проблема, появившаяся вместе со Стандартом и указанным выше Обращением Федеральной палаты адвокатов, заключается в том, что появляется целый пласт оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Статья 19 Кодекса профессиональной этики адвоката говорит о том, что «неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства». Как известно, в Кодексе профессиональной этики адвоката не предусмотрены конкретные проступки, влекущие за собой привлечение к дисциплинарной ответственности. Стандарт же формулирует определенный перечень и порядок действий адвоката-защитника, позволяя в случаях отступления от алгоритма или несовершения обязательных действий адвокатом привлечь его к дисциплинарной ответственности, что резко расширяет круг дисциплинарных проступков адвоката. По мнению многих практикующих адвокатов, подобная ситуация может повлечь создание механизмов давления на их коллег со стороны адвокатских палат и фактически обеспечить заинтересованных лиц дополнительными способами борьбы с неудобными по тем или иным причинам адвокатами.

Однако Стандарт не должен сделать работу адвоката в уголовном судопроизводстве излишне прогнозируемой. Иначе процессуальные оппоненты адвоката-защитника обязательно воспользуются возможностью создания эффективных методик и тактик по противодействию работе адвоката.

К несовершенствам Стандарта можно отнести и то, что он регламентирует деятельность только адвоката-защитника, при этом деятельность, например, адвоката – представителя потерпевшего никак не регламентирована.

Пункт 2 Стандарта говорит: «Защита по уголовному делу осуществляется на основании ордера», что представляется совершенно неуместным. Данное требование сформулировано в законе, поэтому не нуждается в подтверждении с помощью правил, сформулированных профессиональным сообществом. Вторая часть п. 2 Стандарта утверждает, что «после оформления ордера адвокату следует вступить в уголовное дело в качестве защитника», и представляется чрезвычайно вредной для сложившейся практики защиты по уголовному делу. Императивное указание Стандарта не учитывает сложившейся практики осуществления защиты без обязательного и срочного вступления в дело. Принимая поручение на оказа-

ние юридической помощи лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, адвокат на стадии предварительного расследования должен иметь возможность оказывать ее без незамедлительного вступления в уголовное дело. Тогда адвокат может эффективно оказывать юридическую помощь своему доверителю с использованием правового инструментария, предоставляемого ему Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». По согласованию с доверителем, адвокат реализует свое право на допуск к материалам уголовного дела лишь тогда, когда возникает необходимость воспользоваться процессуальными полномочиями защитника, определяемыми п. 5–11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Требование Стандарта о немедленном «вступлении в уголовное дело» существенно ограничивает возможности защиты в уголовном судопроизводстве, в связи с чем не будет принято действующими адвокатами.

В п. 5 Стандарта происходит максимальное приближение к тому, что можно назвать защитой по уголовному делу. Пункт «а» указывает, что адвокат «принимает меры к выяснению существа обвинения». Но это еще не защита, а всего лишь ее необходимая предпосылка. Дальнейший текст п. 5 Стандарта не выдерживает критики, поскольку предлагает конкретный способ выяснения существа обвинения, а именно «посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного». Уголовно-процессуальный закон не знает документов, составленных с участием подзащитного. Статья 166 УПК РФ устанавливает, что протоколы следственных действий составляются должностными лицами соответствующих органов. Никакого участия в составлении протоколов следственных действий лица, привлекаемые к уголовной ответственности, не принимают.

В качестве другого способа ознакомления с «существом обвинения» авторы Стандарта предлагают ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подзащитному. Упомянутые «иные документы» в подавляющем большинстве не содержат ничего, что могло бы помочь адвокату в выяснении существа обвинения. Единственным источником выяснения существа обвинения для адвоката-защитника является содержание постановления о привлечении доверителя в качестве обвиняемого за совершение инкриминируемого ему деяния. Отдельного упоминания заслуживает формулировка в п. 6 Стандарта, когда адвокат должен «по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно». Несколько нелепая и, как представляется, не слишком профессиональная формулировка положений, которые должны стать азбукой для адвоката.

Авторы Стандарта усмотрели всего два требования к защитникам «в процессе осуществления защиты», что свидетельствует о недопустимом сужении ими понятия защиты от уголовного преследования. Содержащиеся в подп. «а» п. 8 Стандарта требования о разъяснении подзащитному его «процессуальных прав и обязанностей» и применяемых по делу «норм материального и процессуального права» носят сугубо формальный характер и не имеют ничего общего с деятельностью защитника.

Подпункт «б» п. 8, обязывающий защитника оказывать подзащитному помощь «в ознакомлении с материалами дела» и «в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов», наводит на мысль о том, что современные адвокаты не способны реализовать свой профессиональный потенциал в каких-либо других формах, кроме оказания помощи подзащитному «в написании ходатайств,

жалоб и иных процессуальных документов». К тому же «ознакомление с делом» происходит по окончании расследования. Получается, что Стандарту нечего порекомендовать адвокатам-защитникам на этапе от возбуждения уголовного дела до ознакомления с материалами дела.

В п. 17 Стандарта указывается, что «адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов».

Все основания для выхода адвоката-защитника из дела уже установлены законом; крайне удивительно, что, по мнению авторов Стандарта, Комиссией Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам установлены или будут установлены в будущем случаи, при которых защитник может выйти из дела до полного исполнения принятых на себя обязательств. Это невозможно, поскольку начало и окончание участия защитника в деле являются чрезвычайно важными моментами уголовного судопроизводства, по которым могут быть лишь законодательные решения.

Говорить можно еще о многом. Выше представлено мнение лишь по наиболее «приглянувшимся» пунктам Стандарта. Подводя итог, можно резюмировать, что произошедшая стандартизация не сможет привести к повышению качественного уровня профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве, особенно проводимой по назначению. При самом плохом развитии событий она вызовет падение этого уровня, приводя к определенной пассивности защитников, якобы выполнивших все возможные защитные действия в отношении своих доверителей. Одним «выяснением существа обвинения», без критического к нему отношения, без ознакомления со всеми материалами дела, касающимися доверителя, без определенной свободы и творческого подхода к своей работе, добиться целей принятия Стандарта будет архисложно. Хотелось бы, чтобы Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве стал основой для развития российской адвокатуры, а не тормозом в ее поступательном движении.

Воронежский государственный университет

Шабанов П. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

*Shabanov P. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
E-mail: pshabanov@rambler.ru*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИММУНИТЕТОВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Анализируется роль и значение международных иммунитетов должностных лиц государств по международному праву *ratione personae* (персональный), *ratione materiae* (функциональный) и принципов индивидуальной уголовной ответственности и неотвратимости наказания за военные преступления. Проведено соотношение принципов индивидуальной уголовной ответственности и неотвратимости наказания и международных иммунитетов. Доказывается приоритет принципов индивидуальной уголовной ответственности и неотвратимости наказания перед международными иммунитетами при осуществлении преследования в зависимости от того, какие органы уголовной юстиции осуществляют уголовное преследование – национальные или международные.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: иммунитеты должностных лиц государств по международному праву, ответственность должностных лиц за совершение военных преступлений.

ROLE AND IMPORTANCE OF IMMUNITIES OF OFFICIALS INVOLVED IN THE MILITARY CRIMES

*In this article the author analyzes the role and the importance of international immunities of governmental officials according with principals of international Law of *ratione personae*, *ratione materiae*, individual criminal responsibility and inevitability of punishment for military crimes. The analysis carried out by the author allows proving the priority of the principles of individual criminal responsibility and inevitability of punishment over international immunity while conducting the investigation depending on which body is conducting the criminal investigation-national or international.*

К е у w o r d s: immunities of officials according to the International Law, responsibility of officials for military crimes.

Поступила в редакцию 15 сентября 2017 г.

Принцип недопустимости ссылки на должностное положение является нормой обычного международного права. Никто не ставит под сомнение тот факт, что руководители государств, высокопоставленные государственные служащие, высшие военные командиры должны нести ответственность за совершенные ими преступления. Это, по сути, является одним из ярких примеров реализации принципа индивидуальной уголовной ответственности в международном праве¹. Принцип недопустимости ссылки на должностное положение нашел свое выражение во всех Уставах международных и гибридных уголовных судов. Наиболее полное и развернутое его выражение содержится в ст. 27 Статута МУС. Часть 1 ст. 27 Статута устанавливает, что «Статут применяется в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора».

¹ См.: Адельханян Р. А. Военные преступления в современном мире. М., 2006. С. 66.

© Григорян Г. М., 2017

Часть 2 устанавливает, что «иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица». Однако ст. 27 Статута МУС должна рассматриваться в совокупности с нормами, регулирующими взаимодействие государств – участников Статута и МУС, в частности в совокупности с ч. 1 ст. 98 Статута, по которой «суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета». Следовательно, МУС правомочен привлекать к уголовной ответственности высших должностных лиц государств – участников Римского статута и только в том случае, если обвиняемым является наделенное международным иммунитетом должностное лицо «третьего государства», суд обязан сначала заручиться согласием этого государства.

В период с 1990 по 2008 г. 67 глав государств (или правительств) из 43 государств мира были привлечены к ответственности за совершение уголовных преступлений (в основном серьезных нарушений прав человека и финансовых нарушений). Среди подсудимых – главы 32 государств Латинской Америки, 16 – Африки, 10 – Европы, 7 – Азии и 2 – Ближнего Востока². В процентном соотношении данные об уголовных преследованиях глав государств по регионам распределены следующим образом: 48 % – Латинская Америка, 23 % – Африка, 15 % – Европа, 11 % – Азия, 3 % – Ближний Восток³. При этом судебные преследования осуществлялись как в рамках национальной судебной системы, так и органами международной уголовной юстиции. Из указанных дел только в половине случаев были вынесены обвинительные приговоры, а в отношении бывшего главы Ирака С. Хусейна обвинительный приговор предусматривал в качестве меры наказания смертную казнь⁴. Так, судебный процесс в Великобритании над бывшим чилийским диктатором генералом А. Пиночетом стал примером для возбуждения уголовного преследования в национальных судах в отношении высших должностных лиц иностранных государств⁵. С 1998 по 2001 г.⁶ были попытки осуществить уголовное преследование Президента Демократической

² Цит. по: *Скуратова А. Ю.* Международные преступления : современные проблемы квалификации. М., 2015. С. 62. См. также: *Prosecuting Heads of States / eds.by. E.L. Lutz, C. Reiger.* Cambridge, 2009. P. 12–14.

³ См.: Там же.

⁴ 5 ноября 2006 г. бывший президент Ирака Саддам Хусейн Абдель Маджид аль-Тикрити, бывший глава иракской разведки Баразан Ибрагим ат-Тикрити (двоюродный брат Хусейна) и глава Революционного совета Аввад Хамид аль-Бандар были приговорены Иракским Высшим Уголовным Судом (ИВУС) к смертной казни через повешение за преступления против человечности (они признаны виновными в убийстве 148 шиитов в населенном пункте Эд-Дуджейль в 1982 г.).

⁵ См.: *United Kingdom high Court of Justice, Queen’s Bench Division (Divisional Court): In Re Augusto Pinochet Ugarte, ILM Vol. 38 (1999) p. 68, at pp. 68–90 ; United Kingdom House of Lords: Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis, Ex parte Pinochet, ILM vol. 37 (1999) p.1302, at pp. 1302–1339 ; United Kingdom House of Lords: Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis, Ex parte Pinochet, ILM Vol. 38 (1999) p. 581, at pp. 581–663.*

⁶ См.: *Borghesi A.* L’immunité des dirigeants politiques en droit international, Helbing & Lichtenhahn, Geneve, 2003. P. 361 – 369 ; *Dailler P., Pellet A.* Plusieurs affaires qui ont de fraye la chronique a la fin des années 1990 ont pose la question des limites de l’immunité de juridiction dont disposaient les chefs d’Etats ou anciens chefs d’Etats. Droit international public, Nguyen Quoc Dinh, 7e edition, Paris, 2002. P. 453.

Республики Конго Л. Д. Кабиллы в Бельгии в 1998 г.,⁷ премьер-министра Израиля А. Шарона в Бельгии в 2001–2002 гг.,⁸ бывшего Президента Чада Х. Хабре в 2001 г. в Сенегале⁹. МТБЮ в 2000 г. подписал обвинительное заключение в отношении С. Милошевича, который в то время еще занимал пост Президента бывшей Республики Югославия и который обвинялся в геноциде боснийских мусульман в городе Сребренице в июле 1995 г., преступлениях против человечества и военных преступлениях¹⁰. Однако до вынесения приговора суда С. Милошевич умер в тюремной больнице. Он так и не стал первым в истории действующим главой государства, который был привлечен к уголовной ответственности за международные преступления, так как был арестован и передан Югославскому трибуналу уже после того, как покинул пост президента¹¹. МТР осудил бывшего премьер-министра страны Жана Камбанду, но в отличие от дела Милошевича обвинительное заключение в отношении Камбанды было вынесено в 1997 г., т.е. когда он уже не пользовался персональным иммунитетом¹². 30 мая 2012 г. Специальным судом по Сьерра-Леоне был вынесен приговор бывшему президенту Либерии Чарльзу Тейлору, который признан виновным в совершении международных военных преступлений в соседнем государстве Сьерра-Леоне во время гражданской войны 1991–1997 гг.¹³

Таким образом, сформировавшаяся судебная практика привлечения к ответственности высших должностных лиц доказывает отказ от материального и процессуального иммунитета высокопоставленных должностных лиц и демонстрирует признание приоритета преследования международных преступлений над иммунитетом международных иммунитетов бывших глав государств, т.е. использовать какие-либо иммунитеты при преследовании высших должностных лиц за совершение военных преступлений невозможно.

Тем не менее далеко не во всех случаях главы государств и другие высокопоставленные лица привлекаются к уголовной ответственности за совершение военных (международных) преступлений. Нежелание противоборствующих сторон вооруженного конфликта преследовать своих граждан – военных преступников, к которым население часто относится как к «героям», и отсутствие обязывающего эффективного правового механизма розыска, задержания и передачи военных преступников является одним из деструктивных факторов при расследовании военных преступлений¹⁴.

⁷ См.: Arrest warrant of 11 April 2000 (democratic Republic of Congo v. Belgium), Judgment of 14 February 2002. URL: <http://www.icj-cij.org> (дата обращения: 18.05.2012).

⁸ См.: H.A.S. v. Ariel Sharon, Belgium Court of Cassation, (2003) 42 ILM 596.

⁹ См.: *Borghini A.* L'immunité des dirigeants politiques en droit international, Helbing & Lichtenhahn, Geneva, 2003. P. 361–369; *Dailler P., Pellet A.* Plusieurs affaires qui ont de fraye la chronique a la fin des années 1990 ont pose la question des limites de l'immunité de juridiction dont disposaient les chefs d'Etats ou anciens chefs d'Etats. Droit international public, Nguyen Quoc Dinh, 7e edition, Paris, 2002. P. 453.

¹⁰ См.: *Magliveras K. D.* The Interplay Between the Transfer of Slobodan Milosevic to the ICTY and Yugoslav Constitutional Law // *European Journal of International Law.* 2002. P. 661–677.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: International Criminal Tribunal for Rwanda, Prosecutor v. Jean Kambanda. Indictment of 16 October 1997. ICTR-97-23-DP. Para. 1–2.

¹³ См.: URL: <http://www.charlestaylortrial.org> (дата обращения: 01.03.2017).

¹⁴ Такое положение дел влечет за собой заключение таких соглашений, как, например, секретный Меморандум о взаимопонимании МТБЮ с НАТО от 1996 г. Силы по стабилизации (СПС) в Боснии и Герцеговине и Силы для Косово (СДК), находящиеся под командованием НАТО, оказывали активное содействие канцелярии Прокурора МТБЮ. Они предоставляли канцелярии Прокурора материально-техническую поддержку и обеспечивали охрану проводимых ее сотрудниками эксгумаций в местах массовых захоронений и других следственных действий, а также при проведении операций по исполнению ордеров на обыск и арест. Военнослужащие

В процессе расследования военных преступлений необходимость взаимопомощи особенно очевидна, когда противоборствующей стороне вооруженного конфликта надлежит разыскать, задержать и передать лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений. Юридическим препятствием для реализации принципа недопустимости ссылки на должностное положение (ст. 27 МУС) является противоречивость ряда положений Статута МУС и фундаментальных международно-правовых норм об иммунитетах глав государств и членов правительства от иностранного уголовного преследования, и конституционно-правовых запретов на передачу лиц суду (ст. 89 МУС), а также отсутствие единообразной практики международных и национальных органов уголовной юстиции по привлечению к ответственности действующих и бывших руководителей государств на основании принципов общей универсальной и экстерриториальной юрисдикции. Более того, универсального международно-правового документа, который четко устанавливал институт юрисдикционных иммунитетов высших должностных лиц государства, пределы действия этого иммунитета и случаи, когда иммунитет может быть снят с должностного лица, в настоящее время не существует. Комиссия международного права в рамках темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» разработала ряд проектов, которые находятся в стадии доработки¹⁵. Так, красноречивым доказательством отсутствия единообразной практики международных и национальных органов уголовной юстиции по привлечению к ответственности действующих и бывших руководителей государств служит вынесенное в 2002 г. решение Международного суда ООН «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.»¹⁶.

СПС и СДК имели право самостоятельно задерживать и арестовывать лиц, в отношении которых МТБЮ были вынесены обвинения. Такое соглашение узаконило спецоперации натовских контингентов в Боснии по задержанию обвиняемых, однако это противоречило мандату СПС в Боснии.

¹⁵ Этой проблемой занимается Комиссия международного права (КМП) в рамках темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», которая была включена в работу КМП в 2007 г. (59-я сессия). Специальным докладчиком был назначен Р. А. Колодкин. Им был подготовлен Предварительный доклад (2008 г., Док. ООН A/CN.4/601), Второй доклад (2010 г., A/CN.4/631) и Третий доклад (2011 г. A/CN.4/646). В помощь Комиссии был также предоставлен Меморандум Секретариата по данной теме (A/CN.4/596). В 2012 г. докладчиком избрана Консепсьон Эскобар. Она представила Предварительный доклад (2012 г., Док. ООН A/CN.4/654), Второй доклад (2013 г., A/CN.4/661), Третий доклад (2014 г., A/CN.4/673), Четвертый доклад (2015 г., A/CN.4/686). Всемирная Ассоциация международного права (доклад «Об осуществлении универсальной юрисдикции в отношении грубых нарушений прав человека» 2000 г.), Институт международного права (резолюции «Универсальная уголовная юрисдикция в отношении преступления геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений» 2005 г. и «Об иммунитете государства и лиц, действующих от имени государства, в случае международных преступлений» 2009 г.) предприняли ряд шагов в этом направлении. В свою очередь, КМП в рамках вопроса действия принципа *aut dedere aut judicare* также внесла вклад в эту проблему. На протяжении последних трех сессий (66-й, 67-й и 68-й) Комиссия занималась разработкой Проекта статей об иммунитете от иностранной уголовной юрисдикции, которым могут обладать лица, представляющие государство или действующие от его имени. К настоящему времени Комиссия приняла пять проектов статей вместе с комментариями к ним (Доклад Комиссии международного права о работе ее 67-й сессии. Док. ООН A/70/10, гл. X, п. 171-243, п. 173.), дорабатывается текст ст. 2 об употреблении терминов: ст. 1, 3, 4 (См.: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 68-я сессия. Дополнение № 10 (A/68/10), п. 48 и 49) ст. 2(е) и 5; ст. 2(ф) и 6 (Док. ООН A/CN.4/L.865. Комиссия международного права. 67-я сессия. Женева, 4 мая – 5 июня и 6 июля – 7 августа 2015 г. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Текст проектов статей, в предварительном порядке принятый Редакционным комитетом на 67-й сессии.). Но это пока еще только лишь проекты.

¹⁶ См.: Arrest Warrant-Case. Judgment. Para. 45.

11 апреля 2000 г. бельгийский судья выдал международный ордер на арест in absentia в отношении тогда еще действующего министра иностранных дел Конго А. Й. Ндомбаси, который обвинялся в совершении международных преступлений. 17 октября 2000 г. Конго направило в Международный суд заявление, в котором обвинило Бельгию в нарушении международного права в связи с тем, что, выдавая ордер на арест министра, Бельгия посягнула на иммунитет должностного лица Конго, а также неправомерно инициировала преследование in absentia на основании принципа универсальной юрисдикции. Рассматривая это дело, Международный суд ООН пришел к выводу о том, что действующий министр иностранных дел обладает иммунитетом от уголовного преследования иностранными судами и не может быть привлечен к уголовной ответственности, даже несмотря на то, что он обвиняется в совершении международных преступлений: таких, как (в данном деле) военные преступления или преступления против человечности¹⁷. Более того, Суд ООН указал на то, что исследование практики государств, включая национальное законодательство и решения верховных судов некоторых государств, не позволяет вывести правило об отсутствии международного иммунитета у действующих глав государств. Кроме того, из посвященных иммунитетам или должностному положению предписаний уставов международных судов, равно как и из их решений, нельзя вывести правило о том, что иммунитеты высокопоставленных должностных лиц не действуют в случае преследования таких лиц национальными судами. Обобщив свои выводы, Суд ООН указал, что суды иностранных государств могут привлечь таких лиц к уголовной ответственности, если государство, которое они представляют, решит лишить их иммунитета, либо, если лицо покинет соответствующий пост, его можно будет привлечь за «деяния, совершенные до или после нахождения в соответствующей должности, равно как и за деяния, совершенные в частном качестве в течение срока полномочий»¹⁸. Строго говоря, Суд поддержал действия в международном праве иммунитета высокопоставленных должностных лиц, даже в случае обвинения их в совершении международных преступлений. Причем, по мнению Суда, уголовному преследованию препятствует не только иммунитет *ratione personae*, которым наделены действующие высокопоставленные должностные лица государства, но и иммунитет *ratione materiae* бывших руководителей государства за действия, совершенные в официальном качестве. Это решение суда подверглось острой критике не только в литературе¹⁹, но и со стороны ряда судей этого же суда²⁰. Получалось, что решение Международного суда по делу об ордере на арест практически игнорирует все предшествующее развитие международного уголовного права²¹. Определенно заслуживает внимания особое мнение судьи К. ван ден Вингард в деле «Об ордере на арест»²².

¹⁷ См.: Там же. 58.

¹⁸ См.: Там же. 61.

¹⁹ См.: *Sands Ph.* International Law Transformed? From Pinochet to Congo...? // *Leiden Journal of International Law*. 2003. Vol. 16, № 1. P. 49 ; *Kress C.* Der Internationale Straferichtshof im Spannungsfeld von Völkerrecht und Immunitätsschutz. Besprechung von IGH Urteil vom 14.2.2002 (Demokratische Republik Kongo v. Belgien) // *GA*. 2003. S. 33 f. ; *Wirth S.* Immunity for Core Crimes? The ICJ's Judgment in the Congo v. Belgium Case // *European Journal of International Law*. 2002. Vol. 13, № 4, P. 888 f. ; *Gries T.* Der aktuelle Fall: Der lange Arm des nationalen Richters: Demokratische Republik Kongo v. Konigreich Belgien // *Humanitäres Völkerrecht*. 2001. S. 25.

²⁰ См.: *Arrest Warrant-Case*. Dissenting Opinion of Judge van den Wyngaert. Paras. 24–28 ; Dissenting Opinion of Judge Alkhasawneh. Paras. 5–7.

²¹ См.: *Weiß W.* Völkerstrafrecht zwischen Weltprinzip und Immunität // *Juristische Zeitung*. 2002. № 14. S. 697.

²² См.: *Arrest Warrant of 11 April 2002 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium)*, Judgment,

Мы категорически не согласны с выводами Международного суда ООН в силу нижеследующих причин.

Рассматривая вопрос об иммунитете должностных лиц, необходимо отметить, что военные (международные) преступления совершаются, как правило, руководителями и высшими должностными лицами государства, использующими всю мощь государственного аппарата для своих преступных деяний. Как правило, такие лица в своих государствах являются практически недосыгаемыми для национального правосудия. Это обуславливает необходимость уголовного преследования военных (международных) преступлений, осуществляемого международными уголовными судами и национальными (иностранскими) судами, которые, действуя на основании экстерриториального и универсального принципов, могут привлекать к ответственности иностранцев. Именно здесь и возникает конфликт между принципом индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления и международными иммунитетами, так как высшим должностным лицам государства по международному праву предоставлен иммунитет *ratione personae* (персональный) и иммунитет *ratione materiae* (функциональный). При этом иммунитет *ratione materiae* защищает глав государств и других высокопоставленных лиц от уголовного преследования за деяния, которые они совершили в официальном качестве в течение срока своих полномочий. Иммунитет *ratione personae* имеет процессуальную природу и налагает запрет на любое уголовное преследование в то время, когда лицо занимает соответствующую должность²³.

Соотношения международно-правовых норм об иммунитетах глав государств и уголовного преследования международных преступлений показывает, что ни Женевские конвенции 1949 г., ни Дополнительные протоколы к ним, которые устанавливают ответственность индивидов за военные преступления не содержат ни одного упоминания об иммунитетах высших должностных лиц государств. В Статуте МУС закреплён принцип о нераспространении на высших должностных лиц иммунитетов как по национальному, так и по международному праву. Однако единого мнения по поводу того, действует ли эта норма только тогда, когда преследование осуществляется МУС (т.е. в «вертикальных отношениях») или же государства – участники Статута также могут руководствоваться этим положением при осуществлении уголовного преследования на национальном уровне (т.е. в «горизонтальных отношениях»), нет. Сторонники одной позиции утверждают, что поскольку Статут действует на основании принципа комплиментарности, следовательно, приоритет в деле преследования международных преступлений отдаётся национальным судам и как следствие – именно они «должны» вводить уголовную ответственность за эти составы и преследовать виновных, поэтому государства-участники могут также действовать без учета норм о международных иммунитетах²⁴. Мы разделяем мнение большинства ученых, которые исходят из буквального толкования ст. 27 и ст. 98 Статута²⁵, считая, что только она соответствует международному обычному

1. S.J. Reports 2002, p. 3 (в частности, о том, что военные преступления и преступления против человечности не относятся к действиям должностного лица в личном качестве. Она заявила о чрезвычайно минималистском подходе к изысканию обычных норм об изъятиях из иммунитетов в международном праве (со ссылкой на Нюрнбергские принципы, резолюции ГА ООН, ст. 4 Конвенции о геноциде, доклады НПО и судебные решения)).

²³ См.: Princeton Project on Universal Jurisdiction: Princeton Principles on Universal Jurisdiction. Commentary. S. 32. URL: <http://www.princeton.edu>

²⁴ См.: Kleffner J. K. The Impact of Complementarity on National Implementations of Substantive International Criminal Law // Journal of International Criminal Justice. 2003. № 1. P. 103–106

²⁵ Ст. 27 Статута должна рассматриваться в совокупности с нормами, регулируемыми взаимодействием государств – участников Статута и Международного уголовного суда, в частности,

праву, в соответствии с которым международные иммунитеты не действуют только в рамках преследования, осуществляемого МУС и что государства – участники Статута не могут привлечь к ответственности высшее должностное лицо, подозреваемое в совершении международного преступления, но тогда в дело и вступит МУС²⁶. Некоторые государства, в рамках имплементации Статута МУС уже приняли правовые акты, где урегулирован вопрос о действии иммунитетов, другие, например Австрия, Германия, Канада, Словения, Франция, Швейцария, ЮАР, не затронули этот вопрос. Так, Нидерланды прямо закрепили действие иммунитета *ratione personae*²⁷, а Англия установила норму о том, что международные иммунитеты не должны препятствовать осуществлению уголовного преследования международных преступлений²⁸. Наша позиция обосновывается тем, что логика предоставления главам государств и др. международного иммунитета базируется на принципах суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела и направлено на обеспечение эффективного осуществления государственных функций и нормальное поддержание межгосударственного общения. Ситуация, при которой национальные (иностраные) суды государств могли бы привлекать к уголовной ответственности действующих глав других государств, породило бы разного рода политические злоупотребления и создало бы угрозу стабильности в международных отношениях государств. Поэтому, на наш взгляд, такая прерогатива должна быть только у МУС (т.е. должна основываться на «вертикальных отношениях») как «суда последнего уровня», и международные иммунитеты не должны действовать только в рамках преследования, осуществляемого МУС.

Рассматривая вопрос об иммунитете должностных лиц, необходимо рассмотреть практику национальных (иностраных) судов по уголовному преследованию бывших или действующих высокопоставленных должностных лиц за совершение военных (международных) преступлений. Нельзя не согласиться с мнением И. И. Лукашука, что «проблема индивидуальной уголовной ответственности руководителей государств представляется одной из важнейших в обеспечении эффективности международного права и вместе с тем одной из сложнейших, поскольку решения об этом принимаются руководителями государств»²⁹. В различных государствах были инициированы процессы против бывших и действующих глав других госу-

в совокупности с ч. 1 ст. 98 Статута, по которой «суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета». Следовательно, Международный уголовный суд правомочен привлекать к уголовной ответственности высших должностных лиц государств – участников Римского статута и только в том случае, если обвиняемым является наделенное международным иммунитетом должностное лицо «третьего государства», суд обязан сначала заручиться согласием этого государства (см.: *Triffterer O. Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article. Baden-Baden, 1999. P. 512 ; Duffy H., Huston J. Implementation of the ICC Statute: International Obligations and Constitutional Considerations // Kress C., Lattanzi F. The Rome Statute and Domestic Legal Orders. Baden-Baden, 2000. Vol. 1. P. 36).*

²⁶ См.: *Cassese A. The Belgian Court of Cassation v. the International Court of Justice: the Sharon and others Case // Journal of International Criminal Justice. 2003. № 1. P. 443.*

²⁷ См.: Sec. 16 of the (Dutch) International Crimes Act. URL.: <http://www.iccnw.org> (дата обращения: 01.03.2017).

²⁸ См.: Sec. 23 Abs. 1 of the (UK) International Criminal Court Act 2001. URL.: <http://www.iccnw.org> (дата обращения: 01.03.2017).

²⁹ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник. М., 2001. С. 74.

дарств по обвинению в совершении военных (международных) преступлений. Однако непреходящее значение для международного права имеет дело Аугусто Пиночета, являющееся первым случаем, когда бывший глава государства предстал перед национальным судом другого государства. Оно стало отправной точкой для возбуждения уголовных дел в других государствах, и все последующие попытки привлечь высокопоставленных должностных лиц к ответственности так или иначе базировались на решении Палаты лордов по делу Пиночета³⁰. Так, в Чили Пиночету был гарантирован «пожизненный иммунитет», и возбуждение уголовного дела в отношении бывшего диктатора было возможно только в другом государстве. Таким государством стала Испания, где было инициировано уголовное преследование Пиночета по обвинению в убийстве испанских граждан в Чили и был выдан международный ордер на арест. На основании этого ордера в 1998 г. Пиночет был арестован лондонской полицией. При рассмотрении в ряде инстанций (в том числе в Палате лордов) центральным стал вопрос об иммунитете экс-диктатора³¹. Ряд судей признали, что институт иммунитета высших должностных лиц не покрывает тяжчайшие международные преступления³², совершение таких деяний, противоречащих *jus cogens*³³, осуждается всеми странами как преступные и поэтому не может защищаться нормами международного права об иммунитете за действия, совершенные в официальном качестве. При этом то что индивидуум действовал, исполняя официальные функции, ни при каких обстоятельствах не может препятствовать судебному преследованию³⁴. Судьи Палаты лордов пришли к окончательному выводу, что Пиночет не обладает иммунитетом в отношении преступлений, совершенных им во время пребывания в должности президента. В решении было указано, что преступления, в совершении которых обвиняется генерал, не могут рассматриваться как официальные действия: «Международное право сделало очевидным, что определенные виды деяний, включая пытки и взятие заложников, являются неприемлемыми, кем бы они ни совершались. Это применимо также к главам государств и даже больше, чем к кому-либо другому; противоположный вывод был бы насмешкой над международным правом»³⁵. Мы полностью разделяем справедливое мнение лорда Миллета, отраженное в особом мнении в деле Палата лордов против Пиночета: «Международное право не может содержать нормы о пресечении преступлений, имеющие характер *jus cogens*, и в то же самое время обеспечивать иммунитет, которые сосуществуют вместе с обязательствами, которые оно налагает»³⁶. Как справедливо отметил в решении лорд Вилкинсон:

³⁰ См.: *Sears J. M. Confronting the "Culture of Impunity": Immunity of Heads of State from Nuremberg to ex parte Pinochet // German Yearbook of International Law. 2000. P. 146.*

³¹ См.: UK House of Lords: *Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others, Ex parte Pinochet (No. 3) [1999] 2 All England Reports. P. 97*

³² См.: Там же. P. 190.

³³ См.: Особое мнение лорда Миллета в деле Пиночета (сноска 17. Ibid, P.179). Это мнение было поддержано также лордами Броуни-Вилкинсом, Савили и Филиппсом (см. соответственно p. 114–115, 169, 190).

³⁴ См.: UK House of Lords: *Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others, Ex parte Pinochet (No. 3) [1999] 2 All England Reports. Особые мнения: P. 176–177 (лорд Миллет), 114–115 (лорд Броуни-Вилкинс), 169 (лорд Савили), 190 (лорд Филиппс) (см.: Opinions by Lord Steyn and Lord Nicholls, Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte (No. 1).*

³⁵ *R. v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others, ex parte Pinochet, R. v. Evans... ex parte Pinochet. House of Lords, 25 November 1998 (Pinochet No. 1) // ILM. 1998. № 37. P. 1302.*

³⁶ Мнение лорда Миллета в деле UK House of Lords: *Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others, Ex parte Pinochet (No. 3) [1999] 2 All England Reports. P. 179.*

«...как может соответствовать международному праву официальное полномочие делать то, что само международное право запрещает и криминализует?»³⁷. Причем соответствующие запреты международного права носят императивный характер, представляя собой нормы *jus cogens*. Более того, государственный или должностной или какой-либо иной иммунитет не может сосуществовать с международными преступлениями, так как «международное преступление является не менее, а, может быть, и более оскорбительным для международного сообщества, когда оно совершается под видом исполнения должностных обязанностей... ни одна существующая норма международного права не требует предоставления персонального иммунитета от преследования в связи с международным преступлением»³⁸. «В таких условиях высокое положение не защитит обвиняемого»³⁹. Несмотря на то что процесс в Испании так и не состоялся, диктатор не был осужден по состоянию здоровья, не был выдан Испании, ему разрешили вернуться в Чили, рассмотрение дела Пиночета представляет собой первый случай, когда бывший глава государства предстал перед национальным судом другого государства, где рассматривалось дело о нарушении международного права. Более того, в первый раз было признано, что бывший глава иностранного государства не обладает иммунитетом *ratione materiae* в отношении деяний, запрещенных международным правом, и признана юрисдикция над грубыми нарушениями прав человека, не ограниченной территорией государства, где они имели место, и гражданством потерпевших. Полагаем, что совершение международных преступлений – действия *ultra vires* – выходят за пределы функций государства и на них не распространяется иммунитет.

Таким образом, императивный характер международного запрета на совершение военных преступлений обладает приоритетом над нормами о международном иммунитете.

Другим делом, иллюстрирующим отрицание доктрины иммунитетов глав государств в случае совершения ими международных преступлений является дело бывшего Президента Чада Х. Хабре. Так, суд первой инстанции Сенегала вынес обвинительное заключение в отношении Хиссена Хабре – бывшего диктатора Чада, управлявшего страной с 1982 по 1990 г. Однако процесс был прекращен на основании решений вышестоящих судов, обосновавших свое решение отсутствием юрисдикции⁴⁰. Среди процессов над действующими главами государств, инициированных в иностранных государствах, можно в качестве примера отметить процессы над Муаммаром аль Каддафи и Ариэлем Шароном. Так, с октября 1999 г. по март 2001 г. во Франции длился судебный процесс в отношении ливийского лидера Муаммара аль Каддафи. К тому времени Каддафи фактически оставался действующим главой государства, хотя и сменил свой пост президента Общего Народного Конгресса на звание «лидера великой революции 1 сентября». После начала процесса в суде первой инстанции прокурор подал жалобу в апелляционный суд, ссылаясь на то, что Каддафи обладает иммунитетом и, следовательно, не подлежит уголовному преследованию. Апелляционный суд в своем решении от 20 октября 2000 г. пришел к выводу, что лица, обвиняемые в совершении международных преступлений, не пользуются международным иммунитетом. Однако Верховный Суд Франции отме-

³⁷ См.: *R. v. Bartley and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others, ex parte Pinochet, R. v. Evans...*, ex parte Pinochet (Pinochet No. 3) // ILM. 1999. № 38. P. 581.

³⁸ См.: Там же. P. 924 (per Lord Phillips).

³⁹ См.: *R. v. Bow Street Magistrate, Ex parte Pinochet* (1999) 2 W.L.R. 827, 38 I.L.M. 430 (H.L.), p. 913, p. 914 (per Lord Millet).

⁴⁰ См.: *Ruffert M. Pinochet follow up* // Netherlands Journal of International Law. 2001. Vol. 48, № 2. P. 174–175.

нил это решение на основании того, что, каким бы серьезным ни было нарушение международного права, нельзя делать исключения из иммунитета действующего главы государства. В 2001 г. по заявлению ливанцев и палестинцев в Бельгии было начато уголовное расследование в отношении Ариэля Шарона по делу о преступлениях, совершенных в 1982 г. в городах Сабре и Шатиле, когда подозреваемый занимал пост министра обороны⁴¹. Он обвинялся в геноциде, преступлениях против человечности и в военных преступлениях⁴². Правомерность возбуждения уголовного дела была оспорена прокурором в суде апелляционной инстанции. Апелляционный суд признал такой процесс незаконным, сославшись на то, что обвиняемый должен присутствовать на территории Бельгии. Верховный Суд Бельгии в свою очередь признал, что уголовное преследование А. Шарона неправомерно, так как он на момент подачи частными лицами заявления и на момент принятия судом решения является действующим премьер-министром иностранного государства и, следовательно, пользуется иммунитетом от уголовного преследования⁴³.

Таким образом, вплоть до настоящего времени в истории еще не было случаев привлечения к уголовной ответственности действующего главы государства или других высокопоставленных должностных лиц за международные преступления национальными (иностранскими) судами. Несмотря на наш вывод о том, что в международном праве иммунитет от уголовной юрисдикции главы государства во время пребывания в должности не признается в отношении международных преступлений⁴⁴, т.е. действие международных иммунитетов вообще не препятствует привлечению виновных в совершении международных преступлений к уголовной ответственности и международное право декларирует возможность уголовного преследования национальными органами уголовной юстиции действующих высокопоставленных должностных лиц иностранных государств, совершивших военные (международные) преступления, тем не менее, отсутствие практики привлечения национальными органами уголовной юстиции иностранного государства к уголовной ответственности действующих высокопоставленных должностных лиц противоборствующего государства, совершивших военные преступления, свидетельствует о том, что в международном праве не сложилось международного обычая о приоритете принципа индивидуальной ответственности высших должностных лиц государства за международные преступления над международными иммунитетами *ratione personae* в случае, когда преследование происходит на национальном уровне. Вместе с тем международное право исходит из правомерности преследования национальными органами уголовной юстиции бывших высокопоставленных должностных лиц иностранных государств, т.е. в случае утраты иммунитета *ratione materiae*⁴⁵.

Таким образом, приоритет принципов индивидуальной уголовной ответственности и неотвратимости наказания перед международными иммунитетами при осуществлении преследования на международном уровне фактически действует, а на национальном уровне носит чисто декларативный характер и фактически не действует до тех пор пока не утратят свою силу материальные иммунитеты бывших руководителей и иных высокопоставленных лиц государств, т.е. на практике соот-

⁴¹ См.: *Altman H.* The Future of the Head of State Immunity: The Case against Ariel Sharon, <http://www.indictsharon.net>. (дата обращения: 05.04.2017).

⁴² См.: *Cassese A.* International Law, Oxford University Press, Oxford, 2005. P. 438.

⁴³ Решения Cour d'appel от 26 июня 2002 г. и Cour de Cassation от 12 февраля 2003 г. URL.: // www.Sabra-shatila.be; URL.: <http://www.cass.be>

⁴⁴ См.: *Иногамова-Хегай Л. В.* Международное уголовное право. М., 2003. С. 106.

⁴⁵ См.: *Sears J. M.* Confronting the "Culture of Impunity": Immunity of Heads of State from Nuremberg to ex parte Pinochet // German Yearbook of International Law. 2000. P. 145–146.

ношение принципа индивидуальной уголовной ответственности и международных иммунитетов меняется в зависимости от того, какие органы уголовной юстиции осуществляют уголовное преследование – национальные или международные. Наш вывод подтверждается также практической невозможностью привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц Грузии и Украины – президента, министра обороны, начальника генштаба и других высокопоставленных должностных лиц на территории России национальными органами уголовной юстиции РФ, так как указанные лица в соответствии с нормами международного права, хотя и не подпадают под действие международных иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, тем не менее Международная организация уголовной полиции (Интерпол) отказывается их разыскивать.

Представляется, что в настоящее время единственно возможным и перспективным вариантом привлечения действующих руководителей и иных высших должностных лиц противоборствующего государства к уголовной ответственности за совершение военных преступлений может быть инициация процедуры расследования международных преступлений в Международном уголовном суде. Другим возможным вариантом может быть привлечение бывших руководителей и иных высших должностных лиц противоборствующего государства к уголовной ответственности за совершение военных преступлений национальными органами уголовной юстиции.

*Военный университет Министерства обороны РФ
(г. Москва)*

Григорян Г. М., докторант кафедры криминалистики

*Military University Ministry of Defense
Russian Federation (Moscow)*

*Grigoryan H. M., Doctoral Student of the Criminalistics Department
E-mail: sudvl@mail.ru*

Б. В. Йогансон. «Советский суд» (1928)

ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД – КУЗНИЦА НОВОГО БЫТА

Революция — это когда право перестает быть правом. Стабильность права в деле революции оказывается мифом, на смену которому приходит новый — о другом, хорошем, правильном праве. Любая революция, будь то французская, октябрьская или оранжевая врывается в эпоху со всеми своими атрибутами: очередным независимым судом и люстрацией старорежимных судей, лозунгами о новой народной справедливости и подлинной состязательности, верой в народ (а не закон!) как основной источник судебной власти. Новому праву революции нужны новые великие идеи — ведь невеликих революций не бывает!?! И без пропаганды здесь не обойтись — все искусство подчинено революционному ритму: музыка, театр, литература, архитектура и, конечно, живопись.

В ряду заметных художников-пропагандистов переломного Октября 1917 года, принявших революцию и прославивших ее плоды в своем творчестве, центральное место занимает Борис Владимирович Йогансон (1893–1973) — народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, Герой Социалистического Труда, президент Академии художеств СССР.

В своем творчестве Йогансон формулирует новые традиции советской реалистической живописи — осмысление совершившейся революции в исторической перспективе, выявление тех социальных и духовных основ, которые сделали революцию в нашей стране закономерной и победоносной. Безусловное признание мастерства художника можно увидеть и в том, что его картины традиционно были вклейками для сочинений в советских школьных учебниках: «Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе», «Рабфак идет», «Выступление В. И. Ленина на 3-м съезде комсомола» и др.

Новой советской действительности посвящена и картина «Советский суд» (1928). Это жанровая картина с замечательной компози-

цией и простым сюжетом, который вряд ли требует пояснений. Судебное разбирательство об установлении отцовства и взыскании алиментов выписано такими художественными средствами, что становится очевидным то правосудное решение, которое вынесет «самый гуманный суд в мире». Художник не скрывает своих чувств ко всем персонажам, пишет их звучно, контрастно, полнокровным живописным языком, поскольку сам верит в советский быт и социалистическую мораль, утверждаемые пролетарским судом.

Картина удалась. В ней все отвечало искусству молодого социалистического общества — и мастерство художника, и щепетильный сюжет, и новые задачи народной власти. На основе «Советского суда» был создан лубок, который массовыми тиражами разошелся среди новых граждан новой Советской страны, с одной лишь особенностью — пропаганда нового социалистического права доводилась, как и при прежнем царском режиме, через рифму частушек:

Соблазнился кулачина
На Акулькину красу.
Родила батрачка сына. Пров не платит.
Девка — в суд.

Вызван в суд и Пров Тимохин.
Говорит — земли черней:
«Врет Акуля! Все подвохи!
Много хахалей у ней!».

Пров орет, напружив шею,
Злая ложь в его речах,
Девка ж — клад, никто за нею
Ничего не примечал.

Зря кулак наделал звону,
Клевета для всех ясна.
Ты заплатишь по закону
Алименты все сполна.

Д. Зотов